

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2018

#5 (31) || September

№5 (31) || сентябрь

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2018-31-5-1-218

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шеишкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Раздобурдина

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Ремнёва М.Л. (Москва, Россия)</i> О системе временных форм в древнерусском языке	9
<i>Кръстева Г. (Пловдив, Болгария)</i> Личное и антологическое, или Некоторые наблюдения над авторскими лирическими антологиями в современной болгарской поэзии (2010–2017 гг.)	15
<i>Сабо Б. (Београд, Србија)</i> А. Јелачић (1892–1941) о руској критици и социјалној мисли на страницама часописа «Руски архив» (1928–1937)	27
<i>Огнева Е.В. (Москва, Россия)</i> Реализм как анатомия характера: «Кузен Базилио» Эсы де Кейроша	37
<i>Долженкова В.В. (Москва, Россия)</i> К вопросу о национально-культурном компоненте фонетической системы испанской устной речи	44
<i>Певак Е.А. (Москва, Россия)</i> Гоголь в зеркале русского модернизма	51
<i>Ямпольская А.В. (Москва, Россия)</i> О переводе титров для театральных спектаклей	63

Фундаментальные исследования

<i>Пипер П. (Белград, Сербия)</i> Ивичевский период в развитии славянского языкознания в Сербии во второй половине XX века	72
--	----

Материалы и сообщения

<i>Матыцина И.В., Чернякова Т.Д. (Москва, Россия)</i> О некоторых способах передачи значений шведских глаголов с поствербями в русском и нидерландском языках	104
<i>Пауткин А.А. (Москва, Россия)</i> Искусство экфрасиса. Современная и классическая скульптура в оценке И.С. Тургенева	111
<i>Тюняева О.Д. (Москва, Россия)</i> Соотношение случая и эксперимента в малой прозе И.С. Тургенева: «студия типа» «Стук... стук... стук!..»	116
<i>Асеева С.А. (Москва, Россия)</i> Творческий диалог И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого: одноименные лирические миниатюры под названием «Сон»	125
<i>Дровалева Н.А. (Москва, Россия)</i> Поэтика портрета в «малой» прозе В.Я. Брюсова: к постановке проблемы	135
<i>Канарская Е.И. (Нижний Новгород, Россия)</i> Концепция двойничества в произведениях Н.В. Коляды (на материале «гоголевских» пьес)	139

<i>Орлова М.В. (Москва, Россия) Аспектуальная характеристика французских глагольных форм passé composé и особенности их употребления в нарративном тексте (на примере романа А. Нотомб «Les Catilinaires»).....</i>	146
<i>Пахтусова В.Н. (Москва, Россия) Жанровые традиции А.П. Чехова в творчестве Ю.М. Нагибина .....</i>	155
<i>Стрельникова Е.С. (Воронеж, Россия) Двойничество как основной элемент поэтики романа Станислава Лема «Эдем».....</i>	161

Библиографии

<i>Котова М.Ю. (Санкт-Петербург, Россия) Изучение славяно-германской компаративистики в Германии: Тематическая библиография диссертаций и других фундаментальных научных исследований Германии по славяно-германской компаративистике (1998–2017).....</i>	169
--	-----

События. Имена. Судьбы

<i>Липгарт А.А. Ирина Владимировна Гюббенет (1939–2018): человек, ученый, педагог, переводчик.....</i>	184
--	-----

Научная жизнь

<i>Беляева И.А. (Москва, Россия) Научная конференция к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева: «Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия» .....</i>	195
<i>Анастасьева И.Л., И.Е. Карпенко (Москва, Россия) Международная конференция русистов в Барселонском университете.....</i>	200
<i>Бабанов А.В. (Санкт-Петербург, Россия) 20-е Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова (международная научная конференция).....</i>	204

Критика. Библиография

<i>Шешкен А.Г. Чурич Бобан. Из жизни русского Белграда. Белград: Филологический факультет Белградского университета. Белпак, 2015. 231 с. ....</i>	210
--	-----

In Memoriam

<i>Розинская О.В. Памяти Татьяны Яковлевны Орловой (1949–2018).....</i>	215
<i>Аникин Владимир Прокопьевич (06.08.1924–25.09.2018) .....</i>	217

Content

Articles

- Remneva M.L. (Moscow, Russia)* The Old Russian Tense Forms 9
- Krysteva G. (Plovdiv, Bulgaria)* Personal and Anthological,
or Some Observations on Author's Lyric Anthologies
in Contemporary Bulgarian Poetry in the Period 2010–2017 16
- Bojana S. (Belgrade, Serbia)* A. Jelachic (1892–1941) about Russian Literary
Criticism and Social Thought in the “Russian Archive” (1928–1937) 27
- Ogneva E.V. (Moscow, Russia)* Realism as the Anatomy of Character
Eça de Queirós's “Cousin Basilio” 37
- Dolzhenkova V.V. (Moscow, Russia)* On the National-Cultural Component
in the Phonetic System of the Spanish Spelling 44
- Pevak E.A. (Moscow, Russia)* Gogol in the Mirror of Russian Modernism 51
- Yampolskaya A.V. (Moscow, Russia)* Translating Subtitles for Theatre 63

Fundamental Research

- Piper P. (Belgrade, Serbia)* Ivichev Period in the Development of Slavic Linguistics
in Serbia at the Second Half of the 20th century 73

Communications and Materials

- Matytsina I.V., Cherniakova T.D. (Moscow, Russia)* Some Ways of Expressing
the Meaning of Swedish Verbs with Postverbs in Russian and Dutch 104
- Pautkin A.A. (Moscow, Russia)* The Art of Ekphrasis.
Modern and Classical Sculpture in the Assessment of Ivan Turgenev 111
- Tyunyaeva O.D. (Moscow, Russia)* Correlation of the Event and Experiment
in Ivan Turgenev's Small Prose:
“Studio of a Type” “Knock... Knock... Knock!” 116
- Aseeva S.A. (Moscow, Russia)* The Creative Dialog of Ivan Turgenev
and Leo Tolstoy: Self-titled Lyrical Miniatures “The Dream” 125
- Drovaleva N.A. (Moscow, Russia)* To the Problem of a Portrait
in Bryusov's Short Stories 135
- Kanarskaya E.I. (Nizhny Novgorod, Russia)* The Duplicity Conception in
Works by Nikolai Kolyada (Based on the “Gogol” Plays) 139
- Orlova M.V. (Moscow, Russia)* Aspectual Properties of the French Verb Tense
passé composé and the Particularities of Its Use in Narrative Text
(Based on the Material of the Novel “Les Catilinaires” by A. Nothomb) 146
- Pakhtusova V.N. (Moscow, Russia)* Anton Chekhov's Genre Tradition
in Yuri Nagibin's Work 155

Strelnikova E.S. (Voronezh, Russia) The Duplicity as the Basic Poetics' Component of Stanislaw Lems' novel "Eden" 161

Bibliography

Kotova M.Y. (Saint Petersburg, Russia) Slavonic-Germanic Comparative Studies in Germany: Thematic Bibliography of Dissertations and Other Types of Fundamental Research in Germany on Slavonic-Germanic Comparative Studies (1998–2017)..... 169

Events. Names. Destiny

Lipgart A.A. Irina Vladimirovna Giubbenet (1939–2018): Scholar, Teacher, Translator 184

Academic Life

Belyaeva I.A. (Moscow, Russia) Scientific Conference on the 200th Anniversary of the Birth of Ivan Turgenev: "Late Turgenev: Texts, Events, Assessments, Problems of Heritage" 195

Anastasjeva I.L., Karpenko I.Ye. (Moscow, Russia) International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona 200

Babanov A.V. (St. Petersburg, Russia) 20th Slavonic Reading of the Memory of Professor P.A. Dmitriev and Professor G.I. Safronov (International Scientific Conference) 204

Critique. Bibliography

Sheshken A.G. (Moscow, Russia) Churich Boban. From the Life of Russian Belgrade. Belgrade: Philological Faculty of the Belgrade University. Belpak, 2015. 231p. 210

In Memoriam

Rozinskaya O.V. In Memory of Tatyana Yakovlevna Orlova (1949–2018) 215

Anikin Vladimir Prokopievich (06.08.1924–25.09.2018) 217

Статъи

Articles

М.Л. Ремнёва (Москва, Россия)

О системе временных форм в древнерусском языке

Аннотация: В статье рассматривается глагольная система восточнославянского диалекта праславянского языка, особенность которой в том, что временные значения передавались путем противопоставления презентной формы – форме на **-л**. Все прочие временные формы являлись средством оформления модальных значений. Автор констатирует: в восточнославянском диалекте форма на **-л** – единственный способ передачи значения действия или состояния в прошлом, причем для обозначения лица используются личные местоимения или личная форма глагола **БЫТИ**.

Ключевые слова: восточнославянский диалект праславянского языка, глагольная система, временные формы

M.L. Remneva (Moscow, Russia)

The Old Russian Tense Forms

Abstract: This article discusses verbs in the East Slavonic dialect in Proto-Slavic whose temporal meanings were made largely through an opposition of the present form and the **-l** form. Other kinds of temporal forms served to make modal meanings. It is argued that in the East Slavonic dialect the **-l** form was the only way of rendering the meaning of a past action or state, the category of person was shown either through a personal pronoun or a personal form of the verb **БЫТИ**.

Key words: East Slavonic dialect in Proto-Slavic, verb system, tense forms

The structure of tense forms in Old Russian has been studied for a long time. Research into monuments of written Russian enabled linguists in the 19th and 20th centuries to hypothesize that in the earliest period of Old Russian spoken language a past action or state was denoted either by an opposition aorist / imperfect or a group of perfect tenses. This assumption was widely accepted. It is assumed that in the 12th–13th centuries, spoken language began to lose aorist and perfect forms. Later the perfect tense began to change not only its form, but its meaning.

When scholars brought into scientific discourse new sources of business written communication including Novgorodian birch bark letters, which showed how elements in the old system of past tenses worked, it was found that the earlier texts are identical

to the later texts as they have rare uses of aorist and just single uses of imperfect; both aorist and imperfect alternate with the participial form with -а, aorist forms are few and they are used but occasionally. This is to suggest that there was no opposition aorist / imperfect throughout the whole of Old Russian period. The fact that scribes would use old, Church Slavonic, tense forms in their texts has no proof as there are no contexts which would necessarily require such forms. And although we admit the occurrence of fragments with a complex system of past tenses in the “right” contexts from well-known Church Slavonic texts, the Sobornoye Ulozhenie of 1649 (the Russian Legal Code) and official papers (or *gramoty* in the vernacular) written in the 16th–17th century, there is no doubt that simple preterites had vanished by the time.

Rare uses of imperfect forms in official papers witness to the fact that in the East Slavic dialect zone of Proto-Slavic the imperfect meaning did not get a grammatical form, and in this dialect the meaning of an action or a state in the past was originally conveyed through a group of perfect tenses and aorist. Assuming that there was no imperfect form in the tense system of eastern dialects, however, we have to admit this weakened the position of aorist, which had been an essential member in the opposition ‘aorist / imperfect’. Neither perfect tense or pluperfect, nor aorist in most cases was able to convey the meaning of imperfect or to replace it. This makes us think that aorist was missing in the grammar of East Slavic dialects within Proto-Slavic. Apparently, imperfect and aorist came into Old Russian official papers and legal documents as grammatical church slavonicisms.

There is no denying that Old Slavic business texts contained slavonicisms of various levels. The use of literary grammatical elements in opening and closing parts of official papers is attributable to the fact that these parts were more conventionalized in terms of genre and style and able to maintain archaic features of language. The use of aorist in 12th and 13th-century papers can be put down to the influence of literary language which was characterized by regular use of simple past tenses up to the 17th century. Yakubinsky justly claims that the penetration of Church Slavonic into the language of official papers was consistent as it greatly influenced the culture of Russian as the language of church, which was actually the literary language itself, and which meant a great deal to the ideology of society.

It should also be borne in mind that there was a hefty corpus of legal and business texts written in Church Slavonic and translated from Greek. This fact should be taken into account while discussing why and how grammatical slavonicisms emerged in written business East Slavonic texts.

Yakubinsky gives a good example of how Church Slavonic influenced the language of official papers. In the contract note between foreign merchants and Russian Prince Alexandr Nevsky representing Novgorod residents the first twenty lines use aorist to refer to a past action, the subsequent seventeen lines use no past tense at all, and the last lines use perfect in the same meaning as the aorist at the beginning. Yakubinsky makes a strong point that “the author had apparently wanted to make the paper sound terrifically learned and began to stuff the text with literary forms of aorist but after a break strayed from the point and switched to vernacular perfect forms”¹.

The author appears to be free in his choice of tense forms describing the same meaning. Writing an official paper, he fills it with past tense forms that are typical of everyday speech and literary language, and without a second thought about meaning he chooses one form or another with the intent to embellish the text. This is done by

---

¹ *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 290.

someone who is well aware of his actions. And all this can be possible only if there is already no connection between the form and its original (Old Slavonic) meaning. The possibility of “alternating” tense forms for stylistic purposes shows that each separate form has no semantics of its own. There is no escaping the impression that this is all about intentional use of Church Slavonic forms in written discourse rather than about the influence of Church Slavonic on written discourse.

Scholars might argue that this paper was made up in the 13th century, which is why it has a variety of past tenses, but it is in the 12th and 13th centuries that simple preterites began to disappear. Yakubovsky’s example is just a glaring one.

There is a similar picture with birch bark letters, historically most remote Old Russian texts. In them simple preterites alternate with perfect and the **-л** form. Moreover, participles ending in **-л** show a mere sequence of actions and may act in aorist, imperfect, perfect, and pluperfect contexts.

This therefore raises a problem of Old Russian perfect as an independent grammatical form having semantics of its own, a phenomenon in Old Slavonic literary texts that has a certain place among preterites.

Was there the perfect form in the Old Russian grammar?

Birch bark letters provide evidence that the use of the perfect form and its “fragment” – a participle ending in **-л** – is regulated by the rule: in the opening part of the paper the pattern with the first singular and plural pronouns is **СЕ ІАЗЪ ДАЛЪ (ПРОДАЛЪ, КУПИЛЪ, МЕНАЛЪ, or ПОЖАЛОВАЛЪ** in various contexts) **КСМЪ (КСМИ)**; the body of the paper either uses a phrase **КСМЪ, КСИ КУПИЛЪ** or a phrase with a participial form and personal pronouns **ІАЗЪ (І) or ТЫ (you)**, the **-л** form is used with the third person singular pronoun (**КУПИЛЪ**). There are very few digressions from this rule. The forms are clearly distributed in short papers, where, according to the rule, they follow one after another in perfect logical order.

In official papers therefore the past tense can be expressed either by the **-л** form (**КУПИ-Л-Ъ**), a combination of a personal pronoun and the **-л** form (**ІАЗЪ КУПИЛЪ**), or a combination of a personal form of the verb **БЫТИ** + the **-л** form (**КСМЪ КУПИЛЪ**) wherein the personal form might serve as a functional equivalent of a personal pronoun: in all structural parts of official papers, except the opening, they are used randomly, and the personal form of the verb **БЫТИ** becomes necessary only for avoiding ambiguity while indicating the subject of an action. It shows that the **-л** form is the only form to indicate past tense in official writing.

The use of perfect forms in the opening part is conventional. Perfect forms in the body of the paper are not perfect forms, semantically or formally, because the present form of the verb **БЫТИ** is a functional variant of a personal pronoun, which can be proved by the place of negation before the **-л** form in negative sentences and by the possibility to use personal forms of auxiliary verbs instead of a personal pronoun in subjunctive sentences.

Since the **-л** form was the only way to render the meaning of past tense in Old Russian, the complex perfect form used in the opening part of official papers became a stylistically marked, phraseologically-bound grammatical slavonicism. This accounts for the use of aorist in the opening parts of Novgorodian and Dvinian official papers. For the writers both of the forms belonged to a literary genre.

It is common practice to call Russian pluperfect *new* as it is normally regarded as the result of loss of simple past tenses in the vernacular. Nevertheless, since the material shows that the aorist / imperfect opposition was not observed in the official and vernacular papers of the 11th–13th centuries, imperfect is therefore absent from the lan-

guage of official and vernacular papers of the 11th–13th centuries. As long as it has not been proved that the aorist / imperfect opposition existed in the language of eastern Slavs, Russian pluperfect can be regarded as an original, and only, Old Russian form. It is known however that the old pluperfect meaning of priority to another action in the past was also rendered by other tense forms: the -л form in monuments of vernacular and official written language, aorist in monuments of Slavonic literary language, imperfect in the Grammar by Miletý Smotrisky.

Studying the forms of Russian pluperfect, G. Khaburgaev managed to characterize its semantics. He argued that “until the 14th century examples of Russian pluperfect can be found only in official papers and only in contexts that indicate an action or a state which further in the text is interrupted, *cancelled*, or unrealized”². This shows that the Russian pluperfect had a modal meaning, and not a temporal meaning, and that the correlation between the -л form and pluperfect was not of the ‘absolute versus relative’ type but as a past tense form and two intrinsically linked verbs having a modal meaning.

There is every reason to believe therefore that the -л form in Old Russian vernacular and official papers is the only form of past tense in the Indicative Mood which stores an aggregate of meanings characterizing a past action or state.

It can be assumed that a special feature of the grammar system of the East Slavonic dialect in Proto-Slavic was a verb system that rendered temporal meanings through an opposition of the present form with a perfect or imperfect meaning and the -л form. The rest of ‘temporal forms’ – verb combinations – aimed to make modal meanings (Russian Pluperfect, First Future Complex Tense, Second Future Complex Tense). All this makes the impression that scholars have been studying why and how the age-long complex system of Old Russian preterites vanished because they do not differentiate between Old Russian and Church Slavonic as the sources for studying morphology of the verb.

It can be argued that the East Slavonic dialect of Proto-Slavic was characterized by the -л form as the only way of rendering the meaning of a past action or state, which denoted the doer of an action – either through a personal pronoun or a form of the verb **быти**.

ЛИТЕРАТУРА

Колесов В.В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка: Древнерусский период. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 74–93.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2009. 512 с. (см. стр. 271–327).

Кукушкина О.В., Ремнева М.Л. Категории вида и времени русского глагола: (Исторический аспект изучения). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 122 с.

Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. 382 с. (см.: «Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке».)

Ремнёва М.Л. Литературный язык Древней Руси: особенности грамматической нормы: Монография. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 143 с.

Ремнёва М.Л. Функционирование форм плюсквамперфекта в языке древнерусских памятников // Вопросы русского языкознания. Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. 2000. Вып. VIII. С. 195–208.

---

² *Хабургаев Г.А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. 1978. № 4.

Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 336 с.

Ремнёва М.Л. и др. Старославянский язык: Учебный комплекс: Ремнева М.Л. Старославянский язык: Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп.; Ремнева М.Л., Дедова О.В. Старославянский язык: Электронный курс. 2-е изд., испр. и доп.; Савельев В.С. Тексты и словарь. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 672 с.

Хабургаев Г.А., Рюмина О.Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII в. (К вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху) // Филологические науки. 1971. № 4. С. 65–76.

Хабургаев Г.А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. 1978. № 4. С. 50–52.

Шевелева М.Н. Заметка об имперфекте совершенного вида // Андрею Анатольевичу Зализняку к 80-летию от коллег, друзей и учеников: Сборник. inslav.ru/zalizniak80/

Шевелева М.Н. Плюсquamперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1(17). С. 5–43.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка: Монография. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. 368 с.

REFERENCES

Kolesov V.V. Dynamics of the Past Forms in Old Russian Literary Monuments. In: History of the Russian Language: Old Russian Period. Leningrad. Leningrad State University Press. 1976, pp. 74–93.

Kolesov V.V. (2009) Historical Grammar of the Russian Language: Schoolbook for University Students. St. Petersburg; Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University; Moscow. Publishing Center “Academia”. 512 p. (see pp. 271–327).

Kukushkina O.V., Remneva M.L. (1984) Categories of the Russian Verb Forms and Verb Tenses: (The Historical Aspect). Moscow. Moscow State University Press. 122 p.

Lomtev T.P. (1976) General and Russian Linguistics. Moscow. Nauka Publ. 382 p. (see “The Category of Tense in the Old Russian Verb”.)

Remneva M.L. (1988) The Old Russian Literary Language: Featuring the Grammatical Norm: Monograph. Moscow. Moscow State University Press. 143 p.

Remneva M.L. The Functioning of the Pluperfect Forms in Old Russian Literary Monuments. *Questions of Russian Linguistics. Functional and Semantic Characteristics of the Text, Phrase, and Word*. 2000. Vol. VIII, pp. 195–208.

Remneva M.L. (2003) Ways of Development of the Russian Literary Language in the 11th–17th centuries. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 336 p.

Remneva M.L. and others. (2011) Old Slavonic: An Educational Complex: Remneva M.L. Old Slavonic: Schoolbook. 3rd ed., revised and suppl.; Remneva M.L., Dedova O.V. Old Slavonic: E-Course. 2nd ed., revised and suppl.; Savelyev V.S. Texts and a Dictionary. Moscow. Moscow State University Press. 672 p.

Khaburgaev G.A., Ryumina O.L. Verb Forms in the Literary Language of Seventeenth-century Moscow. (On the Concept of “Literariness” in the Pre-Petrine Time). *Filologicheskie Nauki*. 1971. No 4, pp. 65–76.

Khaburgaev G.A. The Auxiliary Verb in Old Slavonic Analytical Forms in Russian. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 1978. No 4, pp. 50–52.

Sheveleva M.N. The Imperfect of the Verb in Perfective Aspect. In: To Andrey Zaliznyak on His 80th Birthday from Colleagues, Friends and Students: Abstracts. inslav.ru/zalizniak80/

Sheveleva M.N. Pluperfect in the Literary Monuments of the 15th–16th centuries. *Russky Yazyk v Nauchnom Osveschenii*. 2009. No 1(17), pp. 5–43.

Yakubinsky L.P. (1953) A History of Old Russian: Monograph. Moscow. 368 p.

Сведения об авторе:

Марина Леонтьевна Ремнёва,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina L. Remneva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Перевод: *Д.С. Мухортов*
Научный консультант: *А.В. Уржа*

Г. Кръстева (Пловдив, България)

Личное и антологическое, или Некоторые наблюдения над авторскими лирическими антологиями в современной болгарской поэзии (2010–2017 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается все более упрочивающаяся в новейшей современной болгарской литературе тенденция, характерная для известных болгарских поэтов, дебютировавших в 1960–1980-е гг., – создавать личные антологии. Автор статьи обращает внимание на наиболее значимые издания такого типа, анализ которых позволяет выявить перспективы этой появившейся в последнее десятилетие тенденции и исследовать специфику творчества авторов, которые с помощью антологий «конструируют» свою творческую биографию.

Ключевые слова: современная болгарская поэзия, болгарские поэты, авторская антология, антологический проект, творческая биография, эпилог

Г. Кръстева (Пловдив, България)

Лично и антологично или някои наблюдения над авторски лирически антологии в съвременната българска литература от периода 2010–2017 г.

Анотация: Настоящият текст със заглавие “Лично и антологично или някои наблюдения над авторски лирически антологии в съвременната българска поезия от периода 2010–2017 година” обговаря една все по-уплътняваща се тенденция в най-съвременната българска литература, обвързана с изготвянето на лични антологични книги от знакови български поети, дебютирали в периода от края на 60-те до края на 80-те години на XX век. Текстът (в тази си версия той е по-скоро обзорен и е част от по-голямо изследване върху периода) поставя и някои персонални акценти, закрепени на конкретни и знакови антологични издания. Тези издания представят както възможностите за изследователските перспективи пред актуалната за последното десетилетие тенденция, така и фигурите на авторите – като участващи в изграждането на собствените си творчески биографии чрез жеста на изготвяне на личен антологичен проект.

Ключови думи: съвременна българска поезия, български поети, авторска антология, антологичен проект, творческа биография, эпилог, период 2010–2017 г.

Personal and Anthological, or Some Observations on Author's Lyric Anthologies in Contemporary Bulgarian Poetry in the Period 2010–2017

Abstract: The present paper deals with the tendency in the contemporary Bulgarian literature to compose personal anthological books by the significant Bulgarian poets that made their debut in the period from the end of the 1960s to the end of the 1980s. The author of the article draws attention to the most important publications of this type, the analysis of which makes it possible to reveal the prospects of this trend that has appeared in the last decade and to investigate the specificity of the creativity of authors who, with the help of anthologies, “design” their creative biography.

Key words: contemporary Bulgarian poetry, Bulgarian poets, author's anthology, anthological project, creative biography, epilogue, period 2010–2017

Един по-внимателен и целенасочен поглед със сигурност ще констатира, че в периода от последното десетилетие на нашия век, т. е. след 2009–2010 г., към днешна дата, в съвременната българска литература се появило множество издания, в които едни от най-значимите български поети правят рекапитулация на творчеството си, самопосочват се физиономично през формата на антологията като редуциран избор на написаното от тях във времето и участват в изграждането на собствените си творчески фигури с жеста на собствен оценъчен прочит. Този прочит се изгражда на естествена, необходима и интригуваща дистанция от себе си, в която витаят и метатекстови погледи от най-различен характер. И “списъчната” среда, очертана от подобни инициативи, е вече достатъчно уплътняваща се, за да имаме повод да търсим все по-ясните контури на определени тенденции в конструирането на авторски антологични модели от периода.

Може да се каже, че най-често антологичните издания на съвременни български поети от последните десетина години са съпровождали тяхна лична кръгла или полукръгла годишнина. Отбелязването на специалната рождена година се оказва повод и за поява на изготвено антологично издание – така, както се случва, напр. при поети като Марин Георгиев (“До тук”, 2011), Владимир Попов (“Чупливо”, 2012, “Епилог”, 2017), Мирела Иванова (“Любовите ни”, 2012). Юбилейно беше огласена и най-новата книга с избрана лирика на Владимир Левчев “Любов на площада” (2017), която се появи едновременно и с книгата му с избрани есета “Краят на една епоха”¹. Лични годишнини съпроводиха и “Румботавър” (2013) на Румен Леонидов и “Избрано” (2013) на Едвин Сугарев. В годината, когато Екатерина Йосифова отбеляза 75-та си година, се появи и “Икономична класа” (2016)²,

---

¹ Заглавието на антологичната “Любов на площада” от 2017 г. повтори заглавието на книга, издадена три години по-рано и притежаваша антологичен потенциал, притеглен и от втората “Любов на площада”. Макар че антологичната версия от 2017 г. заяви себе си като такава не само заради по-щедрата си селекция (вече пет цикъла вместо включените три в предишната книга), но и заради очевидно по-прецизно премисленото си композиране.

² “Икономична класа” на Екатерина Йосифова се появи цели 15 години след антологията “Нищо ново. 100 стихотворения” през 2001 г., но и след издадените в този период лирически книги на Е. Йосифова “Нагоре-надолу” (2004), “Ръце” (2006), “Тази змия” (2010) и “Тънка книжка” (2014).

15 години след антологията ѝ “Нищо ново. Сто стихотворения” (2001), съпроводи пък нейната 60-та годишнина. Обвързана с юбилейна лична година се оказва и “Стълп от прах” (2015) на Борис Христов – томче с авторова антологична подборка на лирика и проза. Появилата се пък две години по-рано “Спомени за хора, камъни и риби” (2013) е обявена като антологична спрямо прозата на автора, но и с включен нов текст, чието заглавие се превърна и в едноименно за изданието.

По един или друг начин разпознавана като юбилейна, именно годишнината най-често се оказва съзнателно избрано време за появата на представителни издания, често двутомни, особено когато поетът се е изявявал и в други жанрове, както е случаят с двутомниците на Калин Донков (“Елегии и тържества” и “Други думи”, 2011), Александър Шурбанов (“Отражения” и “Приписки”, 2011), на Петър Анастасов (“Избрано”, поезия и драматургия, 2012), на Андрей Андреев (“Кладенците на моя живот” и “Заветът на битието”, поезия и преводи, 2013). Но и без двойния обем, достатъчно представителни за жанра са и “Антология” (2011) на Янислав Янков и томчето с поезия, разкази, повести и публицистика на Александър Томов “Избрано” (2014). В модела на поредицата, макар и необвързана юбилейно, влиза и роденият през 1936 г. Стефан Цанев, чиято антология “Поезия. 1956–2012” (2013) е първият том от солидното дванайсетомно издание, побиращо написаното от автора във всички жанрове, в които той работи от годината на своя дебют насетне, та до днес. Особена история има появата на антологично издание като “Жизнен опит” (2010) на напусналата ни през есента на 2011 г. Малина Томова, което, тайно планирано да се появи именно в юбилейната за нея 2010 г., е и тайно изготвено от съпруга ѝ – поета Иван Цанев. В този смисъл антологията на Малина Томова е оличностена по начин, който би могъл да се мисли като прецедент в авторските антологични практики на българска поезия от последното десетилетие и не само.

Извън юбилейните поводи, обвързани с рождена годишнина, остават авторски антологични инициативи, родени от намерението да се припомни движението на издадените във времето лирически книги – като своеобразни етапи, изграждащи определена завършена цялост и предизвикващи готовност за легитимиране на конкретна творческа постигнатост. Макар това да не игнорира допускането на конкретен формален повод, оставащ обаче по-често в полето на добрата възможност, като напр. изданието “33 стихотворения” от Иван Цанев (2015), предизвикано от издателската инициатива на ИК “Жанет 45” по повод увенчаването на поета с “Орфеев венец” за творчество по време на традиционния пролетен фестивал “Пловдив чете” през същата година. “33 стихотворения” има потенциала да бъде мислено като внезапно появила се, малка лична антология на поета, който една година преди това беше представен и с книгата “Ранни стихотворения 1960–1967” (2014) от колекцията “Неиздадените”¹. “Умерена облачност” (2012) на живеещия от доста време в Бостън поет Георги Белев съпроводи едно кратко негово завръщане в България, при което книгата беше официално представена. В същия ред вероятно бихме имали основания да добавим “Времена” (2013) на Валентина Радинска, “Почти пълно” (2014) на Миряна Башева, “Обратното на слънчогледа” (2017) на Цочо Бояджиев, както и отделни книги с частично реализиран антологичен характер, в които селективният модел се съобразява с ограничен хронологи-

¹ Колекция “Неиздадените” е издателска инициатива, съвместяваща усилията на български литературни историци и академични преподаватели в Департамент “Нова българистика” на Нов български университет (София), на издателство “Кралица Маб” и Национален литературен музей.

чески периметър, като напр. “Етимологика 1996–2016” (2016) на Ани Илков. Или пък “21. Век. Всички най-нови стихове” (2016) на Недялко Йорданов със стихове от периода 2000–2016 г. А “Събиране на значенията” (2017) на писателя – документалист, историк и есеист Йордан Велчев даде знак за припомнянето / завръщането му и като поет в интригуващо антологично издание¹.

Макар и вероятно белязан с непълнота, не съвсем краткият списък, макар и само маркиран контекстово тук, все пак притежава потенциал да подскаже тенденции, които, основаващи се на определени критерии, биха отворили път към търсене на типологии. Ако се опитаме да селектираме наличното през знанието за поколенческите редове, актуални в съвременната история на българската литература, няма как да не забележим, че преобладаващо склонността към антологично себепредставяне може да се отнесе към поетите, дебютирали и утвърдили се в десетилетията на 60-те и особено през цялото десетилетие на 70-те години на XX век – във или около генерациите на “априлското поколение” или “тихата лирика”, и техните списъчни “дописвания” и “редакции” от критиката на социалистическия реализъм (Стефан Цанев, Петър Анастасов, Иван Цанев, Екатерина Йосифова, Калин Донков, Андрей Андреев, Марин Георгиев, Владимир Попов, Малина Томова, Борис Христов, Александър Томов, Миряна Башева, Валентина Радинска, Александър Шурбанов). В същото време периодът се “насища” постепенно и от антологични издания на знакови поети от 80-те години (Ани Илков, Едвин Сугарев, Владимир Левчев, Румен Леонидов, Мирела Иванова), част от които са разгърнали творческото си (и не само) осъществяване особено активно в първото демократично десетилетие на 90-те години на XX век. Именно когато става дума за поетите от поколението на 80-те години обаче, е необходимо непременно да припомним и излязлата през 2010 година антология “ПОСЛЕДНИТЕ поети от 80-те”² и още повече – нейното малко по-късно второ издание (Последните 2012) с уточняваща редакция в заглавието – “ПОСЛЕДНИТЕ 12 поети от 80-те”, което, може би и в резултат на реакциите на първото издание, препотвърди и паратекстово уговорката, че все пак става дума именно за тези поети, (защото те са) обединени и от лично приятелство, и от литературно родство. Но демонстративното поставяне на числото 12 в заглавието, недвусмислено излъчващо апостолическа символика³, задвижи и смисъла на своеобразната “избраност”, очевидно предхождана от процедура по особена селекция на списъците от дебютиращи поети в различни периоди на десетилетието на 80-те години. Казано още в тази посока на мислене – антологичното съзнание на поетите от 80-те години “затвори” първото десетилетие на новия век с групов проект, преповторен и препотвърден по особено символичен начин в началото на следващото десетилетие. И то след като вече

¹ След дебюта си през 1979 г. с “Римски стадион” Й. Велчев издава още три лирически книги, последната от които – “Сияе”, излиза преди почти две десетилетия, през 1999 г.

² В антологията, изготвена от самите участници в нея, и предговорена от Иван Теофилов [Теофилов И. *Те от осемдесетте. В: Последните поети от 80-те 2010: 7-22*], са включени 12 поети. Това са Румен Леонидов, Златомир Златанов, Едвин Сугарев, Кирил Мерджански, Миглена Николчина, Илко Димитров, Ани Илков, Георги Рупчев, Владимир Левчев, Ангел Ангелов – Джендема, Борис Роканов и Данила Стоянова. Обяснителната бележка в началото на изданието уточнява, че стиховете, включени в антологията, са писани през 80-те години от поетите, “свързани от лично приятелство и литературно родство”, както и че “всички са родени след смъртта на Сталин – 5 март 1953 г. – и са започнали да пишат и публикуват в последното десетилетие на комунизма” [*Последните поети от 80-те 2010: 4*].

³ Това напомня с акцент и Елка Димитрова, която коментира изданието в контекст, обвързан с конкретна проблематика [*Димитрова 2017: 1*].

е започнала постепенно да се осъществява и все по-настойчиво да се очертава автономната персонална антологична поетическа територия за повечето от авторите, включени в престижния самоинституционализиран списък (Едвин Сугарев, Румен Леонидов, Владимир Левчев, Ани Илков)¹. При това – по особен начин сглобяващо основанията на възможност за някаква лична естетическа приключеност² с достигането до кръгла физическа възраст, припозната и като възможност за съвпадане с определени творчески рекапитулации³.

Това е аргумент в полза на необходимостта от съобразяване на вероятното изследователско усилие и със спецификата при изграждането на всеки един от реализираните антологични проекти. В посока обаче на още един по-общ по характер критерий, спрямо който има възможност за организиране на отделни авторски модели, може да се отбележи и отликата между формулите „избрано“ и „избрано и ново“, доколкото в единия случай се демонстрира именно онази основна характеристика на антологията, при която „антологията по презумпция са сборници на естетическия максимализъм“ [Курташева 2012: 19], т. е. авторският стремеж към такъв максимализъм е осъществен чрез сложната процедура на личен мета-прочит, в резултат на който се прави определена и то – представителна селекция и то само от вече наличното и публикувано в предишни книги. Докато в другия случай антологичният модел се заявява в процес на готовност, но чрез включване на новонаписани текстове като че ли оставя част от себе си в състояние на известна пропускливост и изчакване, с презумпция за (все още) отказ от заявка за окончателен авторов образ. Процесът се усложнява в случаите, когато имаме автор с известна склонност към периодично автоантологизиране, поради което естественото намерение за постигане на някаква окончателна устойчивост се оказва парадоксално подвижно и изискващо преценка и спрямо конкретния литературноисторически контекст, в който се изработва всеки един от появилите се в различно

---

¹ Макар и в този контекст, но все пак – отделно внимание заслужават посмъртните издания от този период на Георги Рупчев и Данила Стоянова. И двамата вече са напуснали този свят към 2010 г., когато излиза първото издание на антологията „Последните...“, Георги Рупчев – през 2001 г., Данила Стоянова – през 1984 г.

² От предговора на „Етимологики (1996–2016)“ на Ани Илков става ясно, че изданието повтаря заглавието на двуезичната му книга от 1996 г., което пък – от своя страна, побира цикъл от „Любов към природата“ от 1989 г. и два цикъла – „Любовници“ и „Роботи“, публикувани по онова време в специализиран периодичен печат [Илков 2016: 2]. Новото издание всъщност припомня този композиционен модел, но дава и видимост към добавките – в текста и художественото оформление, осъществявали начина, по който всеки един от тези текстове се е пораждал и „раснал“ във времето – от началото на 80-те към момента на изготвяне на новото издание. „Тази книга възстановява пътя на една идея“, пише Илков в краткия увод към книгата. И ако припомним констатацията на Бойко Пенчев, направена по повод на книгата от 1996 г. – че тя е „метапоетически инструктаж, заставящ ни да го четем по друг начин“ [Пенчев Б. *Тъгите на краевековието. Turning Away From the Origin. В: <http://www.slovo.bg>*], разбира се, констатация, имаща отношение към художественото съдържание на книгата, то новото издание на „Етимологики“ вече придвижва тази констатация и към чистата метафона на литературноисторическия прочит, възстановяващ следите на ритъма ръкопис / цикъл / книга от края на ХХ век / книга от началото на ХХI век .

³ В съгласие с наблюдението за все по-релефно видимата тенденция, която, условно макар и все още само игрово / обозначително тук бихме нарекли „първите антологии на последните поети“, припомням и появилите се още в началото на този век на късо отстояние една от друга две антологични книги на Едвин Сугарев – „Вълча памет“ (2000) и „Гибелни думи“ (2003), както и антологията на Бойко Ламбовски „Бране на думи“ от 2004 г. В този смисъл нека отбележа и факта на издание в модела „събрано“ – представително томче „Събрано“, побиращо лириката на Ани Илков от „Любов към природата“ (1989) до „Мала АзиЯ на душата“ (2004), което беше издадено през 2011 г.

време антологични лица на един и същ автор. Като специфични и крайно усложнени, от своя страна, пък са случаите, в които в общата си издателска практика авторът съпровожда антологичните си жестове, както вече беше припомнено – по природа и литературни, и металитературни, с добавка към антология или в отделно издание с рецензентски и критически прочити, регистриращи и преценяващи развитието му, осъществяването му във времето. Не само миналият век, но и съвсем актуалната ни съвременност предлага такива инициативи.

Така например, в последните страници на антологията “Епилог”, появила се през пролетта на 2017 г., поетът **Владимир Попов** въвежда рубриката “Прочити 2012–2016” – библиографски списък на рецензентски и критически текстове за лирическите му книги от периода 2012–2016 година [*Попов 2017: 164–165*]. В тази финална рубрика на “Епилог” участват 22 прочити от общо 16 критици. Списъкът от текстовете, публикувани в печатни и електронни издания, можем да възприемем като лична “сигнатура” на своеобразна малка мета-автоантология. И вероятно – като жест на признателност към настоящи изследователи, интерпретирали книгите му от този период (а жестът може да бъде възприеман и като (не)предвидено и твърде полезно улеснение за бъдещите). Нека обаче да отбележим, че в този семпъл и списъчен формат хрумването на Вл. Попов има по-скоро справочна функция и е различно от инициативата на родения през 1947 г. поет **Кирил Кадийски**, който по юбилейни поводи състави две отделни издания – през 2007 и през 2017, с цели критически текстове или откъси от критически текстове за своята творческа работа през годините [*Кадийски 2007*], [*Кадийски 2017*]. Нека напомним и това, че историята на българската литература и от ранните години на ХХ век познава такъв жест, извършен също в съвсем автономен, макар и не толкова мащабен формат. Става дума за “Поет и критици: Антология от фрагменти из разни статии и рецензии върху поезията на Кирил Христов” [*Христов 1914*]. Примерът е напомен, описан и коментиран от Биляна Курташева [*Курташева 2012: 153–154*].

Предизвикано или не, но с юбилеен повод беше обвързана и появата през 2016 г. на автоантологията “Вкусът на живота” на поета **Иван Теофилов** [*Теофилов 2016*]. В същата година той навърши 85 години и във “Вкусът на живота” избра да се самопредстави именно като поет, макар да е добре познат и като драматург, преводач, автор на поезия за деца и есеистично-мемоарна проза. За Теофилов с основание от години насам вече се говори – с все повече разбиране, с читателска радост и кротко удивление. Защото и радостта, и кроткото удивление са сред присъщите на лириката му черти, позната не на масови, но затова пък разнолики и с фин вкус читателски групи, както вече бе споменато – и заради обвързаността му с театралната и преводаческата общност у нас. Роденият в Пловдив Иван Теофилов отдавна е припознат като свой, като “Поетът на Пловдив” най-вече заради лирическите му книги “Амфитеатър” (1968) и “Град върху градове” (1976). Макар че в десетилетията, когато единствен легитимен принцип в литературата и изкуството в България е социалистическият реализъм, тази дефиниция да се оказва твърде удобна за трайното му маргинализиране и съсредоточаване в тесните мащаби на регионалното и – в съгласие с тогавашните йерархии – съпроводено със спорадични признания и много по-често с наказателни акции от най-различен порядък. От 80-те години на ХХ век насетне започват да се появяват критически прочити, които все по-проникновено навлизат в лириката на Теофилов, припознавайки по черка му като уникален и заради културно-историческите традиции на неговата “южна” чувствителност, но и заради вписването му във все още недостатъчно

познатото в периода на късния социализъм, но не и днес, антично-медитеранско поетическо пространство. А след появата във времето последователно на неговите предишни антологични проекти “Геометрия на духа” (1996) и “Вярност към духа или значението на нещата” (2008) към днешна дата можем да сме убедени, че Иван Теофилов, който от десетилетия фино и трайно отглежда у себе си афинитет към модели на творческо себестроене, представя “Вкусът на живота” като книгата, през която “ми се ще да бъда видян”, както гласи изговореното в предговора ѝ [Теофилов 2016: 10]. Това съзнателно обективизиране от себе си, предполагащо и надяващо се на определена нагласа у читателя, едновременно с непосредствена лекота, но и с достатъчно категоричност потвърждават присъствието му на съвременен български поет с дълбоко промислен, изящен и чувствителен вкус.

Назована “Жизнен опит”, книгата, антологично представяща през 2010 г. поетесата **Малина Томова** с припомнянето на трите ѝ издадени стихосбирки от дебюта ѝ с “Душа” през 1978 г. през “Ежелюбов” (1987) и “Стигмати” (1994), е особено издание [Томова 2010]. В някакъв смисъл то е своего рода прецедент в съвременната литературна история, защото изготвянето на ръкописа и отпечатването на изданието е тайно дело на нейния съпруг – поета Иван Цанев, в този смисъл “Жизнен опит” се съпротивлява на модела за автоантология, защото е съставена не от автора си. В бележката “От съставителя” в края на изданието четем: “А идеята за това издание възникна през ноември 2009 г. Когато стана ясно, че Малина е самопожертвувателно заета с издаването на други книги и не ѝ остава време да помисли за своя, един приятелски кръжец се сговори да направи това вместо нея, като ѝ поднесе неочакван подарък на рождения ѝ ден (21 януари). За съжаление, кръжецът изпадна в цайтнот и се разпадна преждевременно...” [Цанев 2010: 108]. В крайна сметка Иван Цанев се заема сам с инициативата – със съзнанието, че все пак ще реализира намерението на разпадналия се приятелски кръжец, в кратките думи на съставителя той изразява и колебанията си относно това кога ще може да връчи на поетесата и негова съпруга подаръка: дали до края на юбилейната ѝ година, или на следващия 21 януари. Хронологическият щемпел на книгата поставя 2010 като година на издаване, вероятно за да се съхрани идеята за юбилейното време на поетесата, навършила тогава 60 години. През ранната есен на следващата 2011 година, след като през януари е отпразнувала и своя следващ, 61-ви рожден ден, след кратко боледуване Малина Томова внезапно почина. Така върху “Жизнен опит” легна и трагичната сянка на книгата, оказала се последна в живота ѝ. Книга, представяща в антологичен модел лириката на поетесата в прочита на известния със своята прецизност редакторски поглед на поета Иван Цанев. В сърцето на “Жизнен опит” всъщност е положена може би най-емблематичната от трите лирически книги на М. Томова – “Стигмати” от 1994¹, чието пък своеобразно “преддверие” е “Ежелюбов” от 1987 г. – стихосбирка, която съдържателно “задава” перспективата към включеното в бъдещата “Стигмати” и носи твърде лаконична следа от дебютната стихосбирка на Томова “Душа” (1978). Освен всичко останало, “Жизнен опит” осигурява на читатели и изследователи изключително

¹ Две години след излизането на тази книга Малина Томова създава издателство, което нарича със същото име. Издателството, което би откликнало с лекота на дефиницията “бутиково”, е известно сред хуманитарните среди в България заради прецизния и качествен подбор на издаваната с неговия знак българска и преводна художествена литература. Сред преводните издания, насочени най-вече към автори от Европа и Балканите, са и избрана лирика на Марина Цветаева “Страх от оскърбление” (2009, превод Мария Хаджиева), както и респектиращото изследване “История и време” на И.М. Савелиева, А.В. Полетаев (2006, превод Бойко Пенчев, Христо Карастоянов).

добра и полезна видимост към работата на поетесата върху стари текстове, редакторските ѝ намеси и – най-вече, към промяната в оценъчните ѝ естетически нагласи в десетилетията след дебюта.

Когато през 2013 г. излиза представителното томче “Времена. Избрано” на поетесата **Валентина Радинска** [Радинска 2013], тя вече е автор на седем лирически книги, появили се в продължение на близо четири десетилетия. В антологичния ѝ проект може да се провиди и движението на личния ѝ творчески реверанс към създаденото от български поети – предходници и нейни съвременници (Иван Динков, Георги Борисов, София Бранц, Христо Фотев, Борис Христов), в това число и към руските поетеси А. Ахматова и М.Цветаева, сред чиито преводачи е и самата Радинска. Част от текстовете, посветени на тези поети и превърнали се в нейна авторска емблема като тип творчески поклон пред себеподобния, се включват и в предишна нейна по-ранна книга с антологичен характер – “Поне” появила се през 2001 г.

В издадената през 2016 г. лирическа книга “Икономична класа. Стари и нови стихотворения” **Екатерина Йосифова** предложи свой актуален образ на антологичен подбор, осъществен в модела “избрано и ново” [Йосифова 2016]. На пръв поглед книгата впечатлява с обема си – между кориците ѝ са включени общо 147 текста. “Икономична класа” стои на времева дистанция от друга, също настойчива в антологичния си образ книга като “Нищо ново. Сто стихотворения” (2001). Дебютиралата със стихосбирката “Късо пътуване” през 1969 г. българска поетеса Екатерина Йосифова се превръща в едно от знаковите имена, съставляващи краткия макар списък на “тихата лирика” от десетилетието на 70-те години на ХХ век. В последвалите десетилетия и със следващите си лирически книги Йосифова се утвърждава като един от най-силните и разпознаваеми женски гласове – към нейното творчество и тогава, а още повече – днес, регистрират интерес множество литературнокритически и литературноисторически текстове, включително и изследователски проекти, обвързани с инициативата да очертаят зоната на творческо себеустояване и отстояване на лична алтернативна поетика в епохата на социалистическия реализъм, доминирана, както е известно, от пропагандно-идеологическия характер, припознат като единствено легитимен образ в/на изкуството. Към днешна дата Екатерина Йосифова е носител на множество престижни литературни отличия и награди, нейното творчество бе обект на научноизследователска конференция, проведена през 2010 г. в Нов български университет (София). През 2014 г. тя стана лауреат на Голямата награда за литература на СУ “Климент Охридски”, а през 2017 година получи “Орфеев венец” за високи постижения в литературата. Стиховете ѝ отдавна са прекосили границите на родината – преводи на лириката ѝ са публикувани в издания в Австрия, Германия, Великобритания, Гърция, Италия, Русия, Турция, Унгария, Франция, нейни текстове участват и в представителни преводни антологии на българската поезия. През 2003 г. македонското издателство “Штрк” издава нейна самостоятелна книга под заглавие “Нищо ново“, а през 2017 стихосбирката ѝ от 2014 г. “Тънка книжка” се появи в словашкото издателство “Форца” (в превод на Димана Иванова и Игор Круцовчин). Последната ѝ засега лирическа книга “Икономична класа. Стари нови стихотворения” предлага не просто пореден, но и нов автоантологичен образ, който в същото време потвърждава прецизното движение на нейната поетика в зоната на минималистичната поетика, по нов начин припомня и отново легитимира стъписваща и за най-съвременните читателски и писателски нагласи актуалност на тази поезия. Което и подхранва очакванията за все по-задълбочени

и интригуващи изследователски занимания с лириката на тази поетеса, защото класата на поетесата Екатерина Йосифова изисква това внимание.

През 2011 г. поетът **Марин Георгиев** издаде две лирически книги. Едната от тях – “До тук. Събрани стихове” [*Георгиев 2011а*] има характер на автоантология, в която са събрани петте лирически книги на поета, но изданието включва и три отделни дяла – на публикувани, но невключвани в книга творби, непубликувани и блок с преводи на руски и унгарски поети. Книгата е съпроводена и с приложение, в което са включени кратки текстове както на самия Георгиев, разясняващи детайли от историята на един или друг лирически текст, но и откъси от избрани критически текстове, публикувани в специализираната литературна периодика от годината на дебюта му до наши дни. Второто издание носи заглавието “Доживяване. Късни стихотворения” [*Георгиев 2011б*] и съдържа новонаписани лирически текстове от периода 2005–2011 година. Излизането на две издания от такъв тип в една календарна година е авторово решение, което очевидно държи да предотврати евентуалните прибързани констатации за някаква окончателност по отношение на личната му завършеност, поне в полето на лириката, защото в полето на прозата с документално-мемоарен характер Георгиев продължава активно да се изявява. “До тук” явно и посредством или въпреки заглавието си не заявява жест на отказ от писането на поезията, а е по-скоро рекапиталуционен формат на намерението да покажеш как изглежда в собствената му представа поетовото лице с всичко написано до тук. И все пак нека отбележим в съгласие с оценката на Владимир Шумелов по повод на последната засега лирическа книга на Марин Георгиев, че “тази стихосбирка е и различна, но и сходна с предишните поетически книги на М. Георгиев. В нея ще открием съчетанието на рационално и ирационално, на пластика и конкретика, философско извисяване и екзистенциален поглед към проблемите на битието – всичко това през съзерцателната ретроспекция на отминалото време и рефлексии на настоящето” [*Шумелов 2012*]. С уточнението, че рефлексии на настоящето в “Доживяване” като че ли потвърждават в различна, но категорична посока внушението за онова преди изречено “до тук”, което в продължаващата в “Доживяване” версия на Марин Георгиев като че ли опира много повече в смъртта и мъчителните рекапитулации на приключването, отколкото в спасителното дишане на живота, повярвал в това, че има още време.

Представително двутомно издание на **Калин Донков** се появи през юбилейната за него 2011 година, когато поетът навърши 70 години. Първият том от изданието, под заглавие “Елегии и тържества”, събира избрани текстове от поезията му [*Донков 2011а*], а вторият – четирикратно по-обемен и със заглавие “Други думи” [*Донков 2011б*], представя набор от есеистични текстове, публицистична и документална проза на твореца, работил като журналист дълги години и в периодични издания, където именно през 70-те и 80-те години на ХХ век се появяват знаковите му авторски рубрики “Частен случай” и “Ранни мемоари”, текстовете от които впоследствие Донков събира и в самостоятелни книги. Към днешна дата поетът Калин Донков, който бе увенчан и с “Орфеев венец” за поезия през 2016 г., се изявява твърде пестеливо с новонаписани лирически текстове – книгите му от края на 80-те години на ХХ век до представителното томче от 2011 г. предлагат, при това без да се забелязва някакво особено промисляне на подредбата, само стари негови творби. С други думи – Донков очевидно е избрал да пренесе и в новия век образа, който читателите му познават от 80-те години на миналия век, т. е. и днес той не просто настоява върху образа си от вчера, но го предлага като единствен.

Ако се доверим на тази представа, без да забравяме и така характерната, плътно следвана в десетилетията сантиментално-романтична линия в неговата поезия, бихме си позволили да открием особен тип диалог между заглавията на две негови знакови книги: едната от периода в навечерието на демократичните промени, от 1986 година – “Пази се от сърцето”, а другата “Събуди ме вчера” – съвсем в края на първото демократично десетилетие, през 1999 г. (Само)дистанцирането от територията на по дефиниция чувствителното поетово сърце като демонстративно изговорен инстинкт за самосъхранение е последван от своеобразното затихване в съня, който има смисъл да бъде нарушен само ако завърне лирическият субект на поета не към днешния ден, а в едно недалечно макар “вчера”. Заглавието на антологичното томче от 2011 г. “Елегии и тържества” някак потвърждава, макар и в по-обобщителен вариант, афинитета му към почти манифестното по своя характер антитезисно конструиране в образността, на места дори оксиморонната природа на “сглобките” – както в озаглавяванията на творби и книги, така и в много от лирическите му текстове.

Антологичното издание “Любовите ни” (2012) на поетесата **Мирела Иванова** [Иванова 2012] се появи десет години след “Еклектики” (2002) – лирическа книга, притежаваща също характер на антология, и три години след поделената между лирика и проза двубразна книга “Бавно” (2009). Не без основание би било наблюдението, че двете издания, появили се след 2000 г. – “Еклектики” и “Любовите ни”, по различен начин рекапитулират написаното от М. Иванова през двете предходни десетилетия – от дебюта ѝ през 1985 г. с “Каменни криле” през самиздатската “Шепоти” (1989) и последвалата почти веднага след това “Самотна игра” (1990) към знаковите за десетилетието на 90-те години стихосбирки “Памет за подробности” (1992) и “Разглобяване на играчките” (1995). Още в самото начало на новия ХХІ век, едва навършила 40 години, М. Иванова започва да осмисля своята лирика в перспективата на антологичния модел, без да се отказва от участието на новонаписани текстове. Тази демонстрация на “ново дишане” сред стари текстове едновременно поддържа и продължава да формира индивидуалния ѝ почерк, но и е своеобразен жест на желание за търсене на вече някаква по-видима пълнота, в която предишни и новонаписани текстове ще започнат да сглобяват цялостната визия за авторката в общия литературноисторически контекст на отминаващото десетилетие на 90-те, така важно както за самата Мирела Иванова, така и за развоя на съвременната българска лирика. А желанието за окръгляне, за цялост, за антологична перспектива на написаното при М. Иванова се подчинява и на задължителния за случая, но невинаги практикуван при поетите, започнали своята творческа биография преди 1989 г., открит и невъзмутимо спокоен поглед към наличното: “Любовите ни” от 2012 г. припомня всяка една от издадените преди себе си книги, продължавайки да добавя към вече наличното във времето и новонаписани творби. Което пък оставя антологичната “версия” за себе си в позицията на интригуваща (все още) незавършеност.

Проследяването на обговаряната тук тенденция от последното десетилетие на новия век по съставяне на автоантологични издания с авторска поезия би могло да се мисли като интересна изследователска възможност, отваряща литературноисторическата перспектива все по-интригуващо с всяка изминала година. Прецизното вглеждане в авторските антологични модели, прицелено в систематизация, естествено изисква внимателни текстологични проследявания, обвързани както с преминаването от книга към книга на избраните за антологичния проект пре-

дишни текстове(и съпровождащите ги редакции от всякакъв характер – както в текстовете, така и в принадлежащите им паратекстови зони), така и със статута им в антологията (в този смисъл – и моделите на включването им в един или друг цикъл). Не по-малко важна и необходима посока е наблюдението спрямо текстове, трайно отсъстващи от съдържанието на антологичните авторски книги. Защото е факт, че преобладаващо поетите, които персонализират тази тенденция в уговаряния период, се утвърждават като автори в епохата на социалистическия реализъм, чиято нормативна естетика определя и процедурите по подготовка, редактиране и отпечатване на първите и/или по-ранните им стихосбирки и изисква от съдържанието на ръкописите и текстове с определена тематика и поетически език. Понякога именно тези ранни текстове отсъстват в по-късните антологични издания или пък са недвусмислено отредактирани, но такива или подобни авторски избори не могат да останат в полето на лаконичната констатация, те изискват необходимото изследователско внимание и анализ. Всички тези наблюдения и изследователски процедури са особено функционални, когато става дума за автоантологични модели. Но макар да е известно, че автоантологичният модел по презумпция е високо селективен и се осъществява по модела “избрано”, той все пак често може да се окаже и специфична версия на “избраното”, т. е. селекцията може да генерализира определена тематична зона в творчеството на съответния автор, но би могла да тегне повече към пълнотата на “почти събрано” или пък концептуално да сговаря стари и нови текстове в концепция от типа “избрано и ново”.

Лирическата автоантология, избрала определен конкретен момент за своята поява, самоосъществяваща се и като своеобразен цялостен творчески “епилог” на един поет, е издание, което поставя твореца в уникална позиция: оставайки в естествения си статут на автор на своята поезия, той следва да се самопостави и в специфичната метапозицията на критик на творчеството си – съобразяващ и йерархизиращ естетическите качества на това, което е създал във времето, и – съобразно това, конструиращ концепция, аргументираща селекцията и сглобяването на съдържателната антологична подредба. Нека да отбележа и това, че тематиката на този род изследователски занимания във всички случаи би могла да разшири емпиричната си литературноисторическа територия с намерението да се проследят и един друг тип авторски антологии, от по-особен характер, свързани с редакторски и издателски инициативи за посмъртно издаване на антологични подборки на съвременни и ненавременни напуснали ни поети. Тези антологични издания, от своя страна, също биха породили оправданите усилия на изследователя, особено с оглед на факта, че в някои от случаите те се изготвят от редакторите им не само с помощта и с оглед на легитимно известното и вече съществуващо / издадено приживе в лирическите книги на автора, но и с участието на новоосветени и съхранявани в лични и/или приятелски архиви негови ръкописи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Георгиев 2011a – Георгиев М. До тук. Велико Търново. Слово. 2011. 324 с.
- Георгиев 2011б – Георгиев М. Доживяване. Късни стихотворения. Велико Търново. Фабер. 2011. 144 с.
- Димитрова Е. Кой изобрети нашите бащи. *Вестник Култура*. 2017. Бр. 12.
- Донков 2011a – Донков К. (2011) Елегии и тържества. Поезия. Т. I. Пловдив. Жанет 45. 104 с.

- Донков 2011б – Донков К. Други думи (есета, частни случаи, документални прози). Т. II. Пловдив. Жанет 45. 408 с.
- Иванова М. (2012) Любовете ни. Пловдив. Жанет 45. 116 с.
- Илков А. (2016) Етимологии (1996–2016). Пловдив. Жанет 45. 60 с.
- Йосифова Е. (2016) Икономична класа. Пловдив. Жанет 45. 160 с.
- Кадийски К. (2007) От всекидневното към вечното. Българската и чуждестранната критика за творчеството на Кирил Кадийски 1967–2007. София. Балкани. 312 с.
- Кадийски К. (2017) Кирил Кадийски през погледа на български и чуждестранни интелектуалци. София. Нов Златорог. 101 с.
- Курташева Б. (2012) Антологии и канон: антологийни модели на българската литература. София. Просвета. 487 с.
- Попов Вл. (2017) Епилог. Пловдив. Жанет 45. 172 с.
- Последните (поети от 80-те години). София. Сиела. 2010. 234 с.
- Последните 12 поети от 80-те години. София. Сиела. 2012. 235 с.
- Радинска В. (2013) Времена. Избрано. София. Захарий Стоянов. 224 с.
- Теофилов И. Те от осемдесетте. В: Последните поети от 80-те. София. Сиела. 2010, с. 7–22.
- Теофилов И. (2016) Вкусът на живота (автоантология). София. Рива. 128 с.
- Томова М. (2010) Жизнен опит. Пловдив. Жанет 45. 112 с.
- Христов К. (1914) Поет и критици: Антология от фрагменти из разни статии и рецензии върху поезията на Кирил Христов. София. Ал. Паскалев и С-ие. 193 с.
- Цанев И. От съставителя. Няколко обяснения за непосветени. В: Жизнен опит. София. Жанет 45, с. 108–109.

ИНТЕРНЕТ ИЗТОЧНИЦИ

- Пенчев Б. Тъгите на краевековието. Turning Away From the Origin. https://www.slovo.bg/old/bpenchev/tagite/bp-t_108.htm
- Шумелов В. “Късните стихотворения” на Марин Георгиев. Електронно списание LiterNet. 2012 № 2(147). <https://litenet.bg/publish26/vladimir-shumelov/marin-georgiev.htm> (seen 09.07.2017).

Информация за автора:

Гергина Василева Кръстева,
pHD
главен асистент
Филологически факултет
Пловдивски университет “Паисий
Хилендарски”

Gergina Vasileva Krysteva,
PhD
Chief Assistant
Faculty of Philology
University of Plovdiv St. Paisii Hilendarski

g.krysteva@gmail.com

Бојана Сабо (Београд, Србија)

А. Јелачић (1892–1941) о руској критици и социјалној мисли на страницама часописа «Руски архив» (1928–1937)

Анстракт: Чланак доноси преглед расправа проистеклих из пера А. Јелачића посвећених руским мислиоцима XIX века, обједињених под називом «Велики мајстори руске књижевне критике и социјалне мисли». У «Руском архиву» су оне почеле да излазе у двоброју XX–XXI (1932) и излазиле су до двоброја XXX–XXXI (1935). Ове расправе представљају приказ живота и дела руских социјалних мислилаца и књижевних критичара XIX века, од 40-их година, па све до краја (с посебним освртом на период од 40-их до 70-их године). Јелачић приказује еволуцију њихових филозофских погледа: од Хегела и његовог идеализма, преко антрополошког материјализма Фојербаха, до Кантовог агностицизма и Контовог позитивизма.

Кључне речи: «Руски архив», А. Јелачић, књижевна критика, Бјелински, Чернишевски, Доброљубов, Григорјев, Писарев, Михајловски

Bojana Sabo (Belgrade, Serbia)

A. Jelachic (1892–1941) about Russian Literary Criticism and Social Thought in the “Russian Archive” (1928–1937)

Abstract: The article gives a survey of A. Jelachic’s observations dedicated to the Russian thinkers of the 19th century, unified under the title “Grand Masters of Russian Literary Criticism and Social Thought”, published in the “Russian Archive” in 1932–1935. These articles concern the life and work of Russian social thinkers and literary critics of the 19th century from the 1840s until their deaths (with a special reference to the period from the 1840s to the 1870s). Jelachic shows the evolution of their philosophical views: from Hegel and his idealism through the anthropological materialism of Feuerbach to Kant’s agnosticism and Conte’s positivism.

Key words: ц

Часопис *Руски архив* је покренут у августу¹ 1928. године у Београду, што потврђују дневне новине *Политика* од 11. августа 1928. године, које најављују појаву новог гласила: “Ове недеље из штампе излази часопис *Руски архив* на српскохрват-

---

¹ У библиотечким каталозима као време покретања часописа наведен мај 1928., исти податак налазимо и у Драгана Грујић, Гордана Ђоковић “*Руски архив*”. *Библиографија*. Београд, Институт за науку и књижевност, 2012.

ском језику”¹. Последњи троброј часописа (XXXX–XXXXII), посвећен А. Пушкину, поводом његовог јубилеја, је изашао у јануару / марту 1937. године. За непуну деценију излажења часописа је изашло укупно 42 броја. Бројеви су имали између 10 и 12 штампарских табака, а већ од броја V–VI појављују повремено двоброји (обима 10–16 штампарских табака) или чак троброји.

Часопис је издавао *Земгор*, удружење руских обласних и градских самоуправа у Краљевини СХС, тачније Научно одељење ове организације. Услед тога је на корицама часописа као одговорни уредник је био потписан професор књижевности и књижевни историчар Павле Стевановић, који се налазио на челу наведеног одељења. У уводном чланку *Наши циљеви* стоји да часопис уређује анонимни уређивачки одбор. Без обзира на то А. Петров у свом раду *Руски часопис у Србији: “Руски архив” – лицем према Русији* долази до сазнања да је главни уредник часописа био Ф. Махин², а да је за директора је касније из Прага стигао један од уредника емигрантског часописа *Воља Русије (Воля России)* В. Лебедев³.

Основни програм *Руског архива* дат је већ на његовим корицама у поднаслову у виду неке врсте прогласа, на основу ког је часопис најављен као “часопис за политику, културу и привреду”. Наведени поднаслов допуњује и оглас у ком стоји: “У сваком броју РУСКОГ АРХИВА штампаће се чланци о спољној и унутрашњој политици Русије, о њеном духовном и научном животу, о њеној привреди и финансијама. Руској уметности и литератури биће дато најшире место. Систематски преглед свих грана живота Русије. Критика и библиографија. Преглед часописа. Живот и рад руске емиграције. Велики врој чланака биће илустрован гравирама, картама и дијаграмима”.

Посебну пажњу у часопису завређују прилози Алексеја Јелачића (1892–1941). У историчару, професору филозофије, књижевном историчару, преводиоцу Алексеју Јелачићу *Руски архив* је имао једног од најагилнијих сарадника⁴. У београдском часопису он се представио са готово 30 прилога на различите теме, укључујући приказе најновијих књига, часописа и конгреса. Међу тим прилозима се издвајају његове расправе посвећене руским мислиоцима XIX века, обједињене под називом *Велики мајстори руске књижевне критике и социјалне мисли*, које су почеле да излазе у двоброју XX–XXI (1932) и излазиле су до двоброја XXX–XXXI (1935)⁵. Сваки од тих прилога посвећен је по једном посебном мислиоцу, а Јелачићева идеја је била да својим чланцима о Бјелинском, Чернишевском, Доброљубову, Григорјеву, Писареву и Михајловском покаже развојни пут сваког од њих, као и начин на који су се развијале руска критика и социјална мисао у XIX веку, кроз призму сагледавања перспективе путева и судбине Русије.

У оквиру ове публицистике Јелачић посвећује пажњу биографији и оним делима наведених мислилаца која се тичу теме прилога, док остала њихова дела нису била у овим чланцима предмет његовог интересовања.

Сви прилози су писани по истом обрасцу. На почетку су обимне биографије, које садрже податке о пореклу, образовању, карактеру сарадње у часописима, ду-

¹ Аноним, Руски архив, у: “Политика”, бр. 7284, 11. август, 6.

² О. Ђурић у књизи *Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања)* наводи да је београдски часопис “потписивао председник” *Земгора* “Фјодор Махин. Други потписник је био његов главни уредник: др Павле Стевановић, универзитетски професор и руски ђак” (248).

³ В. Лебедев долази у Југославију 1932. године, након гашења прашке *Воље Русије*.

⁴ Од 1930. године био је члан редакције *Руског архива*.

⁵ Ове студије су као засебна књига објављене на српском језику 1934. године у Београду под називом *Руска социјална мисао XIX века*.

ховним и материјалним приликама у којима су настајала дела која се помињу у *Руском архиву*, о прихватању или одбацивању западних филозофских система. Јелачић све то не помиње случајно. Сви ови елементи су били битни пошто су одражавали друштвено, културно, политичко и економско стање у тадашњој Русији. Период који обухватају Јелачићеве расправе (од 40-их година XIX века, па све до његовог краја) период је када се у Русији формирају «народњаштво», «словенофилство» и «западњаштво», период када се води борба за ослобађање сељака, када је постојао јак утицај немачке филозофије на руске мислиоце. После биографија Јелачић обично у својим чланцима посвећује пажњу тумачењу појмова уметност и књижевност, приказу основних филозофских и социјалних идеја, као и критичке делатности личности о којима пише, често се служећи обимним цитатима из њихових дела. У овим деловима студија које подсећају на енциклопедијске чланке Јелачић углавном наводи сопствене ставове, ретко се позивајући на неке друге руске ауторе. Он настоји да што општије и што објективније прикаже сваког од мислиоца.

Велике мајсторе руске књижевне критике и социјалне мисли отвара прилог посвећен социјалном мислиоцу, публицисти Висариону Григорјевичу Бјелинском (1811–1848) с којим почиње ново доба у историји руске књижевне критике. Управо појавом чланка Висариона Григорјевича *Књижевна маштања (Литературные мечтания)* “ствара се руска критика, као нарочита књижевна врста, и то са врло оригиналним и занимљивим особинама, са дубоким утицајем не само на књижевност и уметност него на сав народни и јавни живот”¹.

Како би што јасније српским / југословенским читаоцима представио живот и дело Висариона Григорјевича, Јелачић чланак условно дели на два периода: први је везан за московски живот Бјелинског, а други за петроградски. Управо с тим периодима живота Бјелинског повезана је еволуција његових филозофских погледа: од заноса немачком филозофијом, посебно Хегелом у московском периоду “мирења са стварношћу” (1837–1839), па до позиција негирања савремене стварности и критичног односа према Хегеловој филозофији у петроградском периоду.

Потпуни развој стваралаштва и идеја Бјелински доживљава управо по пресељењу у Петроград, због тога Јелачић у својој расправи посебну пажњу посвећује овом периоду. Тада се Бјелински формира као критичар, будући да је уређивао рубрику критике и библиографије од 1839. до 1846. у часопису *Отаџбински записи (Отчественные записки, 1818–1884)*, а од 1846. у часопису *Савременик (Современник, 1836–1866)*. Критика у време Висариона Григорјевича добија најважније место у часопису, захваљујући пре свега њему, пошто је за предмет критичких чланака узимао не само књижевност и уметност него све оно што је било битно и актуелно за руску интелигенцију. Будући да је Бјелински и поред цензуре успевао да у завијеном облику, а опет разумљивом руском свету, пише на књижевнокритичке, политичке, социјалне, етичке теме, може се говорити о стварању “правца или школе” (XX–XXI, 90).

Што се тиче историозофских питања, Бјелински је био “западњак” и активно је бранио своје ставове везане за путеве Русије у полемици са “словенофилима” (*Поглед на руску књижевност, – Взгляд на русскую литературу, 1846*), *Писмо Гогољу – Письмо Гоголю, 1847*), посебно за Петрову реформу. Као и Чернишев-

¹ *Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије*, Београд: Удружење “Земгор”, XX–XXI, 76. У даљем тексту се цитати по овом извору наводе само са бројем свеске часописа и стране у заградама.

ски, Бјелински види будућност Русије у социјалној једнакости. Томе Русија треба да тежи и треба јој помоћи да дође до тога.

Занимљиво је да у чланку о Бјелинском Јелачић готово не поклања пажњу размишљањима критичара о личности и њеној улози у друштву и историјском процесу, што је био важан део његових филозофских поимања, посебно у петроградском периоду. На ово је вероватно утицала Јелачићева тежња да што општије и једноставније прикаже еволуцију филозофских и социјалних погледа Висариона Григорјевича, као и његову критичку делатност.

Као настављача критичке линије Бјелинског, Јелачић види публицисту, филозофа, писца, књижевног критичара Николаја Гавриловича Чернишевског (1828–1889), који је у својим чланцима, расправама и приказима такође писао о “сви-ма актуелним питањима и појавама књижевности, а и јавног живота, уколико он налази одјека у књижевним делима” (XXXII–XXXIII, 134). Поред књижевности Николај Гаврилович је пратио и полемику око припреманог ослобођења сељака, као и развој филозофије и природних наука.

Однос према Чернишевском је, због његових револуционарних идеја, био двојак: руско напредно друштво је у њега гледало као у пророка, док га је цар Александар сматрао највећим непријатељем. Имајући ово у виду, не чуди што је његово име дуго било забрањено. Тек на преласку XIX у XX век почиње да се проучава лик и дело Николаја Гавриловича, објављивањем докумената и расправа о њему.

Како би што боље упознао српске / југословенске читаоце са стваралаштвом Чернишевског, Јелачић посебну пажњу поклања његовом филозофском систему заснованом на природним наукама и радовима Њутна, Лапласа и других. Његов поглед на свет се формирао под утицајем античког, француског и енглеског материјализма XVII–XVIII века, као и под утицајем Хегела (иако је врло брзо схватио да његови општи принципи не могу послужити приликом анализе конкретне стварности) и нарочито антрополошког материјализма Фојербаха.¹ Основни филозофски рад Чернишевског је *Антрополошки принцип у филозофији (Антропологически принцип в философии, 1860)*, настао као одговор у полемици на књигу П. Лаврова *Есеји о питањима практичне филозофије (Очерки вопросов практической философии)*, објављен у *Савременнику* 1860. Управо у овом делу Николај Гаврилович, размишљајући у духу природних наука, излаже своје филозофске погледе које Јелачић карактерише као “монизам са материјалистичким обележјем” (XXXII–XXXIII, 138), будући да се у основи његовог филозофског приступа човеку налази идеја о јединству људског организма.

Јелачић у оквиру материјалистичког монизма посебно издваја учење Чернишевског о моралу – “разумном егоизму”, који се састоји у “стављању нагласка на опште интересе, а не појединачне”². Ова теорија “разумног егоизма” има револуционарно-демократски социјални смисао.

Како би представио реалистичку естетику Николаја Гавриловича, Јелачић у својој расправи поклања пажњу и његовом магистарском раду *Естетички однос уметности према стварности (Эстетические отношения искусства к действительности, 1885)*. Јелачић разматра појмове лепог, узвишеног, трагичног и

¹ Чернишевски се према Фајербаховом филозофском учењу односио веома критички, тако да, идући ка материјализму, није постао прави његов следбеник.

² В. Голубовић, *Алексије Јелачић о руској књижевној критици и социјалној мисли*, у: “Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији”. Зборник радова, уреднице В. Матовић, С. Бараћ, Београд, Институт за књижевност и уметност, 2015, 145.

комичног код Чернишевског. У тумачењу лепог руски мислилац се супроставља Хегеловом схватању лепог, који је тврдио да реална стварност нема вредности непролазне за уметност, па Чернишевски заступа тезу да лепо и узвишено стварно постоје у природи. Управо због тога је основни циљ уметности подражавање природе, с тим што као објекат свог подражавања уметност мора изабрати само оно што је у стварности лепо и занимљиво. Уметност мора да се бави животом. Чернишевски одбацује идеју “уметност ради уметности”.

Што се тиче критичког рада Николаја Гавриловича, у његовим чланцима посвећеним делима руских писаца XIX века огледа се неподударност теорије и праксе: иако је по убеђењу био социолог и моралиста и тежио критичком реализму, у критичким чланцима је позитивно судио и о делима која нису била у складу с његовим идеалима.

Ако је у расправи која се тичала Бјелинског Јелачић настојао да наведе основне поставке његовог критичког начела, у овом свом прилогу он посматра одвојене чланке и радове Чернишевског не наводећи основне одлике. Тако се осврће на критичарев приказ раних приповедака Лава Толстоја објављен у *Савременику* (1856), текстове Николаја Гавриловича о Александру Пушкину и о приповеци Ивана Тургеева *Асја*.

Као најјачег настављача традиције реалистичке критичке линије Бјелинског Јелачић сматра књижевног критичара и публицисту, сарадника Чернишевског Николаја Александровича Доброљубова (1836–1861). У расправи посвећеној овом критичару 50-их и 60-их година XIX века сарадник београдског часописа не доноси општа запажања о погледима овог писца на књижевност и историју. Читалац београдског часописа треба да извуче закључке о размишљањима Доброљубова углавном на основу цитата из његових чланака које Јелачић у својој расправи на страницама двоброја XXIV–XXV *Руског архива* обилато доноси: “Ми смо изнели основне линије идеологије Доброљубова, служећи се, према методи коју смо изабрали, поглавито његовим речима” (XXIV–XXV, 101). Ову методу приликом приказивања лика и дела Доброљубова Јелачић највероватније бира и због тога што се помоћу чланака Николаја Александровича могу спознати природа, особине и судбина руског друштва.

Јелачић пре свега поклања пажњу чланак Доброљубова *Када ће најзад доћи прави дан (Когда же придет настоящий день)* написаном поводом романа И. Тургеева, у којој мислилац естетској критици супротставља критику у којој су “сумирани они подаци разбацани у пишевом делу” и које критичар узима “као постојећи факат, животну појаву” која се налази пред читаоцем (XXIV–XXV, 86). Доброљубов сматра да се задатак критичара управо и састоји у прикупљању и систематизацији ових подака, у тежњи да покаже однос дела према стварности, будући да она чине саставни део јавног живота.

За критичара су нарочито били инспиративни писац Гончаров и његов роман *Обломов*, као и Островски и његовог драмско стваралаштво.

Чланак поводом *Обломова (Шта је то обломовитина? – Что такое обломовщина?, 1859)* поред књижевнокритичких и естетски опажања доноси и разматрање појма и појаве “обломовшине”, док у расправама посвећеним драмском стваралаштву Островског *Тамно царство (Темное царство, 1859)* и *Зрачак светлости у тамном царству (Луч света в темном царстве, 1860)* Доброљубов даје “далекосежно тумачење целокупне старе Русије” (XXIV–XXV, 94) коју назива “тамним царством”. Јелачић у својој расправи подвлачи да је чланак руског кри-

тичара Тамно царство по својој уметничкој страни, начину мишљења и критичком сензибилитету постао за савременике Доброљубова, а и потомке, нека врста програмског начела: “Као што је Бјелински утврдио за дуже времена поглед на Гогоља, исто то је учинио Доброљубов за Островског” (XXIV–XXV, 95).

На основу критичких чланака Доброљубова може се закључити да је он, као и Бјелински, и Чернишевски, припадао “западњацима”.

Велику улогу у стваралаштву Доброљубова игра његова друштвена филозофија, која се заснивала на култу личности и њене слободе. Нажалост, овим размишљањима Николаја Александровича, која су била веома битна за његов поглед на свет, у Руском архиву је поклоњено мало пажње. Јелачић се у чланку о Доброљубову углавном потрудио да представи његов критички опус.

Руски публициста, књижевни критичар Дмитриј Иванович Писарев (1840–1868) сматра се после Чернишевског и Доброљубова трећим великим критичаром шездесетих година¹.

Наводећи биографију Дмитрија Ивановича, једне од најспорнијих фигура руске друштвене, филозофске и књижевнокритичке мисли², Јелачић указује на то да руски критичар формира своје погледе на свет управо у доба укидања кметске зависности сељака 1861. када су руски сељаци били пуни очекивања и наде за бољи живот, баш као и руски напредни интелектуалци, на чијој страни је био и Писарев.

Јелачић у свом панорамском чланку посвећеном Писареву доноси систематизацију расправа Дмитрија Ивановича према областима којима се баве. Дели их у 4 групе: у прву, и најважнију групу спадају чланци поводом “различитих књижевних појава, највише романа, приповедака и драмских комада које су у оно време излазили” (XXVIII–XXIX, 163), другу групу чине научнопуларне расправе из историје и социјалних наука, трећу расправе филозофског карактера и педагошки чланци, док се у четвртој групи налазе популарни чланци из природних наука.

Како би што боље и објективније представио еволуцију Писарева и његових ставова, Јелачић цитира његова дела која садрже најбитније критичарове идеје које се односе на књижевност, уметност, морал и друштвени живот (студија *Схоластика XIX stoleћа – Схоластика XIX века*, 1861)³, чланак *Устајала вода (Стоячая вода*, 1861). и расправе *Писемски, Тургеев и Гончаров (Писемский, Тургенев и Гончаров*, 1861).

У критичким расправама Писарева практично нема размишљања о књижевним и естетским особинама дела, због тога што књижевност, а и критика морају бити друштвено корисне. Улога књижевних дела је да буду знаци и сведочанства свог времена. Најрадикалнији по питању “уништења естетике” били су чланци Писарева *Реалисти (Реалисты*, 1861) и *Уништење естетике (Уничтожение эстетики – Разрушение эстетики*, 1865) у којима он доказује да не постоје принципи, а ни закони у уметности, радикално се разилазећи са ставовима Бјелинског, Чернишевског и Доброљубова. У том кључу он приступа и стваралаштву Пушкина,

¹ Писаревљев поглед на свет поклапа се с типом погледа на свет Чернишевског и његових сабораца окупљених око часописа *Савременик*.

² Без обзира на то што је Писарев био једна од најспорнијих фигура руске друштвене и филозофске мисли, Јелачић у својој расправи прво наводи све значајне и позитивне особине руског критичара, као што су: “ванредна лепота и богатство језика”, “сјајна духовност”, “страсност, његов буран ватрени темерамент” (XXVIII–XXIX, 164). Када пише о негативним особинама критичара, Јелачић их углавном узима од других руских писаца који су замерали Писареву на противречностима.

³ У овој програмској студији износи особине савремене руске критике.

ког посматра пре свега великим стилистом, али не и песником. Негативне изјаве о делима и јунацима А. Островског, И. Тургенјева и других писаца створили су негативну репутацију о Писареву као критичару.

У оквиру размишљања Дмитрија Ивановича о друштвеним питањима Јелачић издваја проблем о присвајању (власништву) и расподелу продуката рада. Зато он предлаже преуређење постојеће друштвене и економске организације, тако да појединци који улажу своју труд не би били оштећени. Зато не чуди што Писарев пре свега инсистира на развоју индустрије, на формирању средњег сталежа, који је мислио да претвори у “мислеће реалисте”. Идеја му је била да земљопоседници споје свој профит с радницима. По погледима на друштвену и економску организацију Дмитриј Иванович иступа као идеолог буржоаског пута у развоју Русије иако је по свом погледу на свет делио просветитељске, наткласне идеје. Излаз из великог социјалног проблема Писарев поред реалистичке идеологије види, као и Чернишевски, у посебној улози коју треба да одиграју природне науке.

Размишљајући о етичким постулатима реалистичког рада критичар долази до појаве и појма егоизма. Ову идеју он такође сагледава у духу Чернишевског, сматрајући да “разумни”, “реалистички” егоизам служи појединцу да развије слободну личност.

Управо се у том Писаревљевом реализму, критици стварности и у буђењу “тежње руске интелигенције ка позитивном знању и служби народу” (XXVIII–XXIX, 183) огледа, по Јелачићу, његова велика улога у руском друштву и мисли.

За разлику од Бјелинског, Чернишевског, Доброљубова и Писарева, песник, књижевни и позоришни критичар, преводилац Аполон Александрович Григорјев (1822–1864) налазио се изван главног тока руске књижевне критике и није припадао великим струјама, а ни школама социјалне мисли. Представљању његових погледа Јелачић приступа веома критично, што није био случај у претходним расправама објављеним у *Руском архиву* посвећеним руским мислиоцима. Тако сарадник београдског часописа на почетку свог приказа наводи да је тешко у једном малом чланку представити Григорјева, који се “често губио у противречностима, у неодређеној употреби термина, у китњастим и замршеним изразима. Поред тога, он је стално волео да се одваја од главне теме, да се занесе споредним истраживањима, а понекад и досеткама, анегдотама, уметничким сликама, а и жучном полемиком” (XXVI–XXVII, 196). Без обзира на то, приметна је Јелачићева тежња да што потпуније и тачније представи овог мислиоца и његове погледе на критику, историју, уметност. За разлику од расправе о Доброљубову засноване углавном на навођењу цитата из дела самог Николаја Александровича, код Григорјева готово да нема цитата из његових текстова, као што се и сами текстови ретко помињу, што је вероватно било повезано с недоследношћу самог Аполона Александровича.

Мисли Аполона Александровича је највише окупирао књижевност¹ која је била тесно повезана са животом, услед чега је он, као и Бјелински, Чернишевски, Доброљубов и Писарев, био практично не само књижевни критичар него и критичар целокупног руског живота.

За разлику од осталих мислилаца који су били предмет Јелачићевог интересовања, иако није припадао великим књижевним и друштвеним правцима, Аполон Александрович је својим идејама био близак словенофилима. Његови филозофски погледи представљали су спој естетике романтизма (Шелинга) и словенофилске

¹ У руској књижевности је највише ценио њене националне црте.

традиције схватања културе (признавање одређених значаја патријархалних и религиозних начела у народном животу, учење о религиозно-месијанској улози руског народа)¹. Поред сличности са словенофилима Јелачић у свом чланку наводи разлике између критике Григорјева и учења словенофила. Аполон Александрович дели критику на четири групе: естетску, теоријску, историјску и органску. Он као и његови савременици (Чернишевски и Доброљубов) одбацује естетску критику, будући да је она далеко од живота, као и теоријску критику. Посебну пажњу у својој расправи Јелачић посвећује Григорјеву као оснивачу “органске критике”, с тим што Григорјево тумачење овог појма одбацује као нејасно. Због тога Јелачић тумачећи појам органске критике полази од Шелинговог схватања процеса развоја васионе и човечанства: највиши облик уметничког стваралаштва представља хармонично јединство несвесног стварања и дубоко свесног, органског доживљавања стварности.

Из Јелачићевог пера ми тек на крају текста практично сазнајемо да је Григорјев писао критике о Љермонтову (негативне), Пушкину, Тургееву и, наравно, Островском, чије драмско стваралаштво сматра “највишом синтезом руских народних начела” (XXVI–XXVII, 207).

Јелачић завршавајући текст о Григорјеву још једном подвлачи да се он потпуно разликовао од “главних и типичних представника социјалне и литерарно-критичке мисли”, будући да је био “мистичар и националиста” (XXVI–XXVII, 210), што не умањује његов значај, пошто је пре свега проповедао хуманост и веровао у свој народ и идеал истине и правде, који је пропагирала руска књижевност.

На крају циклуса својих расправа о руским мислиоцима XIX века у *Руском архиву* Јелачић посвећује пажњу руском публицисти, социологу, књижевном критичару и историчару Николају Константиновичу Михајловском (1842–1904). Иако је овај критичар васпитаван на делима Доброљубова, Чернишевског, Писарева и Херцена, 70-их година XIX века биле су превазиђене идеје нихилизма Писарева и његових “реалиста које мисле”, појављују се критичко народњаштво и “личности које мисле критички” (XXX–XXXI, 123), док на место “разумног егоизма” долази алтруизам, а на место Фојербаховог материјализма агностицизам Имануела Канта и позитивизам Огиста Конта, које овај мислилац прихвата.

Будући да је Михајловски у својим делима (из области социологије и књижевне критике) оставио целовит поглед на свет и социјално-етички систем, Јелачић га у *Руском архиву* приказује у најопштијим цртама. За критичара је централна тачка његове антропоцентричне филозофије и социологије, сматра Јелачић, била личност. Управо са “гlediшта њених права, њених интереса <...> Михајловски је судио о напретку, о друштву, о његовој организацији” (XXX–XXXI, 127), као и о социјалним теоријама свог доба (Спенсер, Дарвин) против којих иступа. Николај Константинович је, као и Писарев, заступао идеју о стварању друштва у ком не би било сталежа. Индивидуализам Михајловског подразумева стварање узајамне везе између личности и друштва. Јелачић у својој расправи наглашава да иако критичаре идеје јесу повезане с либерализмом, код Михајловског се не ради о оном бурожоаском либерализму који угњетава људску личност под паролом слободе и националног богатства. У истом кључу треба посматрати и рад: он не сме да

¹ Помињући ову идеју “специјалне мисије, коју је Божје провиђење доделило сваком народу” (XXVI–XXVII, 197) Јелачић наводи да су је и словенофили и Григорјев преузели од Шелинга, не помињући при томе да је Григорјеву од целе словенофилске традиције схватања културе била најбитнија управо идеја Хомјакова.

буде повезан са експлоатацијом. У неким приступима у својој индивидуалистичкој идеологији Михајловски се приближио социјализму као идеалу будућности.

Михајловски у својим расправама није заобишао ни историографско питање, које је било веома важно мислиоцима XIX века. Он је веровао да је Русија способна да развије нов и себи својствен пут привредног успона. То руско питање је у стању да реши руско народњаштво, а установа која би била кадра да реши социјално и руско питање била је, као што су о томе писали Херцен и Чернишевски, руска сељачка општина. У духу Чернишевског, мислилац посматра општину као средство за постизање привредног благостања, као и за стварање услова за морални развитак људске личности.

Јелачић скреће пажњу на то да је Михајловски посебан смисао придавао појму интелигенције (слоју мислећих и образованих људи које је изнедрило напредњаштво). Размишљајући о њој у духу Писарева, Николај Константинович је настојао да расветли њену социјалну улогу, порекло, смисао речи коју означава. Расветливши њен смисао и улогу Михајловски износи један од кључних проблема модерне руске историје, који постоји и после револуције, а то је проблем понора који дели интелигенцију, чија је улога да служи народу, и народ. Овакво стање је изазвало неслагање између интелигенције и буржоазије. Тек кад превазиђе те потешкоће, Русија ће моћи да крене ка срећнијој будућности.

Михајловски је у области књижевне критике био настављач традиције великих руских критичара, пошто је сваки његов чланак објављен у фељтону *Записи профаног (Записки профана)* који је излазио у часопису *Отаџбински записи (Отечественные записки)* од 1875. до 1877. поводом разних књига и у ком је Михајловски износио значајне мисли из различитих области живота.

Јелачићеве расправе објављене у *Руском архиву* представљају приказ живота и дела руских социјалних мислилаца и књижевних критичара XIX века, од 40-их година, па све до краја (с посебним освртом на период од 40-их до 70-их године). Јелачић приказује еволуцију њихових филозофских погледа: од Хегела и његовог идеализма, преко антрополошког материјализма Фојербаха, до Кантовог агностицизма и Контовог позитивизма.

Сви књижевни историчари који су били предмет Јелачићевих прилога држали су се превасходно у оквирима реалистичког правца у књижевној критици, настављајући линију коју је започео Бјелински.

Сви су такође били заузети размишљањима о путевима Русије, услед чега је тешко одвојити њихова размишљања о књижевности од социјалних питања. Што се тиче будућности Русије, они је виде у социјалној једнакости људи. Доста пажње у расправама је поклоњено питању личности и њене слободе, на шта је свакако утицало друштвено уређење тадашње Русије, као и то да се радило о преломном периоду у историји Русије, руске књижевности и социјалне мисли.

ЛИТЕРАТУРА

Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије XX–XXI (Београд: Удружење “Земгор”), 1932.

Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије XXII–XXIII (Београд: Удружење “Земгор”), 1933.

Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије XXIV–XXV (Београд: Удружење “Земгор”), 1933.

Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије XXVI–XXVII (Београд: Удружење “Земгор”), 1934.

Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије XXVIII–XXIX (Београд: Удружење “Земгор”), 1934.

Руски архив часопис за политику, културу и привреду Русије XXX–XXI (Београд: Удружење “Земгор”), 1935.

Голубовић В. Алексије Јелачић о руској књижевној критици и социјалној мисли, у: “Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији”. Зборник радова, уреднице В. Матовић, С. Бараћ, Београд, Институт за књижевност и уметност, 2015.

Грујић Д., Ђоковић Г. Руски архив Библиографија, Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012.

Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941: (писци, кружоци, издања), Горњи Милановац: Дечје новине ; Београд : Српски фонд словенске писмености и словенских култура; Крагујевац : «Никола Николић», 1990.

Петров А. “Руски часопис у Србији: *Руски архив* – лицем према Русији”, у: Језик, књижевност, култура. Новици Петковићу у спомен, ур. Ј. Делић, А. Јовановић, Београд: Институт за књижевност и уметност, Филолошки факултет универзитета у Београду, 2011.

Сведения об авторе:

Бојана Сабо,
магистар филолошких наука
виши лектор за руски језик
Филолошког факултет
Универзитет у Београду

Bojana Sabo,
PhD
Senior Lecturer in Russian Language
Faculty of Philology
University of Belgrade

bojana.sabo@gmail.com

Е.В. Огнева (Москва, Россия)

Реализм как анатомия характера: «Кузен Базилио» Эсы де Кейроша¹

Аннотация: В статье речь идет об эстетическом эксперименте, который стал своеобразным продолжением «Коимбрского спора» (1865) и «Демократических лекций в лиссабонском казино» (1871). В романе «Кузен Базилио» (1878) Эсы де Кейроша ярко отразилось увлечение представителей «поколения 70-х годов» новейшими достижениями европейской мысли и «уроками Флобера». Теоретический спор о реализме в литературе получил в романе неожиданное и неоднозначное отражение. По глубокому убеждению Эсы де Кейроша, на смену романтической литературе, понимаемой как «апофеоз чувства», должна прийти беспощадная «анатомия характера». Он демонстративно «переписывает» культовый для его единомышленников роман «Госпожа Бовари», проводя свой литературный эксперимент на португальской почве и «анатомируя» как национальный характер, так и «болезни» современного общества.

Ключевые слова: португальская литература, реализм, романтизм, натурализм, поколение 70-х, Эса де Кейрош, «Кузен Базилио», Флобер

E. V. Ogneva (Moscow, Russia)

Realism as the Anatomy of Character: Eça de Queirós's "Cousin Basilio"

Abstract: The article is devoted to an aesthetic experiment that became a kind of a continuation of "Coimbrã Issue" (1865) and "Democratic Lectures in Lisbon Casino" (1871). In Eça de Queirós's novel "Cousin Basilio" (1878) was vividly reflected the 70's generation's passion for the newest achievements of European thought and "Flaubert's Lessons". Theoretical argument on realism in literature gained an unexpected reflection in the novel. According to Eça de Queirós's deep conviction, romantic literature, understood as the "apotheosis of feeling", should be replaced by a merciless "anatomy of character". He demonstratively "rewrites" "Madame Bovary", the novel which is regarded as a cult one by his like-minded people, conducting his literary experiment on Portuguese ground and "anatomizing" both the national character and the "disease" of modern society.

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00073-ОГН «Литературный процесс первой половины XX века в Европе и Америке: направления и школы».

Key words: portuguese literature, realism, romanticism, naturalism, 70's generation, Eça de Queirós, "Cousin Basilio", Flaubert

В 1870-е гг. в португальской культуре явственно зазвучали голоса, призывающие «узаконить» правила новой эстетики. Требования обновления литературы тесно увязывались с призывами более конкретного свойства: покончить с интеллектуальной изоляцией, познакомить соотечественников с последними достижениями философской и социальной мысли. Когда отзвучали последние реплики в знаменитом «Коимбрском споре», где столкнулись романтики старой школы и «обновители» португальской культуры, стало очевидно, что «поколение 70-х» будет отстаивать свои взгляды не только в теории, но и на практике.

Открывая «Демократические лекции», Антеро де Кентал говорил о причинах упадка иберийских народов; состояние упадка и застоя констатировал в литературе Эса де Кейрош. В своем выступлении, посвященном «новой литературе» («Реализм как новое выражение искусства») он назвал в качестве высшего выражения новых эстетических принципов «Госпожу Бовари» Флобера и живопись Курбе. Как и многие его современники, слово «реализм» он трактовал собирательно, расширительно: в его «рецепт» входило и прудоновское требование разоблачения общественных пороков, и понимание миссии писателя как лекаря больного общества, и социальная типизация, и всесторонний детерминизм, и психологизм в духе Флобера.

Эти баталии стали очередным проявлением общей масштабной тенденции, связанной со стремлением к модернизации португальской культуры и продемонстрировали всю «размытость» терминов и понятий, которыми оперировали сторонники новой эстетики и их оппоненты. В первую очередь это, конечно, определялось известным «отставанием часов» португальской культуры по отношению к европейской. Период, традиционно соотносимый в английской и французской литературах с понятием «реализм», это 1830–1860-е гг. В Португалии же теоретическая мысль обращается к этому явлению лишь в середине 1860-х гг. А в 1870-е ей предстоит уже освоить и соотнести с насущными задачами португальской литературы творчество братьев де Гонкур и Золя...

К тому же и в самой Франции царил известная терминологическая путаница, когда речь шла о реализме. В.М. Толмачев пишет: «В отличие от художников (имеется в виду кумир Эсы де Кейроша Курбе. – *Е.О.*) и художественных критиков, ни один из классических французских реалистов XIX века не кодифицировал так свой стиль. У Золя “позитивист”, “реалист” – синонимы гораздо более частотного и программного слова “натуралист”»¹. Ни у Тэна, ни у Лансона, продолжает В.М. Толмачев, термин «реализм» практически не встречается. «Зато все они охотно для обозначения постромантической литературы прибегают к определению “натурализм”»².

Таким образом, можно сказать, что понятия, употребляемые соратниками Эсы де Кейроша, отражают общую нечеткость терминологической базы того времени. Это не принципиально для поколения «семидесятников», важно лишь, что речь у них идет о постромантическом искусстве.

Реализм, как утверждает Эса де Кейрош, – это реакция на романтизм, понимаемый как «апофеоз чувства». Реализм же есть «анатомия характера», критика чело-

¹ Толмачев В.М. Где искать XIX век // Зарубежная литература второго тысячелетия. М., 2001. С. 176.

² Толмачев В.М. Где искать XIX век. С. 177.

века, искусство, которое рисует нам нас самих, увиденных нашими собственными глазами. Такой метод необходим, по мнению Эсы де Кейроша, для искоренения всего зла, существующего в обществе.

Описывая реалистический тип литературного творчества как «пакт о взаимопонимании» между писателем и читателем, Т.Д. Венедиктова в качестве его яркой приметы называет своеобразный «...акт “натурализации”»: непризнание вымышленности вымысла и искусственности искусства»¹.

Это требование реализма находит отклик у Эсы де Кейроша. Он на свой лад повторяет тезис, сформулированный еще Бальзаком в «Отце Горио» (писатель ничего не выдумывает, все правда!), говоря о необходимости создания в Португалии такой литературы, в которую бы его читатель смотрелся, как в зеркало, узнавая себя.

Общим знаменателем здесь стала открыто объявленная война романтизму, война, которую Эса де Кейрош последовательно продолжал на страницах нового печатного органа – ежемесячника «Фарпас». В том же году в обзорной статье «Общественное положение в Португалии 1871 года» он поставил безжалостный диагноз современной ему романтической поэзии: «ничтожные чувствешки, слабенько воспетые тоненькими голосками». Ни больших проблем, ни ярких личностей, вместо шума бурь, сотрясающих современный мир, до них доносится лишь «шорох юбок какой-нибудь Элвиры». Это мелкотемье, отсутствие четко обозначенной социальной позиции аморально, утверждал Эса де Кейрош. И (видимо, все время не забывая об «идеальном романе» Флобера), он критикует португальский любовный роман (romance passionnel) в духе «Любви губительной» (1863) Камило Кастело Бранко, повествующий о запретном чувстве так, что это плачевно сказывается на воспитании читательниц.

Перенесение спора между новым и старым искусством, полемика материала «Демократических лекций» на страницы романов самого Эсы де Кейроша становится делом не столь уж редким: дальнейший путь развития португальской литературы мыслится как диалог, спор, дискуссия, изобилующая примерами. Так в романе «Семейство Майя» (1888) он столкнет в споре поэта романтика Аленкара с писателем Эгой, отстаивающим принципы модного «натурализма». Аленкар, подобно судье мэтру Пинару, обвинителю на процессах Флобера и Бодлера, призывает «зажать нос», услышав слово «реализм». Его оппонент ответит ему прославлением нового искусства (опять-таки ставя знак равенства между понятиями «реализм» и «натурализм»): «Натурализм – могучая и живая литература... беспощадное исследование, которому подвергается Церковь, власть, бюрократия, финансы, все священные институты общества: их вскрывают, обнажая их язвы, как это делают с трупами в анатомическом театре; это новое направление, способное запечатлеть черты, краски, само биение жизни...»².

Это не авторское слово, хотя аллюзий на лекцию Эсы де Кейроша «Реализм как новое выражение в искусстве» здесь много. Кроме того, бедный Аленкар как раз и является автором поэмы «Элвира», шорох юбок которой Эса де Кейрош в своем выступлении так высмеивал.

На самом деле не все так однозначно. За десять лет до этого сам Эса попробовал на практике осуществить свое предложение учиться у Флобера и создал португальский вариант «Мадам Бовари» – «Кузена Базилио» (1878), безнравственную и опасную, с точки зрения тогдашнего читателя, книгу.

¹ Венедиктова Т.Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века // Зарубежная литература второго тысячелетия. М., 2001. С. 193.

² Эса де Кейрош Ж.М. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 151.

Чем привлек Эсу де Кейроша именно этот роман его французского кумира? Сюжетом? Эса не мог знать того, что откроется только потомкам – читателям переписки Флобера – много лет спустя: изначально тот планировал написать роман о старой деве, не знавшей любви, а не о покончившей с собой изменнице... «Нет, сколько ни ищи, существенного социального смысла в истории недалекой женщины, которая завела любовника, а потом другого, а потом отравилась мышьяком из-за недостатка денег. Смысл искусства прозы Флобер видит не в том, чтобы сообщить-рассказать нечто “объективно” существенное, а в том, чтобы подвинуть читателя к самостоятельной и во многом автономной творческой, духовной активности...»¹ – отмечает Т.Д. Венедиктова.

Но Эса де Кейрош как раз видит и в истории, которую рассказал Флобер, и в той, которую собирается рассказать сам, этот существенный социальный смысл. Он сквозь призму флюберовского романа прочитывает свою, португальскую действительность во всей совокупности ее измерений, включая социальное. И вторую задачу – стимулировать творческую, духовную активность «ленивого» читателя, привыкшего к авторским подсказкам-комментариям в романах о «мучениках любви» Камило Кастело Бранко, – он тоже перед собой ставит.

«Кузен Базилио» – это демонстративный эксперимент, так называемый «роман-тезис». Столь явно и открыто он ориентирован на всем известный к тому времени текст Флобера, что отпадает желание уличить Эсу де Кейроша в заимствованиях. Речь не идет об очевидных витках сюжета: адюльтер – болезнь – шантаж – смерть. Речь не идет даже о деталях, которые в ряде случаев текстуально совпадают (здесь и гордое восхищение наивной Луизы, которая глядится в зеркало после своего «падения»: «У меня есть любовник!»; и круг чтения героини, мечтающей о шотландских замках Вальтера Скотта; и ответ циничного любовника, испугавшегося разговоров о побеге; и приставучий советник Акасио, по вине которого Луиза пропускает свидание...). Нарочитое, подчеркнутое обращение к мотивам, деталям и репликам Флобера говорит о желании повторить «условие задачи», то, что «дано», «задано», – и условия эти, экспериментируя, перенести на португальскую почву.

Одним из важнейших требований современной литературы Эса де Кейрош считает обновление повествовательной техники. Осваивая флюберовский, деперсонализированный модус повествования, португальский писатель виртуозно использует монтаж, особенно такие его разновидности, когда несовпадение художественного кода соседствующих фрагментов является максимальным. Так выстроен эпизод обсуждения побега любовников, представляющий собой своеобразный диалог двух художественных систем: отжившей, романтической, и новой: «Жорже узнает, он убьет меня, Базилио!»² – и «Прислуга, выкрадывающая любовное письмо из мусорной корзинки ... – такое мещанство, такая мерзость!»³ Как правило, эти сцены выстроены по принципу чередования «поэзии» и «прозы жизни», и «стыки» этих фрагментов не маркированы. Так написаны сцены в театре, где прекрасная иллюзия постоянно повергается грубой действительностью, и один из финальных эпизодов романа, в котором беспристрастным жестом писатель «перемещает камеру» из отеля, где вернувшийся в Лиссабон эгоист Базилио предвкушает возможное свидание с кухней, в дом, где безутешно рыдает ее вдовец.

¹ Венедиктова Т.Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века. С. 215.

² Эса де Кейрош Ж.М. Кузен Базилио. М., 2002. С. 239.

³ Эса де Кейрош Ж.М. Кузен Базилио. С. 241.

Однако следует признать, что Эсе де Кейрошу не всегда удается удержаться в границах подобного деперсонализированного повествования. Там, где Флобер воздерживается от расстановки акцентов, Эса де Кейрош дает объяснения. В коротком, напряженном, полном скрытого подтекста диалоге о ненавистном обоим супругам диване Эсу де Кейроша больше занимает психологический парадокс, нежели требование внеличного повествования: Луиза помнит, а муж подозревает, что именно здесь свершилось ее падение. Каждый из супругов представляет себе некий образ измены, но «флоберовский» эффект монтажа сведен на нет интересом Эсы де Кейроша к лабораторному исследованию ревности: следует авторский комментарий о горькой радости подтвердившегося подозрения. Открытия натуралиста вносят свои коррективы в художественную манеру португальского писателя.

Сразу же явственно говорят о себе и другие отличия. Роман назван именем кузена Базилио – персонажа, который действует не на всем протяжении романа, а не именем Луизы, историю неверности и гибели которой нам рассказывают. Кузен Базилио, легковесный фат, заезжая «парижская штучка», губит героиню не тем, что соблазняет ее и бросает, а случайно, не вовремя желая помочь ей деньгами и присылая письмо. То есть для Эсы де Кейроша это не герой даже, а некая функция, долженствующая помочь ему в его опыте – почти медицинском.

Португалия представляется писателю идеальной почвой или колбой для задуманного им художественного эксперимента. Здесь по-другому можно пересказать историю мадам Бовари. Для лабораторной точности он сократит эту историю. Весь роман Луизы, отъезд Базилио, шантаж, болезнь и смерть будут уложены в полгода.

Не будет подробного разговора о формировании характера, о том, как складывалась личность (вся предыстория изложена писателем довольно конспективно), зато к факторам, призванным детерминировать (модное понятие!) характеры персонажей, появится модная же ссылка на климат. Это особый «португальский» лейтмотив романа (изнуряющая жара, томление, знойный раскаленный воздух, одуряющий аромат растений). Вопреки изначальной теоретической установке в Луизе Эсу де Кейроша интересует не столько характер, сколько темперамент: это слабая особь – слабая во всех смыслах! Нервная, податливая, внушаемая, пугливая. Луиза кардинально отличается от целеустремленной, находчивой, решительной Эммы Бовари. Это не личность – это добыча и для соблазнителя, и для служанки-шантажистки.

А вот шантажистка Жулиана достойна того, чтобы выдвинуться на авансцену в романе. Нельзя не согласиться с Машаду де Ассизом, отметившим в свое время яркость образа этой зловещей безобразной женщины, со сладострастной маниакальностью добывающей свою юную прелестную хозяйку. Это сильная особь, в отличие от Луизы. Отношения персонажей уподобляются ловушкам, западням. Сильные стремятся выжить, протиснуться, проскользнуть – слабые гибнут. Это мстит подавленная социальными условностями природа, биологическая сущность человека, – в таком художественном решении Эса де Кейрош выступает скорее уже как ученик Золя, а не только Флобера. Вообще в том, что касается внимания к физиологии, Эса де Кейрош далеко опережает Флобера. Жизнь тела (от его восторгов до безобразных отправлениях) им при этом ни в малейшей степени не эстетизируется; это, так сказать, рабочий момент.

Как своего рода недуг, но аномалия слишком распространенная, этакая неискоренимая португальская болезнь, воссоздается в романе тяга к романтизму в самых его шаблонных, трафаретных формах, – к романтизму в виде житейских клише,

форм поведения, пышной риторики; даже в политической жизни португальцев. (Это и пьеса Эрнестиньо «Любовь и честь», два варианта которой словно пародируют историю Луизы; и мечты о «сильной личности», способной спасти политику страны, за которой стоит элементарная зависть и жадность Жулиана Зузарте; и монархизм доньи Фелисидаде и претензии Луизиного соседа на модный атеизм и увлечение Парижской Коммуной; и слащавая демагогия Акасио.)

Обрушивая на головы этих персонажей шквал своей иронии, Эса де Кейрош еле удерживается во взятой на себя роли «отстраненного», объективного повествователя (он широко использует такой прием, как несобственно-прямая речь; он монтирует фрагменты диалогов, создавая иллюзию «шума улицы», – все это по-флоберовски).

Однако, безжалостно «вскрывая скальпелем» португальскую действительность, эту «расу – среду – момент», которую он изучает по Ипполиту Тэну, Эса де Кейрош не может не оплакивать тот диагноз, который сам ставит. Анатомия характера, темперамента, общества сосуществует в романе с «неосуществившимся» планом – невозможной историей любви, которая могла бы быть такой красивой. Это, конечно, не история Луизы и Базилио, но история Луизы и Жорже. Ее обрывает цепь трагических случайностей, запоздалых открытий...

Тема заблуждений, любви и расплаты буквально прошивает насквозь художественную ткань романа и сопровождается музыкой, музыкальной темой из оперы Гуно «Фауст». Освобожденное от своей философской нагрузки, либретто в его романтическом прочтении Жюль Барбье и Мишеля Карре (1859) посвящено не мыслителю Фаусту, а любви Фауста и Маргариты. Арии из «Фауста» сопровождают Луизу во время медового месяца, в сценах «искушения» любовью Базилио и, наконец, в роковую ночь избавления от шантажистки. Мотив оперной иллюзии, завораживающего мира мечты, конечно, возникает в романе «Кузен Базилио» по ассоциации с «Лючией ди Ламмермур», которую слушает госпожа Бовари в Руане, но флоберовской аллюзией не исчерпывается. Музыкальная тема у Эсы де Кейроша неразрывно связана с «анатомией», с пристальным вниманием к португальскому темпераменту, она дает о себе знать серией настойчивых лейтмотивов, как и изнуряющая, вызывающая томление духа и тела жара.

Так, и простенькие фаду, что напевает вульгарная Леополдина, и «знойные» бразильские куплеты, которые сладострастно мурлычет Базилио, парализуют волю Луизы, приближают миг ее падения. Музыкальность Луизы, по Эсе де Кейрошу, почти физиологична. Он показывает, как его героиня стремится, но не может выразить, додумать, понять переполняющую ее душу жажду любви. О ней как о трагическом искушении напоминает история Фауста и Маргариты. Но, как с горькой иронией восклицал Флобер, «когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс»¹. Эту горечь разделяет и суровый экспериментатор Эса де Кейрош, осваивающий законы нового португальского постромантического искусства на его пути от реализма к натурализму. Его скальпель обнажает такую картину семейной, общественной и национальной жизни, где, как он с тоской вынужден признать, романтическому идеалу больше нет места.

---

¹ Флобер Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 185.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Венедиктова Т.Д.* Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века // Зарубежная литература второго тысячелетия. М.: Высшая школа, 2001. С. 186–220.
2. *Толмачев В.М.* Где искать XIX век // Зарубежная литература второго тысячелетия. М.: Высшая школа, 2001. С. 117–185.
3. *Флобер Г.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Правда, 1956. 461 с.
4. *Эса де Кейрош Ж.М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1985. 708 с.
5. *Эса де Кейрош Ж.М.* Кузен Базилио. М.: АСТ, 2002. 731 с.

REFERENCES

1. Venediktova T.D. The Secret of the Middling World. The Cultural Function of the 19th century's Realism. In: Foreign Literature of the Second Millennium. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 2001, pp. 186–220.
2. Tolmatchoff V.M. Where the 19th century has to be Located? In: Foreign Literature of the Second Millennium. Vysshaya Shkola Publ. 2001, pp. 117–185.
3. Flaubert G. Collected Works: In 5 vols. Vol. 1. Moscow. Pravda Publ. 1956. 461 p.
4. Eça de Queirós J.M. Selected Works: In 2 vols. Vol. 2. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1985. 708 p.
5. Eça de Queirós J.M. Cousin Basilio. Moscow. AST Publ. 2002. 731 p.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Огнева,
канд. филол. наук
ведущий научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena V. Ogneva,
PhD
Leading Research Fellow
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ognelen@hotmail.com

В.В. Долженкова (Москва, Россия)

К вопросу о национально-культурном компоненте фонетической системы испанской устной речи

Аннотация: Фонетические системы европейских языков, несмотря на схожие внутренние принципы функционирования, обладают неповторимым своеобразием, которое способен уловить слух человека, имеющего даже самые поверхностные представления об этих языках. В данной статье объектом исследования стала фонетическая система испанской устной речи, на примере которой были не только выделены фонетические особенности системы испанского устного дискурса, но и проанализированы отличительные черты испанской языковой картины мира. Были сделаны выводы о том, что фонетические процессы испанской речи, с одной стороны, являются системными явлениями разговорного регистра, а с другой, языковой материализацией как индивидуального речетворчества, так и национального мировоззрения и характера.

Ключевые слова: речь, фонетическая система, испанская языковая картина мира

V.V. Dolzhenkova (Moscow, Russia)

On the National-Cultural Component in the Phonetic System of the Spanish Spelling

Abstract: Phonetic systems of the European languages, despite similar internal principles of functioning, possess a unique originality that even a person having the most superficial notion of these languages is capable to catch. In the given article the phonetic system of Spanish oral speech is regarded not only as a part of oral discourse system but as special Spanish national worldview. The analysis revealed that phonetic processes of Spanish oral speech, on the one hand, are the system phenomena of the colloquial register, and, on the other, appear to be language implementations of the individual speech and that they possess features of the national character and the unique worldview.

Key words: speech, phonetic system, language representation of the Spanish national worldview

Еще в XIX в. Вильгельмом фон Гумбольдтом была высказана мысль о том, что «различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия», и что «различные языки по своей сути... являются в действительности различными

мировидениями»¹. В XX в. эти рассуждения получили развитие в теории языковой относительности Сепира-Уорфа, согласно которой разные языки по-разному членят действительность, а все знания и представления носителей определенной культуры о мире содержатся в их языковой картине мира. Другим последователем Гумбольдта, в частности, его идеи о том, что «в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации»², станет известнейший немецкий исследователь-романист XX в. Карл Фосслер, создавший свою концепцию языка, в основе которой лежит утверждение, что язык – это душа народа. В русле подобных исследований в 1928 г. в Испании выходит в свет книга дипломата, публициста, философа Сальвадора де Мадариаги «Англичане, французы, испанцы». Описывая национальные характеры трех европейских народов, автор пишет, что язык – это нечто большее, чем набор слов, выстроенных в грамматическом порядке, что это непосредственное проявление национального характера: «las lenguas son la expresión más directa del carácter nacional»³, и обращается в своем исследовании к анализу формы и содержания языков трех наций на всех уровнях.

В нашей работе объектом исследования станет фонетическая система испанской устной речи, на примере которой будут проанализированы как характерные черты системы испанского устного дискурса, так и отличительные особенности испанской языковой картины мира.

Бесспорным представляется тот факт, что фонетические системы европейских языков, несмотря на схожие внутренние принципы функционирования, обладают неповторимым своеобразием, которое способен уловить слух человека, имеющего даже самые поверхностные представления об этих языках. В качестве общей характеристики фонетической системы испанского языка приведем следующие размышления Мадариаги: «El español es la que más fatiga al que habla... el esfuerzo en el español recae sobre todo en el paladar y la garganta... El español exige que se hable con plenitud y franqueza, llenando con el aliento vital del que habla el amplio volumen de sus vocablos»⁴. По мнению философа, испанские слова, чрезвычайно утомительны для говорящего, поскольку произносятся между небом и гортанью, к тому же по-испански приходится говорить полно и открыто, наполняя дыханием жизни просторный объем испанских слов.

Несомненным является то, что речь по сравнению с кодифицированным литературным языком имеет свои специфические черты, реализуемые, в частности, в фонетической системе. В книге «Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография» авторы С.В. Князев и С.К. Пожарицкая пишут, что любой носитель языка владеет двумя типами произнесения: «полным», или кодифицированным, и разговорным, или «неполным», аллегрным. Если первый тип реализуется, как правило, в ситуации официального общения, то второй является основным, базовым, используется в ситуациях повседневного общения. В первом случае говорящий контролирует произносительную сторону речи, употребляет «эталонные» звуковые формы, во втором эти формы подвергаются различным фонетическим изменениям. Общий процесс снижения регистра речи, ее «демократизация», по мнению авторов, затрагивает, фонетическую систему языка.

¹ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 370.

² Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. С. 373.

³ Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. Madrid, 1934. P. 224.

⁴ Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. P. 240.

Все происходящие изменения базируются на трех основных условиях реализации разговорной речи: спонтанность речевого акта, его неофициальность и материализация в форме устного диалога. Фонетическая система разговорной речи характеризуется тем же набором единиц, что и фонетическая система языка в целом, однако специфика фонетического яруса разговорной речи проявляется, в частности, в особенностях сочетаемости фонем, отличающейся большей вариативностью. Например, в испанской речи, при быстром темпе произношения, возможна гораздо более сильная, чем в кодифицированном языке, редукция звуков.

О системе гласных звуков испанского языка Сальвадор де Мадариага пишет, что в ней минимальное количество гласных, по сравнению с другими европейскими языками, однако их полнозвучное произношение максимально простое и ясное: «El español es quizá la lengua europea que contiene el número mínimo de sonidos vocales... Las vocales dominantes de la lengua española son, pues, o y a, las más llenas y sonoras. Su pronunciación es clara y sencilla»¹.

Однако в испанской устной речи возможны качественная редукция безударных гласных, включая гласные верхнего подъема в любом слоге по отношению к ударному, элизия отдельных согласных или их сочетаний в разных позициях, эллипсис слогов, что ведет к изменению слоговой и ритмической структуры слова.

Редукция безударных гласных – явление в речи достаточно частотное. Например, это редукция гласных в таких словах, как *ceremonia*, которое произносится как [θiri'monja], *película* – [pi'likula], *ministro* – [me'niŋtro], *monumento* – [menu'mento], *municipio* – [moni'θipjo]. Колебания ударных гласных, как правило, не характерны, однако следует различать собственно фонетическое варьирование и языковую игру, когда намеренное искажение звуковой формы слова меняет или дополняет новыми коннотациями исходное значение слова. Например, в испанской разговорной речи встречается данное явление, цель в этом случае – побудить или вдохновить собеседника сделать что-либо:

- ¿Vienes al cine esta tarde con nosotros?
- No puedo, estoy muy preocupado por haber suspendido el examen.
- Pero, bueno, ¿*semos* o *semos*?

Или, например, намеренное искаженное произношение слова *individuo* объясняется не только и не столько явлением фонетической редукции, сколько наличием в семантике негативной коннотации – презрения, пренебрежения: ¿*Qué se ha creído este endividuo*?

Эллиптированное произношение некоторых из наиболее высокочастотных слов настолько типично для разговорной речи, например формы *alcol*, *profe*², что эти слова в сокращенной, редуцированной форме рассматриваются как разговорные лексические дублеты. Особенно характерно подобное явление для жаргонной лексики.

Эллипсис гласных в рекуррентных лексемах определяется еще качеством окружающих согласных. Такие высокочастотные фонетические явления, как выпадение интервокального [ð] в таких словах, как, например: *nada* – [ˈna], *dedo* – [ˈdeo], связаны с тем, что, как писал Рамон Менендес Пидаль, в интервокальной позиции [ð] не произносится как смычный согласный, и произносится так ослабленно, что в разговорной речи практически исчезает полностью. Явление выпадения [ð] настолько частотно в испанской устной речи, что в некоторых случаях это ведет

¹ *Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. P. 240.*

² *Alcohol, profesor.*

к появлению новых форм слова, которые иногда фиксируются письменно с соблюдением норм испанской орфографии: *trabajaor, peazo, comía, venío*. В просторечии встречаются явления эпентезы: *bacalao* произносят [baka'laðo], *Bilbao* – [bil'βaðo]. Подобная слабая позиция также характерна для интервокального [r], что объясняет появление стяжения в устной речи, как [paðe'laŋte] – *para adelante*, [pa'lá] – *para allá*.

Известно, что произношение группы гласных в начале слова достаточно сложно для испаноговорящего. Это приводит к явлениям эллипсиса гласных в составе дифтонга, например: [aro'plano] – *aeroplano*, [xome'tria] – *geometría*, что часто встречается в детском возрасте на этапе становления речи. В речи взрослого подобного рода формы считаются просторечными, так же как явления избыточной слоговой компрессии: [míxa] – *mi hija*, [las'diço] – *le has dicho*. В этой связи процитируем вывод С.В. Кодзасова, который пишет, что «многие эллиптические явления отделились от того фонетического условия (быстрого темпа), с которым они были первоначально связаны, и выступают в речи при установке говорящего на особую речевую форму – разговорную»¹.

Однако в фонетических явлениях подобного рода можно усмотреть и интересующие нас национально-культурные черты, помимо очевидных механических изменений, связанных с вышеназванными условиями реализации разговорной речи. Если Рамон Менендес Пидаль писал о связи выпадения интервокальных согласных с высокой частотностью окончаний, в которых они оказываются в позиции между гласными по нормам образования ряда грамматических форм, то Сальвадор де Мадариага усматривает в этом факте подтверждение своего тезиса о психологической склонности испанцев к дифтонгам и трифтонгам, поскольку их использование выражает общую тенденцию испанской фонетики: «la lengua española... busca los diptongos... como si las palabras... saliesen lanzadas como por una onda»². Причина подобной склонности к энергичному «выбрасыванию» слов, по мнению Сальвадора де Мадариаги, заключается в том, что механические законы языка лишь подтверждают психологические законы расы, а сами слова, как и носители испанского языка, индивидуалистичны и эгоцентричны: «las palabras mismas del castellano son individualistas y egocéntricas»³.

Еще одна особенность устной речи – упрощение групп согласных. В целом, как пишут исследователи С.В. Князев и С.К. Пожарицкая, в разговорной речи изменения в системе согласных звуков состоят в «упрощении артикуляции и изменении консонантных свойств звуков»⁴. В испанской разговорной речи это такие явления, как, например, произнесение увулярной [x] вместо «немого» *h*: [xorno] – *horno*, [xoŋdo] – *hondo*; произнесение звонкого среднеязычного [j] вместо палатального [λ]: [po'jo] – *pollo*, [ga'jina] – *gallina*; фонетические явления «*seseo*» и «*ceceo*», характерные в основном для регионов Андалусии и Канарских островов: [re'θiβir] – *recibir*, [koθer] – *coser*, [paθe] – *pase*, [kaθa] – *casa*. Среди просторечия исследователи отмечают явления эпентезы в словах: *reir* – [rey'ir], *tropezar* – [trom'peθar], а также эллипсис начального звука: [U'xenjo] – *Eugenio*, ¿[Oŋde] – *dónde vas?*, ¡[Amos] – *vamos ya!*

¹ Цит. по: Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. М., 2011. С. 308.

² Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. P. 243.

³ Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. P. 242.

⁴ Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. С. 306

Отдельно следует рассмотреть такое фонетическое явление разговорной речи, как растяжка гласных. По мнению С.В. Князева и С.К. Пожарицкой, этот процесс может быть «лингвистически нефункциональным»¹, как это происходит, например, с безударными гласными: ¡Uf!fumabaaa. Здесь растяжка гласных нужна для заполнения паузы, необходимой для обдумывания последующего высказывания, при самоперебивах и остановках. В случае с ударными гласными, наоборот, растяжка может считаться «лингвистически функциональной»², так как движение тона в этом случае «способно не только акцентировать, но и формировать значение»³: No te vaauyas.

Как мы могли наблюдать, многие фонетические явления разговорной речи зависят от места в синтагме (начальное, срединное, конечное), положения по отношению к фразовому акценту, от темпа произнесения. Таким образом, различные фонетические особенности синтагмы в разговорной речи определяются не только позиционными условиями реализации фонем внутри слова, но и позицией слова в пределах синтагмы. Среди суперсегментных средств в разговорной речи отмечается высокая частотность просодических элементов, таких как динамика тона, темп, пауза, регистр. С.В. Князев и С.К. Пожарицкая отмечают, что темп речи является индивидуальной характеристикой говорящего, кроме того, фрагменты, имеющие важное смысловое значение, как правило, произносятся медленнее, в отличие от фрагментов менее важных, вводных слов и других элементов синтагмы. Характерно заполнение так называемых пауз хезитации (колебания) гласными неопределенного тембра, или «мычанием», или невербальными средствами общения: мимикой, жестами. Особенно активно испанцы пользуются жестами, что зачастую порождает множество проблем для иностранца, поскольку жестами заполняются не только паузы, но и целые части высказывания, без понимания смысла которых теряется смысл всей фразы. Об особенностях испанского устного высказывания Сальвадор де Мадариага напишет, что в испанском языке в целом акцент сильнее на словах, чем на предложении, которое по звучанию скорее похоже на недисциплинированную компанию индивидов: «El español... manifiesta un acento verbal más fuerte... y da la impresión de una multitud poco disciplinada de individuos sueltos»⁴. В этой связи в устной речи возрастает роль интонации – как для организации структуры высказывания, так и для понимания содержания высказывания.

Не вызывает сомнений тот факт, что мелодическая структура и слоговой состав фонетической синтагмы в различных языках неодинаков. Весьма значим для нашего исследования тот факт, что интонационный рисунок фонетической синтагмы различается в национальных вариантах испанского языка. Однако, как правило, фразовое ударение в высказывании реализовано на последнем слове, которое в большинстве случаев является ремой высказывания. Несколько иная ситуация в системе устного дискурса. В разговорной речи интонации, по мнению исследователя Антонио Бриса, принадлежит ключевая роль в организации и структурировании всего обиходного дискурса: «destacábamos el papel clave de la entonación como recurso para organizar y estructurar el discurso»⁵. В ситуации отсутствия синтакси-

¹ Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. С. 303.

² Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. С. 302.

³ Там же.

⁴ Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles.

⁵ Briz A. El español coloquial: situación y uso. Madrid, 1996. P. 46

чески выраженных пауз, именно мелодический рисунок интонации выстраивает границы и связи между высказываниями: «nosotras↑ nos costó caro/// además Alfredo puso mi dinero↑ yo tampoco fui↑ nada↓...»¹. Однако для нашего исследования важнее вторичные модальные функции испанской интонации, роль которых чрезвычайно высока в устной речи. Модальная или экспрессивная функция, выражая отношение говорящего к содержанию высказывания, может приносить в высказывание массу дополнительных эмоциональных оттенков – коннотаций. Восходяще-нисходящая мелодика тона помогает передать отношение говорящего к утомительному для него занятию: «tú imagínate pues estar todo el día currando y terminar a las siete de trabajar ↑ y vete a un gimnasio a hacerte pesas ¿sabes? todo eso los días que tengas↓»². Представляет интерес для исследования полифункциональность интонации вопросительных предложений, которая способна передавать разнообразный спектр значений-функций, от собственно вопроса до выражения вежливой просьбы. Например, эмфатическое ударение вопросительного слова в фразе «¿cómo que doscientas mil pesetas?» является способом выражения удивления, а, например, вопрос «¿quieres que venga?», в зависимости от используемой финальной высоты тона, может быть как собственно вопросом, так и утверждением или восклицанием, сопряженным с удивлением. Вопросительная интонация в фразе «¿quieres cerrar la ventana?» является способом выражения вежливой просьбы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что испанская устная речь отличается высокой степенью спонтанности, наличием несистемных явлений, нарушением кодифицируемых правил с целью реализации прагматических экспрессивных целей. В этом, по мнению Сальвадора де Мадариаги, заключена одна из характерных особенностей испанской языковой картины мира, в которой правило подчиняется действию: «la acción se impone a la regla»³. Характеризуя специфику взаимосвязи испанского мышления и речи, Мадариага пишет, что испанец мыслит, когда говорит: «El pensamiento español nace en el momento en que se manifiesta... el español piensa mientras habla»⁴. Этой склонностью к импровизации объясняется высокая степень спонтанности индивидуального речетворчества.

Таким образом, мы видим, что механические законы языка зачастую подтверждают выводы Мадариаги о том, что в чрезмерной экспрессивности испанской разговорной речи находят свое воплощение такие национальные черты характера испанцев, как страстность, бунтарство, склонность к импровизации и интуитивность мышления. Сама мысль испанца исключительно личностна, отсюда такая большая вариативность системных языковых процессов в устной речи, где в наибольшей степени проявляется индивидуальное речетворчество, с одной стороны, а с другой, через нарушения общепризнанной системы выстраивается другая система, являющаяся одним из способов проявления национального мировоззрения и характера. Эти проявления реализуются в том числе через фонетические процессы испанской разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 450 с

Карпов Н.П. Фонетика испанского языка. М., 1969. 232 с.

¹ Briz A. El español coloquial: situación y uso. P. 47.

² Там же.

³ Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. P. 26.

⁴ Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. P. 35.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. М., 2011. 430 с.

Briz A. El español coloquial: situación y uso. Madrid, 1996. 78 p.

Madariaga S. de. Ingleses, franceses, españoles. Madrid, 1934. 301 p.

Poza J.A.M. Usos coloquiales del español. Salamanca, 1998. 166 p.

REFERENCES

Humboldt W. von. (1985) Language and Philosophy of Culture. Moscow. 450 p.

Karpov N. (1969) Phonetics of Spanish Language. Moscow. 232 p.

Knyazev S., Pozharickaya S. (2011) Russian Modern Literary Language. Phonetics, Orthography, Graphic and Spelling. Moscow. 430 p.

Briz A. (1996) El español coloquial: situación y uso. Madrid. 78 p.

Madariaga S. de. (1934) Ingleses, franceses, españoles. Madrid. 301 p.

Poza J.A.M. (1998) Usos coloquiales del español. Salamanca. 166 p.

Сведения об авторе:

Виктория Викторовна Долженкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Viktoriya V. Dolzhenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

dolvik@mail.ru

Е.А. Певак (Москва, Россия)

Гоголь в зеркале русского модернизма

Аннотация: В статье рассматриваются особенности восприятия личности и творчества Н.В. Гоголя в России на рубеже XIX–XX вв. и отражена динамика меняющегося отношения к писателю в России в первое десятилетие XX в. В центре внимания оценки, которые давали Гоголю русские модернисты. Показано, что его трагическая судьба для модернистов первой волны – старших символистов – стала важным аргументом в спорах с православным духовенством о сущности религиозного идеала. Младосимволисты иначе воспринимали Гоголя и находили в его личной и творческой судьбе ответы на актуальные для них вопросы.

Ключевые слова: Гоголь, модернизм, старшие символисты, младосимволисты, интеллигенция и Церковь

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

Gogol in the Mirror of Russian Modernism

Abstract: The article discusses perception of personality and creativity of Nikolai Gogol in Russia at the turn of the 19–20th centuries and shows the dynamics of the changing attitude towards the writer in Russia in the first decade of the 20th century. In the center of the analysis are the assessments given to this writer by Russian modernists. It is shown that the tragic fate of Gogol for the modernists of the first wave – the senior symbolists – became an important argument in disputes with the Orthodox clergy about the essence of the religious ideal. The younger symbolists otherwise perceived Gogol and found in his personal and creative fate the answers for their actual questions.

Key words: Gogol, modernism, the senior symbolists, the younger symbolists, Russian intelligentsia and Church

Русский модернизм – явление уникальное. Появившийся во многом как результат влияния новейших тенденций в европейской культуре второй половины XIX в. на русское искусство и русскую общественную мысль, русский модернизм основательным образом переработал заимствованные тезисы и приемы, наполнив их специфически русским содержанием, главным элементом которого является по-своему понятый религиозный идеал, проецируемый в том числе и на эстетическую проблематику, не ограничиваясь сферой нравственно-психологической.

На этапе формирования эстетической концепции модернизма в России представители нового искусства были далеки, по крайней мере на словах, от традиционного христианства, декларируя отказ от нравственных догм, собственного говоря, выступая с позиций воинствующего аморализма. Атмосферу, царящую в собраниях декадентствующих модернистов в первые годы их существования, охарактеризовал свидетель и участник процесса созидания нового русского искусства А.Н. Бенуа. О первых своих встречах с Д.С. Мережковским и его тогдашним окружением он писал в «Моих воспоминаниях»: «Не могу сказать, что... первое посещение Мережковских оставило во мне приятное впечатление. Это была пора характерного *fin de siècle*, прециозность и передовитость которого выражалась в культе (на словах) всего порочного с примесью всякой мистики, нередко роднившейся с мистификацией»¹. Добавим к этому и всеобщее увлечение философией Ницше, готовность игнорировать происходящие в обществе социально-политические процессы и сосредоточенность на проблемах прежде всего индивидуального бытия. Казалось, очерченный представителями нового русского искусства круг вопросов не предполагал пробуждения и стойкого интереса к автору, которому по самой природе его чужды были идейные и эстетические установки литературных наследников. Но, видимо, именно мистицизм Гоголя, вне контекста Православия, дал толчок к исследованию представителями модернизма в России феномена личности Гоголя и ее отражения в созданных этим писателем произведениях. В то же время мистическое обоснование анархического бунта индивидуальности, пропагандируемое символистами в первую очередь, как в статьях, так и в художественных произведениях, не позволяет ставить знак равенства между мистикой Гоголя и опытами его так называемых последователей из числа представителей нового искусства. Ярче всего конфликт, всегда существовавший между Гоголем и творческой интеллигенцией Серебряного века, отражен в оценке Н.А. Бердяева («Русская идея»), увидевшего в гоголевской доктрине социального христианства «низменную» и «рабью» утопию, где идея свободы личности и вообще дух свободы вытеснены мещанской моралью, подавляются проповедью авторитаризма. В уже названной работе Бердяев указывает на сходство судьбы Гоголя с драмой Боттичелли, поддавшегося идеям Саванаролы, или Расина, пленника янсенизма (к слову сказать, этот мотив неоднократно появлялся на рубеже XIX–XX вв. в обсуждениях гоголевской темы и связанной с ней проблематики). И в том и в другом случае речь идет об отсутствии внутренней свободы и о добровольном рабстве, которое несовместимо с творчеством – свободным волеизъявлением художника. Неудивительно, что, размышляя о судьбе Гоголя, писатели и поэты, исповедующие идеологию свободы творческого «я», сосредоточились на проблеме взаимоотношений Гоголя с о. Матвеем, ржевским протоиреем, сыгравшим, как им казалось, роковую роль в судьбе писателя. В этом факте биографии Гоголя сошлись сразу несколько линий, которые вплетены и в споры о взаимоотношениях интеллигенции и Церкви, и в поиски выхода из кризиса творческого, источником которого, как и у Гоголя, стала установка на отказ от собственно художественных задач и погружение в прозелитизм, а затем и отождествление творческого начала с богоборческим. Эти проблемы отвлеченного характера становились конкретной, когда материалом для их анализа оказывалась судьба писателя, обратившего свой творческий поиск в поиск духовный.

¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 5 кн. Книги четвертая, пятая. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1990. С. 47–48.

Показательно, что тема Гоголя и о. Матвея возникает уже на первом заседании Религиозно-философских собраний (1901) – в прениях по докладу «Русская церковь пред великою задачей», прочитанному В.А. Тернавцевым. Обратился к этой теме еп. Сергей, упомянув опубликованную в «Новом времени» заметку И.Л. Леонтьева-Щеглова «Гоголь и о. Матвей Константиновский» и остановив внимание собравшихся на том, что «интеллигенция не доверяет искренности духовенства»¹ – и в этом причина раскола между ней и церковью. Но сразу же обнаружилась еще одна проблемная точка несхождения двух позиций – интеллигенции и духовенства, имеющая самое непосредственное отношение к творческой практике писателей нового поколения, ставивших перед собой цель «ознаменовать» явления действительности, обнаружив в них скрытые от неискушенных взоров людей, далеких от творчества, отблески вечности. Отстраненность Церкви от земной жизни, игнорирование всех тех проблем, которые имеют отношение к плоти, – в этом, по мнению представителей русской интеллигенции модернистского уклона, и заключался главный порок христианства, которое учит умирать, но не помогает жить. Позиционируя себя как идеалистов в сфере творчества, русские модернисты в то же время едва ли не с первых дней своего существования были настроены на то, чтобы и реальный мир был привлечен в качестве материала для их творчества. Но в отличие от реалистов, которые занимали в русской литературе ключевые позиции в предшествующий период (во второй половине XIX в.) и ограничивались в большей степени фиксацией явлений действительности (так воспринимали их творчество модернисты), литераторы нового поколения призывали, усвоив те достижения, которыми обогатил искусство реализм, сделать следующий шаг – научиться видеть не только поверхностный слой реальности, но открывать таящееся под ним мистическое содержание жизни, используя для этого символы, которые должны «естественно и невольно выливаться из глубины действительности»².

Понять сложность и значимость поставленной ими задачи поможет детальное ее разъяснение теоретиком символизма Вяч. Ивановым. В части II («О художнике») «Спорад», опубликованной в журнале «Весы» в 1908 г., он указывает на существование двух типов художников: *облачителей* и *разоблачителей*, и в числе последних называет Гоголя. Так называемые *облачители*, «служители высших откровений», знают или догадываются о том, что «высочайшее» в своем изначальном виде не может нам явиться, а чтобы предстать в формах, привычных земному сознанию, оно должно «жертвенно» облечься «в земную сгущенность призрачного вещества»³, т. е., иными словами, облечься в образы-символы. Противоположные им по духу художники-*разоблачители*, напротив, ищут не тайны в земном бытии, не проблесков высшей реальности – они заняты разоблачением правды, срыванием масок, и попутно занимаются профанацией жизни. «Разоблачители, – поясняет Вяч. Иванов, – изображают жизнь, отвлекая существенные для их целей признаки от случайных, и потому упрощают жизнь, – упрощают по существу, несмотря на все осложнение ее прагматизма. Они ясны для всех; в разоблачении торжествует именно ясность»⁴.

¹ Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 30.

² Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Литературные манифесты: От символизма до «Октября». М.: Аграф, 2001. С. 40.

³ Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 77.

⁴ Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 76.

В этой претензии, предъявляемой писателям-разоблачителям, отражено то коренное противоречие, которое крайне затрудняло попытку примирения интеллигенции с церковью – в том ее виде, в каком она представлялась русской интеллигенции, – не желающей избавляться от главного своего порока (по мысли ищущих точек соприкосновения с духовенством) – аскетического пренебрежении земной жизнью, традиционного нежелания хотя бы приблизиться к осмыслению антиномии духа и плоти, которой пронизана земная жизнь человека.

Поэтому так неравнодушно была воспринята история взаимоотношений Гоголя с о. Матвеем, в котором создатели будущей религиозной общественности видели олицетворение презирающего живой мир христианства. В этом направлении – в направлении реформирования, правильнее было бы сказать, модернизации христианства – двигались русские символисты, и опыт жизни и творчества Гоголя был как нельзя более кстати в ситуации, когда каждый из них, как в свое время Гоголь, задумывался о поисках компромисса с церковью.

В прочитанном весной 1902 г. докладе «Гоголь и о. Матвей» (прежде опубликованном в журнале «Новый путь») Д.С. Мережковский предпринял попытку расставить все точки над *i*, анализируя сложные взаимоотношения Гоголя – не с православным священником, воплотившим в себе дух «черного» православия, а с православием, погрузившись в которое Гоголь был обречен на непрекращающийся драматический диалог с самим собой.

Важно отметить, что на предшествующих заседаниях Религиозно-философских собраний острые споры разгорелись по поводу двух тем, имевших исключительное значение для русских модернистов, вырабатывающих не столько эстетические постулаты для нового искусства, сколько новую религию, так как, по убеждению большинства представителей этого направления в русском искусстве, находящаяся в глубоком кризисе церковь уже не в состоянии выполнять возложенные на нее обязанности, а нарождающееся новое искусство может и должно взять выполнение этих обязанностей на себя. Постулируя этот тезис, модернисты считали своим долгом прямо указать духовенству, черному и белому, на пороки исторического христианства, которыми был спровоцирован тягчайший, по их мнению, религиозный кризис. Речь прежде всего шла о той позиции вне мира и земли, которой придерживалась церковь и незыблемость которой отстаивала в споре со своими критиками. Второй важный для модернистов аспект – отсутствие свободы совести и методы духовного насилия, практикуемые, по их убеждению, представителями церкви, и не только церковной бюрократией как таковой, но и духовными пастырями, искренне убежденными в правоте своего дела. И то и другое, противореча принципам модернизма (в редакции старших символистов), провоцировало модернистов на резкие выпады в адрес представителей исторического христианства, поскольку, по их мнению, христианство на современном этапе его существования погрузилось в догматизм, а деятели христианской церкви, вместо того чтобы способствовать развитию религиозной мысли, ставят на ее пути препоны в виде не всегда верно понятого учения отцов церкви. Этим объясняется и выдвижение, в частности, Д.С. Мережковским и его единомышленниками идеи Третьего завета – следующей ступени, на которую должно было подняться христианство. В своем докладе «О церкви грядущего», представленном в Религиозно-философском обществе Петербурга осенью 1907 г., он так формулирует идею Третьего завета: «Третья ступень будет окончательным синтезом объекта и субъ-

екта, плоти и духа, соединением первого царства Отчего и второго Сыновнего в Третьем царстве Духа Святого, Плоти святой, откровением Трех в Едином»¹.

Мережковский занят поисками возможности синтеза двух измерений человеческого существования – духовного и плотского – и в этом контексте исследует двойственную (такова его позиция) природу Гоголя, который мечется между любовью к миру и ненавистью к миру. Собственно, вокруг этих проблем и сосредоточиваются на протяжении ряда лет появляющиеся оценки Гоголя-писателя и Гоголя-человека, причем необходимо помнить о том, что для модернистов крайне важен был вопрос² о возможности или невозможности совмещения в человеке творческого начала, побуждающего его бросать вызов богу-творцу своей деятельностью в сфере искусства, и свойственного обыкновенным людям смирения перед Богом, так как для человека главная цель его земного существования – подчиненное внешней, высшей цели, движение вверх, к Богу. Значимость эта проблематика приобретала потому, что идея преобразования мира силами искусства (теургизм) стала основой для тех символистов, кто не предполагал ограничиваться эстетическими задачами, и художник-теург призван был сыграть ключевую роль в этом преобразении.

Много внимания этому вопросу уделял Вяч. Иванов, видевший – с каждым годом все отчетливее – символизм не столько как эстетическую, но как религиозную программу. Объявив же себя теургами, символисты автоматически попадали в ловушку религиозной дилеммы *дух – плоть, высшая реальность – низшая реальность*, так как обязывали художника разрешать эти дилеммы, и не в теологическом споре, а в творческом акте. Закономерно вставал вопрос, каким должно быть отношение художника к миру, на который будут направлены его творческие усилия; для него этот мир – воплощение зла, которое безоговорочно отвергается («Мир за переплетом небесной книги», как заметил Розанов в своей речи об Иисусе сладчайшем), – такова была, по мнению модернистов, позиция христиан-традиционалистов. Или создающаяся новая религия – символизм – может предложить и новое решение вопроса о соотношении небесного и земного? Материальный мир – это система символических знаков, указывающих на небесные прообразы земного бытия. То есть в связи с актуализацией религиозной темы, казалось навсегда вытесненной из сознания русской интеллигенции за годы торжества нигилизма, новый смысл приобрел вопрос эстетический – об отношении искусства к действительности, сопряженный с вопросом скорее религиозным: как должен строить свои отношения с миром художник, вступивший на путь религиозного служения.

Занимающий особое положение в кругу русских модернистов³, Вяч. Иванов сделал важный шаг в осмыслении внутреннего родства между двумя враждебными «стихиями» – символистской (идеалистической) и реалистической. Для него реализм и идеализм всего лишь моменты в творческом процессе художника, а отнюдь

¹ Мережковский Д.С. О церкви грядущего // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 115

² В свете их установки на создание новой религии, как это мыслилось Мережковскому и его адептам, как предполагалось богостроителями-большевиками, а также установки на присвоение искусством функций религии – эта идея была актуальна для русских символистов, прежде всего петербургских, не принимающих ограниченный эстетизм брюсовских «Весов».

³ По возрасту Вяч. Иванов принадлежал к поколению старших символистов, но свои творческие потенции (как теоретик и глава одной из ветвей в символизме и, конечно же, как поэт) в полной мере реализовал в эпоху младосимволизма.

не выбор генеральной линии его творчества: воспринимая образы, художник – реалист; воплощая образы – идеалист. Крайне существенным для Иванова оказывается разрушающий художника внутренний конфликт, в основе которого двойственная природа творца, с одной стороны стремящегося, как и всякий человек, ввысь, к Богу, с другой, в силу своей творческой природы, постоянно вынужденного совершать «нисхождения» в земной мир, так как вне контактов с земной реальностью искусство гибнет, художник теряет способность творить, а творчество, в представлении Иванова, должно заключаться в умении художника ознаменовывать явления реального мира – улавливать в нем символические проблески высшей реальности. Этот конфликт – и стремление ввысь, и необходимость нисхождений, – по мысли Иванова, и был причиной целого ряда трагедий, когда попытка отсечь от себя творческое начало (греховное с религиозной точки зрения) оборачивалась деградацией творческого «я», физической гибелью художника. Предлагая свой рецепт спасения, Вяч. Иванов вводит понятия «правого» и «неправого» нисхождения, напоминая о том, что есть оправдание отступлению художника с предначертанного человеку пути: художник, совершая «правое» нисхождение, приносит в мир низких истин – истины высокие, напоминая человечеству, как пушкинский Пророк, о Вечности¹. Если «примерить» предложенную Ивановым схему взаимодействия художника с миром и вечностью на творческую судьбу Гоголя, увидим ту же попытку писателя придать своему влечению к миру характер «правого» нисхождения. На этот момент самооправдания Гоголя обратил внимание в своем докладе Д.С. Мережковский, цитируя одно из писем, адресованных о. Матвею: «Если писателю дан талант, то, верно, недаром и не на то, чтобы обратить его во злое»². Гоголю, как утверждал Мережковский, не до конца открылась эта способная его спасти идея: в искусстве есть начало религиозное, «начало святой плоти», – но и Гоголю уже очевидно было, что «нельзя в мире уйти от мира»³.

Мережковский, анализируя судьбу Гоголя, остается в сфере религиозно-общественной проблематики, как и его оппонент в спорах о Гоголе В.В. Розанов. Выступая на заседании Петербургского религиозно-философского общества осенью 1907 г. с докладом «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира (По поводу статьи Д.С. Мережковского “Гоголь и о. Матвей”», Розанов, поклонник Ветхого завета и яростный критик Нового, вступает в полемику с Мережковским и теми, кто принимает его оценки взаимоотношений Гоголя с христианством и кто готов увидеть в новозаветном христианстве предпосылку примирения с земным миром, утверждая: «Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалость, улыбка, грация, как цветок бытия человеческого, вовсе несовместим с моноцветком, “Сладчайшим Иисусом”. “Но как же тогда мир?” – завоплю я с Мережковским. Как же тогда мы, в цвете и радости своей жизни?»⁴ Заявленная Розановым в своем докладе теза – Христос вытеснил мир, при том что оба они, и Христос и мир, дети одно-

¹ Эти идеи Вяч. Иванов развивал в 1910-е гг., после объявленного завершения символистского проекта, когда сблизился (в «Трудах и днях») с вечным своим оппонентом Андреем Белым и вместе с ним разрабатывал концепцию неосимволизма, особенно акцентируя его религиозную функцию.

² Мережковский Д.С. Гоголь и о. Матвей // Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 182.

³ Мережковский Д.С. Гоголь и о. Матвей. С. 182.

⁴ Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира (По поводу статьи Д.С. Мережковского «Гоголь и о. Матвей» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 142.

го отца, Бога, – как будто находит подтверждение в трагической гибели Гоголя, выбравшего продиктованный христианством путь аскезы, вместо того чтобы, по Мережковскому, искать возможность синтеза духа и плоти, – или, по Розанову, преодолеть мертвенное дыхание христианства: «С рождением Христа, с воссанием Евангелия все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости»¹, – развивает свою идею Розанов, продолжая в уже названном докладе спор с Мережковским.

Все эти рассуждения о порочности прежнего религиозного идеала и о необходимости его обновления вписываются в общее умонастроение эпохи, пронизанной ренессансным желанием обновить доставшиеся в наследство божества, вдохнуть жизнь в образы, извлеченные в ходе «археологических раскопок», предпринятых с целью отыскать в мистической сфере человеческого бытия противоядие для излечения общества и себя самих от материалистического угара, которым была отравлена русская интеллигенция в период торжества позитивизма (в широком значении этого слова).

О распространении подобного рода настроений – усовершенствовать религиозный идеал, придать новый импульс развитию религиозной мысли – свидетельствует и появление религиозно-реформаторских идей в совсем иной среде – в среде революционеров-демократов (большевиков), тех его представителей, которых именовали богостроителями (в отличие от богоискателей из среды модернистов)². Вполне естественным в итоге представляется то, что и не участвующий в заседаниях религиозно-философских собраний и обществ, где дебатировались вопросы современного христианства, Горький, идейный и эстетический противник модернизма, в 1907 г. публикует в «Сборнике товарищества “Знание”» (1908) повесть «Исповедь», по сути повторяющую те претензии, которые предъявляли церкви Д.С. Мережковский, Д.В. Filosoфов, В.В. Розанов, когда отстаивали свою точку зрения в спорах с духовными лицами. Но если социал-демократы – богостроители строили новую (пятую) религию на материале социалистических идей, то их антиподы модернисты для этих целей выбрали искусство, которое и должно было принять на себя функции, в современном мире оказавшиеся не по плечу деятелям церкви, – соединять людей и указывать им путь мистического самопознания, открывающего дорогу к Богу.

Гоголь действительно был чрезвычайно удобен для того, чтобы на примере его судьбы делать выводы о современном состоянии Церкви и строить прогнозы о будущих путях развития не только религиозно-общественной мысли, но и эстетических концепций. Теургический пафос символизма не нашел бы нужной подпитки в идеологии Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого: оба были слишком уж самостоятельны в своих суждениях, и хотя Л.Н. Толстой в каком-то смысле повторил пройденный Гоголем путь, отказавшись от художественного творчества, но предпосылки этого решения писателя если и имели некоторое отношение к аскезе, то отнюдь не в религиозном ее смысле. Опыт Гоголя, рискнувшего совместить подвиг творчества с религиозным подвигом, был близок модернистам попыткой искомого ими синтеза противоположных начал и, даже неудачно завершённый, был им по-своему полезен.

¹ Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира. С. 149.

² Об этом см.: Левак Е.А. Русская философская, религиозная и общественная мысль в конце XIX – начале XX века // Стефанов: Русская литература и культурная жизнь. XX век: Интернет-энциклопедия (<http://www.philol.msu.ru/~modern/>).

По мере развития идеологии модернизма, в процессе перехода от идей старших символистов к ориентированной на Вл. Соловьева концепции младосимволистов с их христоцентризмом, гоголевская тема как будто утрачивала свою остроту, но по-прежнему оставалась притягательной для тех авторов, которые всем ходом развития русской литературы поставлены были перед необходимостью разрешить еще одну вечную дилемму, теперь уже в большей степени связанную с эстетической проблематикой: в мажорный или минорный аккорд разрешится дисгармония реализма и идеализма? В этих спорах получила свое развитие религиозно окрашенная вначале полемика о возможности приятия / неприятия художником мира. И теперь уже центр «исследований» переместился в пределы творческого «я», воспринимающего и отражающего действительность, руководствуясь теми эстетическими нормами, которые оказываются для творческой индивидуальности наиболее приемлемыми. Этот сдвиг интересов повлиял на характер оценок уже не столько личности Гоголя, сколько разработанных им приемов воспроизведения действительности в искусстве. Представителями зрелого реализма, упрочившего свои позиции к середине XIX в., Гоголь воспринимался как глава успешно развивающейся реалистической школы, но в начале XX в. реалистичность метода писателя подверглась сомнениям. В его творчестве увидели попытки синтеза двух начал в искусстве – в духе идеореализма, к которому должна была прийти русская литература, наследуя опыт реалистов XIX в. и обогатившись новым миропониманием, предложенным символистами. Неудачу же Гоголя, вступившего на путь объединения идеализма и реализма, видели прежде всего в особенностях его личного мировосприятия. На это указал Андрей Белый, опубликовавший в юбилейном для Гоголя 1909 г. в журнале «Весы» статью, где подробно проанализировал свойственные писателю приемы письма, свидетельствующие, как считал Белый, о неспособности его, воспроизводя реальный мир, сохранить духовно-телесную целостность этого мира. В творческом сознании Гоголя, утверждал Белый, земной мир поделен на две чуждые друг другу сферы. «Гоголь оторвался от того, что мы называем действительностью, – пишет Белый. – Кто-то из-под ног его выдернул землю; осталась в нем память о земле: земля человечества разложилась для него в *эфир* и *навоз* (выделено нами. – *Е.П.*); а существа, населяющие землю, превратились в бестелесные души, ищущие себе новые тела: их тела не тела – облачный туман, пронизанный месяцем... И все человеческие чувства (как-то: любовь, милосердие, радость) отошли для него в эфир...»¹.

В том же номере «Весов» (№ 4 за 1909 г.) напечатана была характеристика, данная Гоголю В. Брюсовым, весьма показательно названная – «Испепеленный». Подчеркнув присущие Гоголю экстаз и безмерность, гиперболизм как в восприятии окружающего мира, так и в созданных его фантазией образах, Брюсов, не обходя вниманием отмеченную неоднократно гоголевскую раздвоенность души, подойдя к последним трагическим дням жизни писателя, пишет об обретенной им гармонии, когда та сторона его души, которая позволяла ему творить, свободно предаваясь экстазу, теперь и в собственной его жизни приобрела черты безмерности, беспредельности. Раскрепощенная воля писателя (теперь уже не творческая – жизненная), вырвавшись на свободу, испепелила его.

Хотя Брюсов скептически воспринимал попытки своих соратников по символизму выстроить на базе этой эстетической школы некую мировоззренческую концепцию, близкую по структуре и по содержанию к религиозной, и ему была не чужда знакомая многим его современникам жажда саморазрушения, что одними

¹ *Белый А.* Гоголь // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 364.

мыслилось в контексте нищезанятия, другими – Апокалипсиса. Для младосимволистов и близкого им по мироощущению Вяч. Иванова Гоголь представляет собой не объект, испытавший разрушительное воздействие пленившей его христианской идеи, – он самостоятелен и самодостаточен, и трагическая его судьба результат не заблуждений, инспирированных извне, а итог его внутреннего выбора.

Характерное для младосимволистов стремление к саморасточению, идея испуточной жертвы, принесенной во имя высокой цели – рождения нового мира, чему всячески должно способствовать символистское искусство, ведущее человечество – быть может, обрекая его и себя на гибель во имя будущего воскрешения мира, – всё это уводит в сторону от того критического восприятия христианства, которое демонстрировали старшие символисты, когда вступали в обсуждение проблемы будущего религии на совместных с духовенством заседаниях в начале 1900-х гг. Если сравнить саму тональность выступлений интеллигенции в религиозно-философских собраниях и в религиозно-философском обществе, увидим перемены: вместо желания перестроить религию и религиозную общественность под себя по определенному рецепту – готовность признать, что, обращая к Церкви вопросы, по сути те же, что и прежде, сама интеллигенция готовых ответов на эти вопросы не имеет. Показательно в этом отношении выступление А.А. Блока осенью 1908 г. в Петербургском религиозно-философском обществе с докладом «Россия и интеллигенция». Отталкиваясь от прочитанного там же Германом Бароновым доклада «О демотеизме (обожествление народа в “Исповеди” Максима Горького)», Блок, характеризуя перемены в мирозерцании Горького, делает обобщающие выводы, фиксируя перемены в настроениях русской интеллигенции в целом, и главным его выводом можно считать слова: «Вслед за русской литературой, Горький отказывается проповедовать; он только смятенно ищет»¹. Своими рассуждениями Блок выводит Горького из сферы влияния богостроителей-большевиков, утверждая, что больше родства у этого писателя «не с Луначарским, а с Гоголем; не с духом современной “интеллигенции”, но с духом “народа”»².

Смещение акцента в оценке Гоголя обусловлено пересмыслением символистами своей роли – и в сфере религиозно-общественной деятельности, и в сфере искусства, которое из самостоятельного проекта модернистов превращается в некое общее дело, временные и пространственные границы бытования которого находятся далеко за пределами интеллигентского сознания. Гоголь в контексте этого изменившегося самосознания творческой интеллигенции, примыкающей к модернизму, предстает уже не жертвой аскетического православия, а гением, которому удалось приблизиться к миру русской души, так часто ускользающей от жаждущих встречи с ней современников Блока.

Созданный Гоголем в «Мертвых душах» образ русского мира, обреченного на поиски идеала и непрестанно совершающего ошибки на этом пути, оказался близок сознанию символистов, переживающих крах выдвинутых символизмом идей и в качестве спасательного круга – по давней нашей традиции – выбирающих русскую народную идею, в основе своей религиозную, но с отчетливо выраженным апокалиптическим началом, хотя и содержащим своеобразную оптимистическую ноту: погибнешь – и затем воскреснешь.

¹ Блок А.А. Россия и интеллигенция // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 361.

² Блок А.А. Россия и интеллигенция. С. 362.

Поставленный Вяч. Ивановым диагноз – «мы нация самосожигателей» – подтверждается рассуждениями Блока об ожидающей интеллигенцию, устремившуюся в поисках спасения к народу, судьбе: «Что, если тройка, вокруг которой “гремит и становится ветром разорванный воздух”, – летит прямо на нас? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель»¹. Впрочем, блоковская концепция жертвы, неизбежной и желанной, в духе гоголевского самопожертвования, уравнивается в символизме на завершающем этапе его существования концепцией Вяч. Иванова, выдвинувшего идею всенародного искусства, которое возникнет при условии выхода художника из пределов индивидуального стиля, что тоже предполагает самопожертвование, т. е. отказ от своего творческого «я», но итогом станет не его гибель, а перемещение на более высокую ступень творческого постижения мира.

Такая трансформация творческого «я», способного объять не узко очерченный субъективным восприятием мирок, но предложить многомерную и многослойную картину действительности, намеченная в ряде работ Вяч. Иванова, получает развитие в концепциях постсимволизма, в частности, в рассуждениях близких к «Аполлону» авторов и критиков о «вершинном» романе, где гармонично соединятся реалистическая достоверность в отражении всего многообразия жизни и отточенное символизмом умение проникать в суть вещей, видеть в происходящем не поверхностное течение жизни, а отражение сложных духовных процессов, в которые вовлечены все. Можно говорить о том, что предложенное Гоголем в «Мертвых душах» целостное изображение процессов частного характера и вселенского масштаба (что, конечно же, характерно и для Достоевского, и для Л. Толстого) в определенном смысле становится образцом для авторов, которые в 1910-е гг. предпринимают попытки перейти от «осколочного», в духе Чехова, изображения действительности к крупным эпическим формам. Прежде всего следует упомянуть «Серебряного голубя», а затем и «Петербург» А. Белого – автора, который близко подошел к гоголевской традиции. Но важно указать на то, что в постсимволистскую эпоху это было общей тенденцией. В предложенном М.А. Кузминым обзоре «Художественная проза “Весов”», опубликованном в 1909 г. в «Аполлоне», дана характеристика новому роману, ориентированному на гоголевскую прозу. Упомянув «Серебряного голубя» Белого как одно из лучших его произведений, в котором указан «путь широкой символично-реалистической картины современной России», Кузмин отмечает важную черту этой новой прозы – «большое и острое чувство современной России»², и в один ряд с Белым ставит других авторов, выбравших ту же дорогу: А. Ремизова, А. Толстого, М. Горького (в некоторых вещах).

Подытоживая сказанное, отметим динамику в восприятии феномена гоголевского творчества русскими модернистами, оценка которых интересна тем, что связанная с Гоголем проблематика оказалась весьма востребованной на этапе ренессансного подъема русской культуры на рубеже XIX–XX вв.

Скептическое отношение к Гоголю, прежде всего как к религиозно-общественному мыслителю, в среде русской интеллигенции сформировалось в середине XIX в., после публикации им «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). И если прежде можно было, как поступали В.Г. Белинский и его единомышлен-

¹ Блок А.А. Россия и интеллигенция. С. 367.

² Кузмин М.А. Художественная проза «Весов» // Кузмин М.А. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3: Эссеистика. Критика. М.: Аграф, 2000. С. 15.

ники, игнорировать *реакционные* взгляды писателя, беря на вооружение разработанные им принципы и модели отражения действительности в искусстве, то после выхода книги, где автор со всей определенностью высказался против идеи реформирования России, ситуация изменилась: Гоголь – религиозный мыслитель оказался в забвении. Из небытия писателя «извлекли» модернисты, которые, решая важные для самих себя вопросы, в судьбе Гоголя, личной и творческой, находили или аргументы для подтверждения собственной правоты в спорах с противниками, или материал для раздумий о собственной судьбе, или прообраз тех художественных форм, которые позволили бы им воплощать свое видение русской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Гоголь // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 361–371.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 5 кн. Книги четвертая, пятая. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1990. 743 с.

Блок А.А. Россия и интеллигенция // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 359–367.

Иванов Вяч. Споряды. Ч. 2: О художнике // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 75–77.

Кузмин М.А. Художественная проза «Весов» // Кузмин М.А. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3: Эссеистика. Критика. М.: Аграф, 2000. С. 10–16.

Мережковский Д.С. Гоголь и о. Матвей // Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 174–190.

Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Литературные манифесты: От символизма до «Октября». М.: Аграф, 2001. С. 34–41.

Мережковский Д.С. О церкви грядущего // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 113–117.

Певак Е.А. Русская философская, религиозная и общественная мысль в конце XIX – начале XX века // Стефанос: Русская литература и культурная жизнь. XX век: Интернет-энциклопедия (<http://www.philol.msu.ru/~modern/>).

Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира (По поводу статьи Д.С. Мережковского «Гоголь и о. Матвей») // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 139–151.

REFERENCES

Bely A. Gogol. In: Bely A. Symbolism as a Worldview. Moscow. Respublika Publ. 1994, pp. 361–371.

Benois A.N. My Memories: In 5 books. Books Fourth, Fifth. 2nd ed., suppl. Moscow. Nauka Publ. 1990. 743 p.

Blok A.A. Russia and the Intelligentsia. In: Religious-philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents. 1907–1917: In 3 vols. Vol. 1: 1907–1909. Moscow. Russky Put Publ. 2009, pp. 359–367.

Ivanov Vyach. Sporady. Part 2: About the Artist. In: Ivanov Vyach. Native and Universal. Moscow. Respublika Publ. 1994, pp. 75–77.

Kuzmin M.A. Prose Oeuvre in “Vesy”. In: Kuzmin M.A. Prose and Essays: In 3 vols. Vol. 3: Essays. Critique. Moscow. Agraf Publ. 2000, pp. 10–16.

Merezhkovsky D.S. Gogol and Priest Matvey. In: Notes of St. Petersburg Religious-philosophical Meetings. 1901–1903. Moscow. Respublika Publ. 2005, pp. 174–190.

Merezhkovsky D.S. The Cause of Decline and New Trends in Modern Russian Literature. In: Literary Manifestos: From Symbolism to “October”. Moscow. Agraf Publ. 2001, pp. 34–41.

Merezhkovsky D.S. About the Church of the Forthcoming. In: Religious-philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents. 1907–1917: In 3 vols. Vol. 1: 1907–1909. Moscow. Russky Put Publ. 2009, pp. 113–117.

Pevak E.A. Russian Philosophical, Religious and Social Thought in the late XIX – early XX century. In: Στεφανος: Russian Literature and Cultural Life. The 20th century: Internet Encyclopedia (<http://www.philol.msu.ru/~modern/>).

Rozanov V.V. About the Sweetest Jesus and the Bitter Fruits of the World (On D.S. Merezhkovsky’s Article “Gogol and Priest Matvey”). In: Religious-philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents. 1907–1917: In 3 vols. Vol. 1: 1907–1909. Moscow. Russky Put Publ. 2009, pp. 139–151.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru

А.В. Ямпольская (Москва, Россия)

О переводе титров для театральных спектаклей

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода титров для театральных (драматических) спектаклей. Опираясь на личный опыт сотрудничества с итальянскими труппами, автор анализирует объективные (обусловленные ситуацией перевода) и субъективные причины, определяющие переводческие решения, уместность частичного использования существующих переводов произведений, взаимодействие с режиссером-постановщиком и актерами, специфику работы переводчика во время репетиций и показа спектакля.

Ключевые слова: художественный перевод, театр, титры, итальянский театр, итальянская литература

A.V. Yampolskaya (Moscow, Russia)

Translating Subtitles for Theatre

Abstract: This paper examines the specificity of translation of subtitles for theatrical (dramatic) performances. The author analyses her personal experience of collaboration with Italian theatres and describes objective (conditioned by the situation) and subjective reasons that determine the choice made by the translator, the possibility to adopt an existing translation of dramatic or literary text, the interaction with the stage director and with the actors, the specificity of the translator's work during the rehearsals and the performance.

Key words: literary translation, theatre, subtitles, Italian theatre, Italian literature

К написанию настоящей статьи автора подтолкнул многолетний опыт сотрудничества с Театральным центром на Страстном, где итальянские спектакли, как правило, показывают на языке оригинала с русскими субтитрами. Речь идет как о моноспектаклях, входящих в программу фестивалей «Соло» и «Твой шанс», так и о спектаклях, в которых занято несколько актеров; в одних случаях постановки делаются по готовым пьесам или литературным произведениям, в других тексты создаются специально для конкретного спектакля. Так, в последние годы российский зритель получил возможность увидеть новые постановки пьес У. Шекспира «Отелло» и «Юлий Цезарь», Л. Пиранделло «Горные великаны», спектакли по мотивам романов Ф. Кафки «Замок» и Л. Толстого «Анна Каренина», вдохновен-

ный знаменитой книгой К. Коллоди спектакль «Из Пиноккьо», спектакль «Я – Леонардо да Винчи», основанный на произведениях великого гения, спектакль «Lampedusa Beach», рассказывающем о трагической судьбе нелегальных беженцев из Африки, спектакль «Не чувствовать боль», посвященный великой итальянской актрисе Элеоноре Дузе, авангардный и остросовременный спектакль «MDLSX» театральной компании «Motus», спектакль выдающегося польского режиссера Т. Кантора «Мертвый класс» и многие другие.

Проблемы, с которыми сталкивается переводчик титров, относятся к сфере перевода драматургии, о чем достаточно полно написано в учебниках по теории перевода, прежде всего в книге В.С. Модестова «Художественный перевод. История, теория, практика» ([Модестов 2006]; см. раздел «Драма – это действие, заключенное в тексте», стр. 191–212). Следует помнить, что перевод драматургии – разновидность перевода художественной литературы; что пьесу смотрят и слушают, звучащий текст теснейшим образом связан со сценическим действием; что актеру должно быть удобно произносить текст и, произнося его, удобно двигаться и выполнять на сцене необходимые действия; наконец, нужно помнить, что в современном театре режиссер и исполнители обладают почти не ограниченной свободой интерпретации исходного драматургического текста. Вместе с тем перевод титров для театральных спектаклей отличается спецификой, которая недостаточно отражена в существующих публикациях по теории и практике перевода. Эта специфика обусловлена рядом факторов, например, особенностями драматургического текста:

- спектакль может быть поставлен по существующей пьесе или отрывку из нее (возможно, существует один или несколько переводов на русский язык, на которые удобно опираться; если переводов несколько, как правило, выбирается один, наиболее подходящий для решения поставленных задач);
- драматургический текст может быть создан по мотивам литературного произведения (переведенного или не переведенного на русский язык);
- драматургический текст создается для конкретного спектакля и конкретных исполнителей.

Необходимо также учитывать специфику ситуации перевода титров:

- это компьютеризированный перевод (следовательно, учитываются требования, накладываемые используемой компьютерной программой, особенностями работы проектора и прочего оборудования);
- это разновидность синхронного перевода (необходимо обеспечить соответствие текста действию, которое разворачивается на сцене).

Работа переводчика театральных титров включает несколько этапов:

- ознакомление с текстом оригинала, сбор сведений об авторе пьесы, режиссере-постановщике, актерах, их творческой манере и т. д.; желательно также посмотреть видеозапись спектакля;
- перевод произведения на русский язык (возможно, с опорой на существующий русский перевод; при этом важно учитывать специфику российской зрительской аудитории и ее отличие от аудитории оригинального спектакля – например, знакомство с исходным драматургическим произведением, объем фоновых знаний, принятые стилистические нормы и т. д.);

- деление текста перевода на титры (желательно с опорой на видеозапись);
- работа на генеральной репетиции спектакля (подгонка титров под актеров и конкретную постановку на конкретной сцене, внесение в титры возможных изменений и т. д.);
- обеспечение перевода во время спектакля.

Очевидно, что при подготовке титров необходимо учитывать технические возможности аппаратуры, а также специфику зрительского восприятия (об этом, как и других особенностях перевода театральных спектаклей рассказано в интервью Ирины Двизовой [Двизова 2013]). Зрителю должно быть удобно читать титры, но все же главное – следить за действием на сцене, поэтому титры не должны быть слишком объемными и слишком быстро сменять друг друга. Например, так выглядят титры из спектакля по мотивам романа «Анна Каренина» (автор текста и режиссер Франческа Каприоло): в одном титре не больше четырех строк, в одной строке не более семидесяти пяти символов, знак «=>» разделяет титры между собой, знак «--@--» соответствует паузе, когда на экран ничего не проецируется. Разумеется, при делении на титры важны не только и не столько технические ограничения: главное – строка должна соответствовать смысловому единству, конец строки – возможной паузе, в идеале каждый титр соответствует законченной мысли и т. д., т. е. деление на титры ни в коем случае не должно мешать пониманию текста.

Весна надела на Снегурочку венки.
 Снегурочка почувствовала,
 как по ее телу разливается любовь,
 но в этот миг ее пронзил солнечный луч.
 =
 Она медленно таяла, а солнце сияло все ярче.
 =
 --@--
 =

Для переводчика бывает очень удобно, если во время спектакля на экране рабочего компьютера параллельно показаны тексты оригинала и перевода: это позволяет следить за ходом спектакля и при необходимости вносить коррективы.

В некоторых случаях, если спектакль ранее показывался иностранной аудитории, авторы предоставляют исходный текст с делением на титры, однако чаще всего переводчик получает иноязычный прозаический текст и самостоятельно делит его на титры. Этот переход также можно проследить на примере текста спектакля «Анна Каренина».

Исходный текст:

L'inverno e la primavera ebbero una figlia che si chiamava Snegurochka. Il sole geloso della bellezza della bambina la condannò a morire se mai si fosse innamorata e così il padre inverno la nascose nella capanna di un vecchio contadino.

<p>Итальянские титры: L'inverno e la primavera ebbero una figlia che si chiamava Snegurochka. Il sole geloso della bellezza della bambina la condannò a morire se mai si fosse = innamorata e così il padre inverno la nascose nella capanna di un vecchio contadino.</p>	<p>Русские титры: Была у Мороза и Весны дочка Снегурочка. Солнце позавидовало красоте девочки и заколдовало ее: если она полюбит, то умрет. = Поэтому отец спрятал Снегурочку в избе у старика-крестьянина.</p>
---	---

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих различные ситуации, которые возникают при подготовке титров. Самый простой случай – создание титров с опорой на существующий русский перевод пьесы. Например, Ромео Кастеллуччи поставил спектакль по пьесе «Юлий Цезарь» У. Шекспира, взяв из нее один длинный отрывок. Достаточно было найти русский перевод – в данном случае предпочтение было отдано переводу И.Б. Мандельштама [Шекспир 1950] – и, ничего не меняя, разбить его на титры.

<p><i>Перевод И. Б. Мандельштама:</i> Рим. Улица. Входят Флавий и Марулл, навстречу им несколько горожан. Флавий Прочь, по домам, лентяи, по домам! Прочь, по домам, бездельники! Какой сегодня праздник? Вы забыли, что ни один ремесленник не смеет разгуливать без знаков ремесла в рабочий день? - Эй ты, кто ты такой? 1-й горожанин Я, господин мой, плотник. Марулл Так где ж твой фартук кожаный? Угольник? Что делаешь ты тут в нарядном платье? А ты? Кто ты такой?</p>	<p>Русские титры: Прочь, по домам, лентяи, по домам! Прочь, по домам, бездельники! = Какой сегодня праздник? Вы забыли, что ни один ремесленник не смеет разгуливать без знаков ремесла в рабочий день? = Эй ты, кто ты такой? Я, господин мой, плотник. = Так где ж твой фартук кожаный? Угольник? Что делаешь ты тут в нарядном платье? А ты? Кто ты такой?</p>
---	--

Иные трудности возникли при подготовке титров для другого спектакля по пьесе Шекспира – моноспектакля «Отелло» Луиджи Черри, для которого актер и режиссер самостоятельно создал новый перевод пьесы на итальянский. По сравнению с шекспировским текстом итальянский вариант значительно сокращен, целиком написан в стихотворной форме на современном итальянском языке без элементов архаизации. Существует около десятка переводов «Отелло» на русский, в данном случае титры делались с опорой на перевод Б. Пастернака (Шекспир 1945), хотя важнее всего было обеспечить соответствие итальянского и русского текстов.

Перевод Б. Пастернака:

Отелло
Ты перед сном молилась, Дездемона?
Дездемона
Да, дорогой мой.
Отелло
Если у тебя
Есть неотмоленное преступление,
Молись скорей.

Дездемона
 Что хочешь ты сказать?
 Отелло
 Молись скорее. Я не помешаю.
 Я рядом подожду. Избави бог
 Убить тебя, души не подготовив.
 Дездемона
 Ты о моем убийстве говоришь?
 Отелло
 Да, об убийстве.
 Дездемона
 Господи помилуй!
 Отелло
 Аминь всем сердцем!

Итальянские титры:	Русские титры:
Hai pregato questa sera?	Ты прочла молитвы на ночь?
=	=
Se mai ci fosse un peccato per il quale non hai chiesto la grazia del signore, fallo subito.	В нераскаянных грехах, Не медля, Господу признайся.
=	=
Non ucciderò la tua anima quando ancora non sia pronta, il cielo lo proibisce.	Убью, когда душа готова будет. Так небеса велят.
=	=
Mi fai paura,	Мне страшно.
=	=
c'è qualcosa di fatale nei tuoi occhi spiritati.	Твой взгляд меня пугает мрачный.
=	=
Di cosa mai dovrei aver paura, se colpe non ne ho. Eppure sento che ho paura.	Чего страшиться, если я чиста? Но все-таки душа томится.
=	=
Pensa ai tuoi peccati.	Подумай о своих грехах.
=	=
Sono tutti nell'amore che ho per te.	Весь мой грех – в любви к тебе.
=	=
Ed è per quello che morrai.	За это ты сейчас умрешь.

В других случаях, особенно когда спектакль создается по мотивам прозаического произведения, на первый план выходит умение перерабатывать и сокращать текст (ср. с наблюдениями и выводами, изложенными в [Народовска: 2015]). Например, так было при подготовке спектакля по мотивам романа Ф. Кафки «Замок» (режиссер Франческа Каприоли). Титры готовились с опорой на русский перевод Р. Райт-Ковалевой [Кафка 1989], однако даже на глаз заметна разница в объемах текстов:

Но вскоре его разбудили. Молодой человек с лицом актера – узкие глаза, густые брови – стоял над ним рядом с хозяином. Крестьяне еще не разошлись, некоторые из них повернули стулья так, чтобы лучше видеть и слышать. Молодой человек очень вежливо попросил прощения за то, что разбудил К., представился – сын кастеляна Замка – и затем сказал: «Эта Деревня принадлежит Замку, и тот, кто здесь живет или ночует, фактически живет и ночует в Замке. А без разрешения графа это никому не дозволяется. У вас такого разрешения нет, по крайней мере вы его не предъявили». К. привстал, пригладил волосы, взглянул на этих людей снизу вверх и сказал: «В какую это Деревню я попал? Разве здесь есть Замок?» «Разумеется, – медленно проговорил молодой человек, а некоторые окружающие поглядели на К. и покачали головами. – Здесь нахо-

дится Замок графа Вествеста». «Значит, надо получить разрешение на ночевку?» – переспросил К., словно желая убедиться, что ему эти слова не приснились. «Разрешение надо получить обязательно, – ответил ему молодой человек и с явной насмешкой над К., разведя руками, спросил хозяина и посетителей: – Разве можно без разрешения?» «Что же, придется мне достать разрешение», – сказал К., зевнув и откинув одеяло, словно собирался встать. «У кого же?» – спросил молодой человек. «У господина графа, – сказал К., – что же еще остается делать?» «Сейчас, в полночь, брать разрешение у господина графа?» – воскликнул молодой человек, отступая на шаг. «А разве нельзя? – равнодушно спросил К. – Зачем же тогда вы меня разбудили?» Но тут молодой человек совсем вышел из себя. «Привыкли бродяжничать? – крикнул он. – Я требую уважения к графским служащим. А разбудил я вас, чтобы вам сообщить, что вы должны немедленно покинуть владения графа».

<p>Итальянские титры: Ce l'ha il permesso? Questo villaggio è proprietà del castello, chi abita o pernotta qui abita o pernotta in un certo senso al castello. = Nessuno può farlo senza il permesso del conte. Lei non ha il permesso o non lo ha esibito. Non ha il permesso capisce? Il permesso. = In quale villaggio mi sono perduto? C'è dunque un castello qui? Il castello del signor conte West-West. = E per pernottare bisogna avere il permesso. Bisogna avere il permesso. O forse che non occorre? Vado a farmi dare il permesso. Già. Ma da chi? = Dal signor conte, non c'è altro da fare. Dal signor conte. Adesso a mezzanotte, lei vuole il permesso del conte? Allora perchè mi ha svegliato? = Modi da vagabondi! L'ho svegliata per comunicarle che deve lasciare immediatamente il territorio del conte!</p>	<p>Русские титры: А разрешение у вас есть? Деревня принадлежит Замку. Тот, кто здесь ночует, фактически ночует в замке. = Без разрешения графа это не допускается. У вас его нет, по крайней мере, вы его не предъявили. = – В какую деревню я попал? Разве здесь есть Замок? – Замок графа Вествеста. = – Надо получить разрешение на ночевку. Надо разрешение. Или не надо? – Пойду за разрешением. – Ну да. А к кому? = – К господину графу: другого выхода нет. – К господину графу. В полночь Идти к графу за разрешением? – Зачем же вы меня тогда разбудили? = Привыкли бродяжничать? Я разбудил вас, чтобы сообщить: вы должны немедленно уехать!</p>
--	--

Несколько иная ситуация возникла при подготовке титров моноспектакля «Я – Леонардо да Винчи» (автор и исполнитель М. Финаццер-Флори). Спектакль построен как воображаемое интервью, ответами на вопросы которого служат отрывки из сочинений великого итальянца. У переводчика была возможность опираться на существующие русские тексты – переводы сочинений Леонардо, выполненные в свое время А. Губером, В. Зубовым, В. Шилейко, А. Эфросом для издания «Академия» [Леонардо да Винчи 2012], однако оказалось, что далеко не все тексты Леонардо полностью переведены на русский язык. В таких случаях при подготовке спектакля переводчику титров пришлось перевести их самостоятельно, ориентируясь в стилистических решениях на существующий русский корпус текстов Леонардо да Винчи:

- Вас не пугают упреки тех, кто считает Вас только изобретателем?
- *Презирая меня, изобретателя, они – не изобретатели, а трубачи и пересказчики чужих произведений, еще больше заслуживают порицания.*
- Как Вы работаете?
- *Железо ржавеет, не находя себе применения? Стоячая вода гниет или на холоде замерзает? А ум человека... Так и ум, не находя себе применения, чахнет.*
- Чем Вы занимаетесь?
- *Я не грошовый живописец.*
- К чему Вы стремитесь?
- *Жалок тот ученик, который не превосходит своего учителя. Жалок тот мастер, произведение которого опережает его суждение.*
- Что Вы имеете в виду?
- *Что человека выдающегося отличает жажда знаний.*

В заключение нельзя не сказать о курьезных случаях, с которыми может столкнуться переводчик. Например, в моноспектакле «Не чувствовать боль» актриса и автор текста Елена Буччи произносит загадочную фразу о синих кристаллах. Пытаясь понять ее, переводчик обращался к словарям и к знакомым носителям языка, проводил поиски в Интернете, но убедительного толкования найти не удалось. Когда же вопрос о «голубых кристаллах» был задан автору спектакля, оказалось, что это цитата из письма Элеоноры Дузе, и ее смысл не вполне понятен самой Элене Буччи. В итоге было принято решение оставить в русском тексте столько же неопределенное и расплывчатое указание на «синий хрусталь».

Niente. Ho capito. Ma è difficile. Il letto sfatto, niente cristalli blu, l'attaccapanni svestito.	Ничего. Я все поняла. Как тяжело. Неубранная постель, исчез синий хрусталь, голая вешалка.
--	---

Куда больший стресс для переводчика создают ситуации, когда актер по ходу спектакля переставляет местами реплики или вовсе их опускает. В подобных случаях приходится использовать «паническую кнопку», которая выключает проектор и останавливает показ титров. При перестановке реплик можно попытаться быстро сориентироваться в тексте и найти нужный отрывок, можно какое-то время как ни в чем не бывало двигаться вперед, надеясь, что актер вспомнит текст и удастся быстро найти нужный титр. В любом случае нужно сохранять присутствие духа и надеяться на доброжелательность зрителей.

ЛИТЕРАТУРА

Двизова 2013 – «Театр – моя отрада» (интервью с переводчиком). С Ириной Двизовой беседовала Анна Ямпольская (июль 2013 г.). premiogogolitalia.org/ru/walks#IrinaDvizovaInterview (16.08.2018).

Кафка 1989 – *Кафка Ф.* Замок / Пер. Р. Райт-Ковалевой // *Кафка Ф.* Избранное. М., 1989. С. 153–329.

Леонардо да Винчи 2012 – *Леонардо да Винчи.* Избранные произведения: В 2 т. / Пер. под ред. А.К. Дживилегова и А.М. Эфроса. М., 2012. Т. 1. 440 с., Т. 2. 476 с.

Модестов 2006 – *Модестов В.С.* Художественный перевод. История, теория, практика. М., 2006. 461 с.

Народовска 2015 – *Народовска И.* Практика актерского перевода в Новом Рижском театре // *Миры литературного перевода: Сборник докладов участников III Международно-*

го конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 4–7 сентября 2014 г.). М., 2015. С. 546–551.

Шекспир 1945 – *Шекспир У.* Отелло / Пер. Б. Пастернака. М., 1945. 140 с.

Шекспир 1950 – *Шекспир В.* Юлий Цезарь / Пер. И.Б. Мандельштама // Шекспир В. Избранные произведения. М.; Л., 1950. С. 316–351.

REFERENCES

Dvizova 2013 – «The Theatre is My Joy» (interview with a translator). Anna Yampolskaya interviews Irina Dvizova (July 2013). <http://premiogogolitalia.org/ru/walks#IrinaDvizovaInterview> <http://premiogogolitalia.org/ru/walks#IrinaDvizovaInterview> (16.08.2018).

Kafka 1989 – Kafka F. The Castle / Transl. by R. Rite-Kovaleva. In: Kafka F. Selected Works. Moscow. 1989, pp. 153–329.

Leonardo da Vinci 2012 – Leonardo da Vinci. Selected Works: In 2 vols. / Transl. and ed. by A.K. Dzhivilegov, A.M. Efros. Moscow. 2012. Vol. 1. 440 p., Vol. 2. 476 p.

Modestov 2006 – Modestov V.S. (2006) Literary Translation. History, Theory, Practice. Moscow. 461 p.

Narodovska 2015 – Narodovska I. The Practice of Translation Made by Actors in the New Riga's Theatre. In: The Worlds of Literary Translation. Collection of Papers Presented at the III International Congress of Literary Translators (Moscow, September 4–7, 2014). Moscow. 2015, pp. 546–551.

Shakespeare 1945 – Shakespeare W. Othello / Transl. by B. Pasternak. Moscow. 1945. 140 p.

Shakespeare 1950 – Shakespeare W. Julius Caesar / Transl. by I.B. Mandelstam. In: Shakespeare W. Selected Works. Moscow; Leningrad. 1950, pp. 316–351.

Сведения об авторе:

Анна Владиславовна Ямпольская,

канд. филол. наук

доцент

кафедра художественного перевода

Литературный институт имени А. М. Горького

Anna V. Yampolskaya,

PhD

Associated Professor

Department of Literary Translation

Maxim Gorky Literary Institute

khomkins@mail.ru

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

Предраг Пипер (Белград, Сербия)

Ивичевский период в развитии славянского языкознания в Сербии во второй половине XX века

Аннотация: Предметом настоящей статьи является вклад сербских ученых в развитие славянского языкознания во второй половине XX в., который рассматривается как с точки зрения хронологии и периодизации научного развития, так и с учетом других критериев историографии науки о языке, таких как: проблемный, теоретический, методологический, педагогический, персональный и институциональный. В статье выделяются три периода развития славянского языкознания в Сербии во второй половине XX в. Первый период, до конца пятидесятих годов, отличался разнообразием исследований при сохранении, в основном, традиционного теоретического подхода, наиболее успешно представленного в Белградской лингвистической школе Александра Белича. Второй период, с конца пятидесятих и до конца восьмидесятих годов, является периодом становления и расцвета Новисадской лингвистической школы Милки Ивич и Павла Ивича, для которой характерно расширение теоретических рамок исследования с преобладанием структурного подхода. Начиная с восьмидесятих годов эту школу также характеризует применение функционально-семантического и когнитивного подходов, расширение проблемного охвата исследований. В девяностых годах XX в., в отличие от предыдущего периода, основное внимание с изучения сербохорватского переключается на изучение сербского языка и на вопросы его нормирования. Большое внимание уделяется сопоставительным и типологическим исследованиям сербского и других языков на всех языковых уровнях. Во второй половине XX века славянское языкознание в Сербии развивается в нескольких университетах, заметно увеличивается количество специалистов по отдельным областям славянского языкознания, возникают и укрепляются новые формы сотрудничества, расширяются международные научные связи.

Ключевые слова: ивичевский период, сербское языкознание, славяноведение, сербский язык, славянские языки, XX век, историография науки

О ивићевском периоду српске лингвистичке славистике друге половине XX века¹

Анстракт: У раду се излаже општи преглед развоја српске лингвистичке славистике друге половине XX века, посматран са становишта хронологије и периодизације њеног развоја као и других критеријума описа и вредновања научног развоја као што су проблемски, теоријски, методолошки, институционални, кадровски, персонални итд. Основни предмет чланка је ивићевски период у развоју српске лингвистичке славистике друге половине XX века.

Кључне речи: Ивићевски период, српска лингвистика, славистика, наука о српском језику, XX век, историографија науке

Ivichev Period in the Development of Slavic Linguistics in Serbia at the Second Half of the 20th century

Abstract: The article presents a general overview of the development of Serbian linguistic Slavistics from the second half of the 20th century, which is studied in the context of its development, including describing and evaluating criteria such as problematic, theoretical, methodological, institutional, personal. The main theme of the article is the Ivichev period in the development of Serbian linguistic Slavistics from the second half of the 20th century.

Key words: Ivichev period, Serbian linguistics, Slavicism, the Serbian language studies, the 20th century, historiography of science

1. Терминолошки израз *српска лингвистичка славистика* овде, и уопште, означава, пре свега, истраживања српских лингвиста која имају за предмет српски језик и друге словенске језике. Као што између лингвистичке славистике и других грана славистике постоје области и дисциплине које су мање или више прелазне природе, тако ни национална одредница у том изразу нема апсолутно оштрих граница. Значајан је допринос проучавању српског и других словенских језика који су у Југославији поред српских дали лингвисти других националности, а заслужује да се има у виду допринос који тој предметној области дају српски лингвисти на страни – као гостујући професори, сарадници у међународним часописима, иностраним издавачким кућама и сл.

Историја српске лингвистичке славистике још није добила монографску синтезу, а није било ни покушаја да се научним скупом или зборником да укупна макар и

---

¹ Ужа верзија овог рада објављује се у зборнику реферата српских учесника 16. међународног славистичког конгреса. У раду се износе резултати рада на пројекту Лингвистичка славистика као предмет научне критике и историографије, који је пројекат аутора овога рада у САНУ. У предметном погледу та књига наслања се на књиге истог аутора: Прилози историји српске славистике: библиографска грађа. Београд: Чигоја штампа, 2011; Прилози историји српске лингвистичке славистике: Друга половина XX века. Београд: Чигоја штампа, 2018.

еклектички збирна слика њеног развоја и актуелног стања па ни да се изложи само као преглед, али је ипак делимично осветљена у већем броју појединачних радова различитих аутора, који су с различитим циљевима и користећи различите методе лингвистичке историографије фокусирали на појединим њеним питањима.

Ако историју науке, као и историју уопште, видимо као укупност процеса, догађаја, њихових учесника и околности у којима се они деловали, а историографију науке као покушаје да се тако схваћена историја научним методама опише и објасни, онда су то и главне саставнице како лингвистичке историографије уопште, тако и, уже, историографије српске лингвистичке славистике.

Циљ овога рада јесте да се овде у главним цртама изложи општа слика развоја српске лингвистичке славистике друге половине XX века, као периода којим је у великој мери одређено савремено стање српске лингвистичке славистике и који се на позадини рељефа историје науке по неколико критеријума јасно издваја како од претходног периода, српске лингвистичке славистике прве половине XX века, тако, мада мање изразито, и од српске лингвистичке славистике почетка XXI века, а и од паралелног развоја науке о словенским језицима у другим земљама и научним срединама. То су критеријуми доминантних истраживачких области, доминантних истраживачких проблема, теоријско-методолошких праваца, условљености науке друштвено-политичким околностима и водећих лингвиста, који су имали најјачи утицај на обликовање српске лингвистичке славистике друге половине XX века као и постигнутих, али и неостварених резултата.

2. У историји српске лингвистичке славистике, у чијем је средишту увек била наука о српском језику, издваја се неколико периода.

Периодизације спадају у основна питања историографије, укључујући научну историографију. Процеси, личности и догађаји у историографији се описују и објашњавају на позадини ширих временских одсека којима они припадају, а ти широки временски пејзажи могу бити лакше сагледани, описани и протумачени ако се на рељефу историјског времена издвоје најзначајнији оријентири и границе, понекад јасне и очигледне, понекад мање или више условне¹.

Упркос тој условности, која важи и за називе појединих раздобља, неспорно је да се у панорами историје науке одређене целине издвајају по неким својим препознатљивим обележјима, а називе добијају према доминантним теоријама, проблемским областима или личностима које су им дале најснажнији печат. Већ је избор назива неког периода први корак у његовом тумачењу и вредновању, јер се њиме ставља у први план, као значајније од других, једно његово обележје и један критеријум виђења. Из угла теорије научних револуција Томаса Куна, то су називи научних парадигми који су обележили поједине периоде, док су из угла епистемолошке теорије Мишела Фукоа то доминантне епистеме у појединим периодима, као преовлађујући начин мишљења, поимања стварности па и поглед на свет итд. Пулсирање историје није равномерно, што важи и за историју науке.

Слично другим европским националним филологијама, српска филологија стара је око два века.

Прва половина XIX века и почетак друге половине представљали су *вуковски период* у њеном развоју, јер је у њему централно место имала реформа српског

¹ Пипер П. Осврт на питање периодизације. У зб.: Периодизација нове српске књижевности поводом 150. годишњице рођења Павла Поповића: зборник реферата / ур. Злата Бојовић. Београд: САНУ (у штампи).

књижевног језика, коју је спровео Вук Караџић, разуме се, не сâм, него са ослоном на доприносе многих својих претходника и савременика.

Друга половина XIX века јесте *даничићевски период* у развоју српске филологије, и уже науке о српском језику, која је била превасходно обележена трудом најистакнутијег настављача реформе српског књижевног језика Ђуре Даничића.

Белићевски период пада на прву половину XX века када се у науци о српском језику и српској лингвистичкој славистици у целини уочљиво издвајала фигура Александра Белића, научника разгранатог и обимног опуса, једног од истакнутих европских слависта свога времена.

Белићево учење о језику развијано је и примењивано и у другој половини XX века, посебно у радовима М. Стевановића и његових сарадника и настављача, али најизразитији печат српској лингвистичкој славистици тога периода дали су Павле и Милка Ивић, због чега том периоду развоја српске лингвистичке славистике најпре припада назив *ивићевског периода*, обележеног највише њиховим теоријско-методолошким доприносима, проблемски врло разуђеним истраживањима, модерном лингвистичком школом коју су оформили у Новом Саду и научним угледом који су стекли и у европским лингвистичким круговима, али и у даљим научним срединама, од САД до Јапана. Наслеђе Павла и Милке Ивић развија се и даје плодове и у првим деценијама XXI века у различитим областима науке о српском језику и лингвистичке теорије – од дијалектологије, историје језика, етимологије, фонологије, лексикологије и лексикографије до граматике, когнитивне лингвистике, социолингвистике и других интердисциплинарних истраживања.

3. Српска лингвистичка славистика друге половине XX века обухвата три периода: први, до краја педесетих година, други до краја осамдесетих година и трећи – период деведесетих година XX века (в. Пипер 1998).

Стање српске науке о словенским језицима у послератним годинама прегледно је осветлио Петар Ђорђић у свом реферату за београдски Међународни славистички састанак, одржан од 15. до 21. септембра 1955. године са главним циљем да се обнови одржавање међународних славистичких конгреса.

Прве две деценије друге половине XX века представљале су наставак белићевског раздобља, одн. претходних деценија у развоју српске лингвистике. Одједи маризма били су у Србији послератног периода занемарљиво ретки и слаби, али нису биле много присутније ни идеје модерних лингвистичких школа.

Послератне године до краја прве деценије друге половине XX века биле су у српској лингвистичкој славистици, а посебно у науци о српском језику, изузетно плодне¹, а неколико десетина значајних монографија и приручника који су у том периоду објављени нагостили су скоро све главне правце развоја српске лингвистике и лингвистичке славистике друге половине XX века, укључујући општу лингвистику (Белић 1958; Белић 1959)², историју језика (Белић 1950; Поповић И. 1955; Павловић М. 1956; Белић 1960; Поповић И. 1960), дијалектологију (Московљевић 1950; Ивић П. 1956; Ивић П. 1957; Ивић П. 1958), књижевни језик

¹ Сличан полет, али из више других разлога, карактеристичан је за српску лингвистичку славистику последње деценије XX века, в. Пипер 1998.

² Овде и даље ради уштеде у простору не наводи се комплетна библиографија посебних публикација српске лингвистичке славистике друге половине XX века него се на посебне публикације упућује најчешће само именом аутора или уредника и годином издања. Потпуни библиографски подаци о тим издањима могу се наћи у поменутој књизи *Прилози историји српске лингвистичке славистике: друга половина XX века*. За остало в. библиографију на крају рада.

(Белић 1951), граматичке монографије (Стојићевић 1951; Грицкат 1954; Ивић М. 1954; Лалевих 1956), фонетику и акцентологију (Белић 1948; Живановић 1951; Милетић 1952), граматику (Белић 1949; Лалевих 1951); фонетике и граматике других словенских језика (Георгијевић 1949; Кошутић 1950; Костељник 1923–1958; Радошевић 1959); стилистику (Павловић 1956), правописну проблематику (Белић 1949; Вуковић Ј. 1949; Вуковић Ј. 1952; Вуковић Ј. 1955; Правопис 1958; Правопис 1960), књижевни језик (Белић 1951); наставак објављивања Речника ЈАЗУ (1952), почетак објављивања Речника САНУ (1959), двојезичну словенску лексикографију (Московљевић 1949) и др., као и поновно објављивање радова најзначајнијих српских филолога претходних деценија и старијих (нпр. Решетар 1945; Мркаљ 1949; Решетар 1957; Караџић 1948; Караџић 1952).

4. Три лингвистичка догађаја са далекосежним резултатима падају на педесете године XX века и у сва три један од главних учесника био је Александар Белић.

Први је био међународног значаја – одржавање, на иницијативу Александра Белића, Београдског међународног славистичког састанка (1955), којим је обновљено одржавање међународних славистичких конгреса, прекинуто отказивањем већ потпуно припремљеног III Међународног славистичког конгреса, због тада сасвим извесног почетка новог великог рата у Европи. Трећи Међународни славистички конгрес требало је да буде одржан у Београду 1939, а материјали за тај конгрес били су у време отказивања одштампани¹.

Други крупан догађај тога периода, који је пресудно одредио даљи развој српског књижевног језика наредних деценија, био је Новосадски договор (1954), када је, по свој прилици на неформалну иницијативу политичког врха тадашње Југославије, 25 већином угледних књижевника и лингвиста из Србије, Хрватске, Босне и Херцеговине и Црне Горе на састанку у Матици српској, на основу анкете и тродневне расправе, донело десет закључака са снагом одлука, – да је народни језик Срба, Хрвата и Црногораца један језик, да је у називу језика нужно увек у службеној употреби истицати оба његова саставна дела (и хрватски и српски), да треба израдити заједнички речник и правопис српскохрватског језика и радити на стварању заједничке терминологије, као и да се не сме дозволити постављање вештачких препрека природном и нормалном развоју хрватскохрватског књижевног језика.

Слично бечком Књижевном договору (који су на иницијативу Аустријске монархије 1850. године у Бечу склопила петорица Хрвата, двојица Срба и један Словенац, написаном и потписаном латиницом, без помињања српског језика и ћирилице), од којег се почело одступати ускоро по његовом доношењу, у Хрватској је напуштање Новосадског договора, прво декларативно, а затим и реално, започето 1967. године, док су Срби тек деведесетих година XX века постепено почели свој књижевни језик опет називати српски језик (у разговорној употреби назив *српски језик* никада није ни нестао), али је глотоним *српскохрватски језик* из српског Устава изостављен тек 2004.

Ширење латинице на српском језичком простору, које је први замах добило у Краљевини СХС, а други у СФРЈ, наставило се Новосадским договором све до данашње парадоксалне ситуације да је српска ћирилица, српско традиционално писмо и једно од обележја српског културног идентитета, иако службено писмо српског језика, у језичкој стварности озбиљно угрожено, а српскохрватска латиница иако није службено писмо, у реалности је у Србији изразито доминантно.

¹ В. репринт: III међународни конгрес слависта / ред. Богољуб Станковић. Београд: Славистичко друштво Србије, 2008.

Забрана употребе ћирилице у Хрватској, коју је донела фашистичка “Независна држава Хрватска” већ 25. априла 1941. године¹, у послератном периоду је замењена њеним статусним и практичним маргинализовањем.

О српском писму и његовој историји у наведеном периоду српске лингвистичке славистике било је мање радова, укључујући поновљена издања², него о српској правописној проблематици (укључујући правописе, правописне приручнике, правописне полемике и радове о историји правописа)³.

Истраживања о српској ћирилици обухватала су и историју ћирилице, нпр. Ђорђевић (1971); Јерковић В. (1975); Ивић и Јерковић (1982); Јерковић В. (1983); НССВД 14/1 (1984); Грковић Ј. (1986); Константин Филозоф (1989); Грбић (1990); Грковић Ј. (1993); Чигоја (1994) и др., и истраживања која су се једним делом односила на савремено стање, нпр. Пешикан (1993), као и радове који су истицали значај ћирилице за српски културни идентитет⁴ и њену угроженост, нпр. Маројевић (1991); Лазо Костић (1999).

Питањима новије историје српског књижевног језика, употребе глотонимима *српски*, *српскохрватски*, *хрватски*, као и социолингвистичким аспектима употребе ћирилице и латинице био је посвећен велики део лингвистичке продукције у Србији, али и у другим републикама, данас, државама, у којима се тај језик говори, што је знатном делу лингвиста одвлачило пажњу и снагу од интензивнијег бављења неким другим научно актуелним питањима науке о српском језику.

Постизање Новосадског договора резултирало је и објављивањем правописа (1960) и шестотомног речника српскохрватског књижевног језика (1967–1976), што су са својим сарадницима започели неки од лингвистичких потписника тога договора. Трећи стуб даљег рада на српскохрватском књижевном језику била је граматика српскохрватског језика Михаила Стевановића (1964). Тадашњи правопис српскохрватског језика је тек 1993. године замењен савременим правописом српског књижевног језика, а четири деценије после почетка објављивања речника српскохрватског књижевног језика, објављен је једнотомни речник српског језика (2007)⁵, док је најплоднији био рад на пољу српске граматикографије будући да је објављено више граматика савременог српског књижевног језика које су различитог профила и обима. Граматика Михаила Стевановића протоком времена све је више добијала претежно историјску вредност, али она и даље остаје драгоцен извор података о граматичкој структури српског књижевног језика прве половине и средине ХХ века.

Треће, на средину педесетих година (1954, 1955) пада такође долазак Павла и Милке Ивић на тек основани Одсек за јужнословенске језике Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду, чиме је почело стварање једног теоријски и методолошки модерног научног колектива, који ће, као Новосадска лингвистичка

¹ Слично забрани ћирилице у Хрватској одлуком хрватског Сабора 1914. године и забрани ћирилице у Босни и Херцеговини одлуком босанског Сабора 1915.

² Нпр. Мркаљ (1949); Ђорђевић (1971); В. Јерковић (1975); Карацић (1978); Константин Филозоф (1989); Маројевић (1991); Пешикан (1993); П. Ивић и др. (1998); Лазо Костић (1999).

³ Нпр. Белић (1949); Белић (1950); Правопис (1958); Правопис (1960); Марковић и др. (1972); П. Ивић и В. Јерковић (1981); П. Ивић и В. Јерковић (1982); П. Ивић и др. (1991); Пешикан и др. (1993); Симић и др. (1993); Правописне теме (1977–1980); Симић (1995); Правописни приручник (1998) и др.

⁴ О српском језичком и културном идентитету посматраном шире од питања употребе ћириличног писма в. Пијановић 2012; Тутњевић 2016.

⁵ Почетком 2018. године оформљен је у Матици српској колектив за израду новог вишестомног речника српског језика. Њиме руководи проф. др Рајна Драгићевић.

школа, најизразите обележити српску лингвистичку славистику друге половине XX stoleћа¹.

Крајем педесетих година објављене су и две за српску лингвистичку славистику посебно важне монографије, од којих свака заузима кључно место у опусу својих аутора. Александар Белић је објавио 1958. и 1959. године друго, проширено издање књиге *О језичкој природи и језичком развоју*, као круну својих истраживања, успешно започетих дијалектолошким истраживањима, настављених упоредноисторијским славистичким истраживањима, историјом српског књижевног језика и језичком нормативистиком, а закључно овећаних монографском синтезом његових општелингвистичких погледа, изложених претежно на српској језичкој грађи, проширених идејама које би тада могле звучати новаторски да су биле саопштене на неком светском језику (на пример, Белићево учење о универзалијама, које је он звао језичким константама).

При крају белићевског периода Ирена Грицкат се монографијом *О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама* (1954) убедљиво представила научној јавности као једна од водећих међу лингвистима новог поколења, а Милка Ивић је заблистала монографијом из историјске семантичке синтаксе *Значења српскохрватског инструментала и њихов развој* (1954). Написана са ослонцем на најбоље у традицији на којој је Милка Ивић научно поникла, та књига је најавила нову страницу у развоју српске лингвистичке славистике, коју су својим првим монографијама потврдили и други посебно даровити млади слависти послератног периода.

Од почетка шездесетих година српска лингвистичка славистика развијала се првенствено у знаку идеја које су стизале из претежно младог и полетног научног славистичког колектива са Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду, који се развијао и деловао с јаким ослонцем на прашки и харвардски структурализам, врло отворен и за друге инспиративне лингвистичке идеје тога времена као и за њихово креативно развијање и примењивање у различитим проблемским областима, а највише у дијалектологији, историји језика, граматизи, теорији књижевног језика, психолингвистици и социолингвистици, а затим и у контрастивним и типолошким истраживањима.

На Катедри за јужнословенске језике и општу лингвистику Универзитета у Београду у то време су настављена лингвистичка истраживања у духу лингвистичког учења Александра Белића, које се теоријски и методолошки проширује и примењује и у новим проблемским областима као што синтаксичка стилистика, језик писца, фонологија, морфонологија, прозодија, лексикологија и лексикографија,

¹ С великим ентузијазмом Милка и Павле Ивић су своја велика знања, широке научне видике и познавање модерне лингвистике уложили у стварање савременог, полетног и продуктивног научног колектива који ће постати познат по својим богатим резултатима и савременим теоријским оквирима. Павле и Милка Ивић су, са својим сарадницима, на Филозофском факултету у Новом Саду створили један од најјачих славистичких центара, колектив од више генерација врских лингвиста, који се често назива школом Милке и Павла Ивића или Новосадском лингвистичком школом. Њено почетно теоријско усмерење било је структуралистичко са ослонцем на српску лингвистичку традицију, а касније се рагранавало и теоријски и проблемски. Та лингвистичка школа није била само новосадска. Многи од оних који су се у њој научно формирали, дуже или краће време, пронели су глас о својим учитељима од Русије до Америке, од Данске и Норвешке до Јапана и Кореје. Нико пре Ивићевих није учинио толико познатим у свету лингвистичка достигнућа српске културе. Добар глас нису ширили само научни радови Милке Ивић и Павла Ивића, него и њихова жива реч. У професорима Милки Ивић и Павлу Ивићу многа поколења слависта имала су најбоље међу учитељима свог времена.

линеаризација реченице, дериватологија, фразеологија, социолингвистика и др., али су у средишту пажње и даље граматика, дијалектологија и питања књижевног језика, захваљујући пре свега, раду Белићевог непосредног настављача на тој катедри и њеног дугогодишњег управника Михаила Стевановића, али захваљујући и оригиналном доприносу Радосава Бошковића, посебно у области упоредне граматике словенских језика, творбе речи, акцентологије и ономастике.

У другој половини XX века отварају се катедре за српскохрватски језик и за друге словенске језике како на новосадском универзитету тако и на неким другим универзитетима, нпр. у Сарајеву, а касније и у Нишу па затим и у Никшићу, што ће се наставити у XXI веку. На универзитету у Сарајеву, поред граматичких, дијалектолошких, стандардолошких и других истраживања Јована Вуковића и његових сарадника, с посебним успехом развијана је лингвистичка стилистика.

5. До почетка друге половине XX века проучавања језика у српској лингвистичкој славистици одвијала су се првенствено на теоријским основама и методолошким принципима које је поставио и развијао Александар Белић. Белићеви теоријски оквири проучавања језика најпотпуније су били изражени у његовој поменутој књизи општелингвистичке природе. Александар Белић није прихватио структуралистичко учење. Иако је неке своје млађе сараднике упућивао на усавршавање у Праг, где су могли доћи у додир с новим погледима на језик и лингвистику, ни они нису пошли новим путем у науци о језику, него су углавном стварали у духу Београдске (Белићеве) лингвистичке школе, чије је наслеђе постепено теоријски осавремењивано¹. Неки српски слависти су ипак ишли својим путем, као, на пример, у првој половини XX века русиста и члан Петроградске академије наука Радован Кошуткић, или, нешто касније, Миливој Павловић, који је лингвистичко образовање стекао у Француској.

Структуралистичке и друге теоријске и методолошке идеје модерне лингвистике прихватане су у српској лингвистичкој славистици умногоме заслугом Милке Ивић и Павла Ивића, који су од шездесетих година били, с једне стране, у интензивном научном дијалогу с лингвистима других земаља, а с друге стране, ширили су круг својих сарадника различитих профила и интересовања у земљи, највише у Новом Саду. Проучавања српског (и других словенских језика, пре свега руског), била су стављена тиме на нове, савремене основе и нису била ограничена дијалектологијом, историјом језика, фонетиком и граматиком савременог језика, него су обухватала психолингвистику (посебно у једном периоду – развојну

¹ Београдска (Белићева) лингвистичка школа издваја се по лингвистичкој теорији и методологији коју је почетком XX века у својим радовима утемељио и развијао Александар Белић (о његовом учењу в. у: Белић 1941, 1958–1959), а коју су затим, више или мање, делили, развијали и примењивали многи српски лингвисти школовани у Београду: М. Стевановић, Р. Бошковић, Ј. Вуковић, Р. Алексић, Д. Вушовић, И. Грицкат, М. Пешикан, С. Марковић, Р. Симић, А. Пецо, Е. Фекете, Ж. Станојчић, Д. Гортан-Премк и др., међу којима се у другој половини XX века по ширини интересовања издваја Р. Симић (дијалектологија, фонологија, морфонологија, синтакса, правопис, стилистика и др.). Белићевој школи су у почетку, а у нечему и трајно, припадали касније истакнути представници структуралистичког правца (М. Ивић, П. Ивић). Александар Белић је своје лингвистичко учење засновао ослањајући се како на наслеђе дотадашње српске лингвистике и филологије, тако и на многе добре одлике Московске и Лајпцишке школе, у којима се он формирао у младим годинама, а и на неке истраживачке принципе појединих других научних средина (в. Станојчић 2011). У Београдској школи полазило се увек од реалности језика, којој је даван примат у односу на теоријске конструкције, мада се и теоријском осмишљавању чињеница поклањала неопходна пажња, при чему су у центар истраживања стављане и унутрашње и спољашње особине конкретног језичког знака као и јединице свих језичких нивоа, посматране са аспекта значења, облика и функције.

психолингвистику), социolingвистику, теорију књижевног језика, лингвистику текста и дискурса, контрастивну лингвистику и лингвистичку контактологију, а касније и неке друге области. Поборници структуралистичких погледа на језик у Србији по правилу су се одликовали отвореношћу за друге теоријске и методолошке идеје, због чега су њихове полазне позиције често временом еволуирале ка другим токовима модерне лингвистике.

На специфичан начин везе српске лингвистичке славистике са чехословачким структурализмом друге половине XX века биле су обогачене истраживањима војвођанских словакиста, који су у непосредим менторским, сарадничким и другим контактима са славистима из Чехословачке, али и са представницима новосадске школе, представљали добар мост између те две научне средине.

С друге стране, у српској лингвистичкој славистици истраживања из области трансформационе или генеративне граматике није било осим по ретком изузетку.

Депенденцијални граматички модел у проучавањима српског језика био је нешто присутнији углавном у контрастивним истраживањима српских германиста, а најпотпунији израз је добио у граматици српског језика за странце Павице Мразовић и Зоре Вукадиновић (1990).

Као што су приметни подстицаји које су на савремену српску етнолингвистику имала истраживања Никите Толстоја и његове етнолингвистичке школе, и, у новије време, радови Јежија Бартмињског и пољске етнолингвистичке школе, а у српској лексикологији и лексикографији будно су се, и тада и касније, пратила лексичко-семантичка и лексикографска истраживања водећег представника Московске семантичке школе Јурија Апресјана и фразеолошке школе Валерија Мокијенка, тако је теорија функционалне граматике Александра Бондарка и других представника лењинградско-петроградске школе такође утицала на поједине српске лингвисте. На Универзитету у Новом Саду од 1979. године предаје се функционална граMATика руског језика у споју са елементима теорије семантичких локализација (в. Пипер 1997; 2001) и објављује се све више научних чланака конципираних у духу тог лингвистичког учења, које су такође прихватили и развијали поједини слависти у Београду и Сарајеву. Први монографски израз рецепције теорије функционалне граматике у српској лингвистици била је монографија тада сарајевског лингвисте Милоша Ковачевића о узрочном семантичком пољу (1988).

Продуктивни утицаји долазили су такође из пољске лингвистике. Иако је позната двотомна граMATика пољског језика Зузане Тополињске, Станислава Каролака и Мађеја Гроховског из 1984. године добила врло позитиван одјек у српској научној критици и периодици, идеје које су у њој изложене нису одмах доживеле примену у српској лингвистичкој славистици, него нешто касније, посебно у оквиру сарадње са академиком Зузаном Тополињском на књизи *Јужнословенски језици*, чије су две главе, о македонском и српском језику биле написане и објављене као засебне монографије деведесетих година прошлог века, а целина књиге тек у овом веку (Пипер, ур., 2010). Плодотворно преношење идеја из тог смера, срећом, није био сведено само на ту књигу мада оно и није био онолико колико би те идеје заслуживале, а појачаће се у наредним деценијама (нпр., Ивић М., ур., 2005; Пипер, ур., 2010).

Као мање или више и у другим земљама и научним срединама, од осамдесетих година XX века у српској лингвистичкој славистици постепено почиње да се примењује појмовно-терминолошки апарат когнитивне лингвистике иако су проучавања системских граматичких метафоризација започела нешто раније и свој

најпотпунији израз у српској лингвистици први пут добила у теорији семантичких локализација средином деведесетих година (Пипер 1997; 2001), чији развој је настављен и у XXI веку.

У то време у српској лингвистичкој славистици почиње да расте интересовање и за теолингвистику, које ће свој пуни израз добити првих деценија овога века.

У целини посматрано, нове теоријске идеје и методи у српској лингвистичкој славистици долазили су, умногоме, посредством истраживања оних српских слависта који су се бавили језицима који су се у Србији изучавали као страни језици, односно слависта који су се бавили контрастивним и типолошким истраживањима. Преовлађивало је креативно преузимање, примењивање и развијање појединих нових лингвистичких принципа и појмова, више него некритичко преузимање читавих теорија.

Вредновање те чињенице могло би нас одвести на терен расправљања о хипотетичким ситуацијама, али се уз ризик који свако уопштавање носи, може рећи да би резултати лингвистичких истраживања били већи и конзистентнији да су се српски лингвисти могли у већем броју окупити око једне опште терије језика, или бар око мањег броја крупних специјалних теорија. Велике научне средине имају могућност, па и обавезу, неговања теоријске диверзификације, у којој се развијају и креативно сучељавају, а понекад и укрштају различити модели. Научне средина чији су ресурси мањи упућене су на већу селективност модела истраживања, ако не желе да им се научна продукција распе на непотребно велики број теоријско-методолошки тешко самерљивих или несамерљивих истраживања, што, с друге стране, пружа могућност да се радови слабијег квалитета заклоне иза своје методолошке специфичности, која другима није интересантна чак ни за вредновање.

У друштвима која имају развијену стратегију научних истраживања усмерених на глобалне дугорочне циљеве мање је могућности да теоријске идеје с разних страна света добијају у науци тога друштва углавном слабе, ако не и јалове одјеке који паралелно егзистирају, али не кореспондирају. У другој половини XX века у Србији, нажалост, није било видљиве стратегије лингвистичких истраживања, а данашње стање једва да је у том погледу нешто боље.

Пројекатско финансирање лингвистичких истраживања у Србији која подржава Министарство за науку Републике Србије, а која су започела средином друге половине XX века, за протеклих пола века дало је знатно више мањих парцијалних, него крупнијих, монографских резултата.

Већим делом на иницијативу Одбора за стандардизацију српског језика, основаног 1997, а у оквиру истраживања на неколико вишегодишњих научних пројеката, објављено је, у првим деценијама XXI века, више таквих публикација, на пример, правопис српског језика, фонологија српског језика, творба речи у српском језику, нормативна граматика српског језика (поред неколико других граматика српског језика), синтакса прости реченице, лексикологија српског језика, једномни речник српског језика, српски језички приручник, обратни речник српског језика, што ће се наставити у XXI веку.

Поред тога, започет је рад на етимолошком речнику, настављен је рад на великом Речнику САНУ и др., а објављен је и низ монографија посвећених појединим ужим проблемским областима. Већина тих публикација објављена је почетком овога века, али је рад на већини од њих био започет деведесетих година XX века. То су најтрајнији резултати пројекатског финансирања мада је и међу онима мањег обима било више вредних остварења.

Поред установа које су 12. децембра 1997. основале Одбор за стандардизацију српског језика (Српска академија наука и уметности, Црногорска академија наука и уметности, Академија наука и уметности Републике Српске, Матица српска, Институт за српски језик у Београду, филолошки факултети у Београду и Приштини и филозофски факултети у Новом Саду, Никшићу, Нишу, Источном Сарајеву и Бањој Луци, као и Универзитет у Крагујевцу и Српска књижевна задруга) значајну улогу и у издавачкој области, у организовању и одржавању научних и стручних скупова, јавних предавања као и у међународној сарадњи имали су Друштво за српски језик и књижевност Србије и Славистичко друштво Србије¹, Међународни славистички центар Филолошког факултета Универзитета у Београду и Центар за српски као страни језик истог факултета.

6. Дијалектологија је била окосница науке о српском језику кроз цео XX век, али су се временом, посебно у другој половини XX века, све више јављале и разгранавале и друге лингвистичке дисциплине. Водећу улогу, коју је у првој половини XX века и српској дијалектологији имао Александар Белић, у другој половини столећа имао је Павле Ивић (члан седам академија наука и Америчког лингвистичког друштва), а уз њега низ врских дијалектолога, посебно Драгољуб Петровић и Слободан Реметић.

У другој половини XX века трудом српских дијалектолога уклоњене су многе белине са дијалекатске карте српског језика, постигнути су значајни резултати у области дијалекатске лексикографије, снажан замах добила су ономастичка истраживања; интензивирана је сарадња на међународним подухватима из домена лингвистичке географије – то су, пре свега, *Општите словенски лингвистички атлас (ОЛА)*, *Европски лингвистички атлас (АЛЕ)* и *Општекарпатски дијалектолошки атлас (ОКДА)*; покренут је рад на *Српскохрватском / Хрваткосрпском дијалектолошком атласу*, као заједничком пројекту који није остварен, али је био подстицајан; много је урађено на прикупљању и обради речи из народа.

Стожерна књига српске дијалектологије друге половине XX века била је књига Павла Ивића *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје* (1956).

Трудом, пре свега, српских дијалектолога у другој половини XX века објављене су десетине дијалектолошких монографских описа, како радова општијег или ширег предмета², тако и монографских радова посвећених појединим говорима. Објављено је такође више драгоцених квестионара и прегледних радова³.

Међутим, радећи и на темама изван оквира српске дијалектологије, српски дијалектолози нису стигли да у првој половини XX столећа (довољно исцрпно) обраде поједине важне области националне дијалектологије, или су неке битне појаве у тој области уочене, описане и објашњене тек у другој половини XX века, као што је то случај с појавом префонологизације некадашњег квантитета у вокалски квалитет (различита судбина наглашених некадашњих дугих и кратких во-

¹ О делатности тих друштава на пољу српске лингвистичке славистике, укључујући другу половину XX века, в.: Станковић Б. 60 година Славистичког друштва Србије. Београд: Славистичко друштво Србије, 2008; Марковић С.Ж. Сто година друштва за српски језик и књижевност Србије. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2011.

² На пример, П. Ивић (1956); Барјактаревић (1977); Пецо (1978); Вукићевић (1993); П. Ивић и др. (1994); П. Ивић и др. (1994); Ђуровић (1996); С. Марковић (1996); П. Ивић и др. (1997); Златановић (1997); Елезовић (1998) и др.

³ Нпр. П. Ивић (1962–1963); М. Ивић (1963); Б. Николић (1966–1967), П. Ивић (1992); Ракић-Милојковић (1995), Богдановић (2000).

кала *Е* и *О*) у призренско-јужноморавском дијалекту, в. Ивић и Александер (1974); Ивић и Реметић (1990: 163), С. Марковић (1986: 247), Богдановић (1987: 68–78) и др.; с “незамењеним јатом”, в. Реметић (1981), као и с неоакутом уоченим прво у Александровачкој жупи, в. П. Ивић (1994: 245), а затим и у знатно ширем ареалу, нпр. Петровић и Гудурић (2008: 423–425 и др.).

Посебно успешно су обрађени косовско-ресавски дијалекат и призренско-тимочка дијалекатска област, где се налазе, на почетку XXI века, из познатих разлога најугроженији говори. Стога се приступило снимању и обради прикупљених података из говора “интерно расељених лица” с појединих делова Косова и Метохије, на којима су до пре две деценије, до погрома и прогона живели многи представници призренско-јужноморавског дијалекта. У последњој деценији другог миленијума велики део српске популације из двеју западних југословенских република такође је присилно напустио области које језички нису биле довољно истражене.

Наставак дотадашњих пројекатских дијалектолошких истраживања и нови корак у развоју српске дијалектологије уследиће 2002. године заснивањем дугорочног пројекта САНУ и Института за српски језик САНУ “Дијалектолошка истраживања српског језичког простора” 2002. године, који претендује да обухвати народно језичко благо на целом српском националном простору. Слични, комплементарни пројекти засновани су и у неким другим српским научним срединама.

Неуједначеност у степену испитаности српског дијалекатског комплекса у том периоду и касније најоучљивија је у области ономастике и дијалекатске лексике. Међу првим значајним доприносима из те области био је рад Драгољуба Златковића *Пословице и поређења у пиротском говору* (1988). Умногome захваљујући завичајним ентузијастима-аматерима, у организацији САНУ и њеног Одбора за ономастику, под руководством и под надзором Павла Ивића и Светозара Стијовића, у последњим деценијама XX века прикупљена је ономастичка грађа на Косову и Метохији, на великом делу призренско-тимочке дијалекатске области у границама Србије и на већем делу Црне Горе.

Пројекат *Српскохрватски / Хрватскосрпски дијалектолошки атлас* заснован је 1959. године, када је Миливој Павловић израдио лексички, а Берислав Николић акценатски упитник (Реметић 2007: 188). Убрзо су урађени и остали делови упитника тако конципираног атласа, који је требало да обухвати штокавско, чакавско и кајкавско наречје, док су први упитници Атласа у Србији попуњени у неколико пунктова 1963. године. Велике обавезе које су носиоци тог пројекта имали на међународним лингвистичким атласима (*Општите словенски лингвистички атлас* и *Лингвистички атлас Европе*) довеле су до застоја у раду на поменутом атласу, а због историјских догађаја краја XX века рад на том атласу је престао. Нестанком српскохрватске језичке заједнице и српски дијалектолози напуштају концепт српскохрватске дијалектологије и окрећу се српској¹. Поред тога, појавиле су се нове тешкоће на изради атласа српских народних говора, посебно када је реч о испитивању локалних говорних идиома у двама западним југословенским републикама. У таквим околностима започети су послови на изради Српског дијалектолошког атласа с мрежом од 800 стотина пунктова.

¹ Шири прегледи достигнућа српске дијалектологије дати су на почетку XXI века (Драгичевић и Реметић 2001; Реметић 2007; Реметић 2017).

7. Уз монографске описе дијалеката и дијалекатске речнике, дијалекатски атласи су трећи важан облик представљања резултата дијалектолошких истраживања (Ивић П. 1990: 209–210). Картографисање српских дијалеката започео је почетком XX века Александар Белић својом студијом *Диалектологическая карта сербского языка* (1905), али су задатак израде дијалектолошког атласа одложиле неке препреке објективне природе (в. Павловић М. 1959: 165–166) да би српска лингвистичка географија веће плодове почела да даје тек у другој половини XX века упркос различитим околностима које јој нису ишле на руку. И за то Александру Белићу припада заслуга главног иницијатора (в. Ивић П. 1960: 101), а Павлу Ивићу заслуга главног аутора, организатора, координатора и ментора, чији је реферат “Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима”, који је поднео на московском Међународном славистичком конгресу 1958. године, привукао велику пажњу и означио нови период у развоју српске лингвистичке географије.

Године 1959. била је установљена Југословенска комисија за дијалектолошке атласе (касније реорганизована и преименована у Међуакадемијски одбор за дијалектолошке атласе, при САНУ), на чијем челу је био Александар Белић. Комисија је била основана ради састављања југословенских атласа (словеначког, српскохрватског и македонског), учешћа у изради општесловенског лингвистичког атласа, а касније и европског лингвистичког атласа и општекарпатског дијалектолошког атласа. Највише труда уложено је и највише резултата је остварено у сарадњи на првом поменутом међународном пројекту израде *Општесловенског лингвистичког атласа*, заснованог 1958. године, када је при Међународном комитету слависта оформљена Комисија за ОЛА, у чијем је саставу био и Александар Белић (Реметић 1997; Милорадовић 2017).

У оквиру Међуакадемијског одбора за дијалектолошке атласе, под руководством Павла Ивића, а од 1999. под руководством Александра Младеновића, одвијао се по комисијама рад на југословенском сектору трију поменутих међународних пројеката, као и на националном пројекту *Српскохрватски дијалектолошки атлас* (данас *Српски дијалектолошки атлас*). Водећи српски дијалектолози Павле Ивић, Драгољуб Петровић, Слободан Реметић, Драго Ћупић, Мато Пижурица, а касније и Недељко Богдановић, Софија Милорадовић, Жарко Бошњаковић, Гордана Драгин, израдили су велики број карата, превенствено за потребе *Општесловенског лингвистичког атласа* и *Општекарпатског дијалектолошког атласа*, што је обухватало грађу и њену обраду, израде карата и пратећих материјала, учешће на домаћим радним састанцима, на међународним заседањима, као и повремено организовање тих заседања у Србији (прво је одржано 1989). Теренско испитивање за ОЛА завршено је у Југославији средином друге половине XX века.

У осам фонетских и осам лексичких томова ОЛА, дијалектолози из Србије су били аутори или коаутори близу 90 карата, већином фонетских¹. Истраживања српских дијалектолога у оквиру рада на ОЛА објављивана су и као засебни научни радови, од којих многи и у зборнику *Fonološki opisi srpskohrvatskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom* (1981).

¹ За подробан преглед и оцену сарадње српских дијалектолога са ОЛА в. Милорадовић 2013. В. такође прегледе: Ивић П. 1960; Ивић П. 1991; Реметић 1997; Ивић П. 2002; Реметић 2007; Милорадовић 2013.

Представници српске дијалектологије су се 1974. године укључили и у рад на *Европском лингвистичком атласу (АЛЕ)*. Сада је председник Српске националне комисије Александар Лома, који је на ту дужност изабран после смрти Павла Ивића.

Од 1976. године одабрани српски дијалектолози сарађују и на *Опитекарпатском дијалектолошком атласу*, за који су прикупљени одговори на 785 питања (в. ОКДА 1987; Петровић 1980). Године 2004. објављен је последњи, седми том *Опитекарпатског дијалектолошког атласа*, као заједничко издање Српске академије наука и уметности, Института за српски језик САНУ и Филозофског факултета у Новом Саду.

Иако су још 1958. планирана дијалектолошка теренска истраживања ради израде дијалектолошког атласа српскохрватског језика (Реметић 2007: 188), тај истраживачки посао је због стицаја неповољних околности морао бити одложен да би био настављен деведесетих година. Пројектом сада руководи Слободан Реметић, а на њему сарађују дијалектолози из неколико универзитетских центара у Србији.

У хронологији картографисања српских дијалекатских чињеница издвајају се, као у том погледу посебно значајни, радови у којима је картографски представљена територија незамењеног јата (Реметић 1981), затим, дато је преко двадесет језичких карата релевантних за говоре истраживане области (Реметић 1985), а дат је и целовит опис банатских говора шумадијско-војвођанског дијалекта (Ивић П. и др. 1994; Ивић П. и др. 1997) поред других вредних прилога.

Опште одлике објављених српских дијалектолошких карата тога периода, које су израдили дијалектолози из пет универзитетских центара у Србији, јесу доминантност пунктуалног метода; заступљеност свих језичких нивоа (мада је творбених и синтаксичких карата мање од других) и претежна оријентисаност истраживача на предеоне целине, односно, поједине говорне зоне које припадају различитим дијалекатским формацијама. Присутна је свест о неопходности избегавања неуједначеног приступа предмету картографског приказивања и о томе да дијалектолошке карте “поред тога што информишу, довољно опомињу на потребу да уочене изоглосе треба продужити, прецизирати и довршити” (Богдановић 1992: 6).

8. Као и у другим националним филологијама, које су крајем XVIII и почетком XIX века израсле на упоредно-историјском методу и који је у њима остао трајно заступљен, и у српској лингвистичкој славистици историјски приступ језику је током два века успешно примењиван, утолико пре што је Александар Белић био научно формиран у Московској школи и у Лајпцишкој школи, познатим по успесима у области дијахронијске лингвистике. Проучавања историје српског језика, која је Александар Белић још у првој половини XX века ставио у младограматичарске теоријско-методолошке оквире, и којима је потом у много чему давао свој теоријски допринос, Павле Ивић је у другој половини XX века у својим радовима, пре свега оним из историјске фонологије, увео у структуралистичку лингвистичку парадигму.

Дијахронијска проучавања српског језика последњих деценија XX века су у теоријском и методолошком погледу донекле заостајала за истраживањима савременог српског језика, као што је то било, мање или више, и у другим словенским и не само словенским научним срединама, да би се почетком XXI све успешније успостављала теоријска и методолошка равнотежа између та два приступа у науци о српском језику. Истовремено ће се, што ближе крају XX века, то више, упостављати равнотежа између филолошког приступа историји српског језика (бу-

дући да је филологија у основи текстоцентрична, културоцентрична и синтетична, в. Пипер 1991) и лингвистичког приступа, који је првенствено усмерен на језичке појаве, више него на текст, уз сву условност таквих разграничења (в. Павловић С. 2017), мада ће филолошки приступ бити одлично заступљен и деведесетих година XX века (нпр. (Грковић-Мејдор 1993), а лингвистички приступ присутан је још педесетих година, на пример, у истраживањима о крњем перфекту (Грицкат 1954) и о српскохрватском инструменталу (Ивић М. 1954)¹.

Когнитивнолингвистичко виђење језичке проблематике најављено у српској лингвистици још седамдесетих година (Ивић 1975), а и касније (Пипер 1983–1984), ушло је је у српску дијахронијску лингвистику у сасвим експлицитном и развијеном облику у истраживањима Милке Ивић о називима за боје (Ивић 1995), да би затим било веома успешно заступљено и у истраживањима из историјске синтаксе, посебно у радовима Јасмине Грковић-Мејдор.

Иако у другој половини XX века у српској лингвистичкој славистици историјски приступ језику није, дакле, био тако широко присутан као раније, он је и даље врло успешно примењиван у проучавању чињеница и појава на свим језичким нивоима и методолошки је осавремењиван.

9. Премда се српска етимологија у савременом смислу тога појма почела организовано развијати од почетка осамдесетих година, прецизније – од формирања Етимолошког одсека Института за српскохрватски језик САНУ (1983), што значи – касније од етимолошких истраживања у другим словенским земљама, назнака етимолошког рада код Срба било је и раније, поготову ако се у етимолошка истраживања уброје радови о позајмљеницама у српском језику, односно радови који су потенцијално корисни за израду етимолошког речника, што се данас обично истражује у оквиру лингвистичке контактологије.

С друге стране, етимолошка проучавања српског језика су од свог институционалног формирања стално напредовала, а већ деведесетих година почела доносити прве веће резултате (в. Огледна свеска 1998) и постала препознатљива у међународним размерама, да би се резултати вишеструко увећали у првим деценијама XXI века (в. Бјелетић, ур., 2013). При томе се прве две деценије рада Етимолошког одсека виде као претежно формативне (пре свега, кадровско и библиотечко јачање Одсека), а наредне године као претежно креативне (конкретна етимолошка истраживања, израда *Етимолошког речника српског језика*, учествовање на научним скуповима итд. – в. Влајић-Поповић 2017), не без извесне условности те периодизације.

У истраживањима из дијахронијске лингвистике тога раздобља у српској лингвистичкој славистици преовлађивали су радови из области историје књижевног језика (најчешће у вези с књижевнојезичком реформом Вука Караџића), у односу на проучавања историје народног језика, историјску дијалектологију, етимологију, упоредну граматику словенских језика, историју писма, старословенски језик и др.²

¹ О палеографским истраживањима в. и у т. 4.

² Исп.. Белић 1950; Ивић М. 1954; Поповић И. 1955; Павловић М. 1956; Белић 1960; Поповић И. 1960; Младеновић А. 1964; Марковић 1967; Албијанић 1968; Бошковић 1968; Младеновић А. 1968; Ђорђевић 1971; Ивић П. 1971; Грицкат 1972; Младеновић А. 1973; Грицкат 1975; Јерковић В. 1975; Бошковић 1978; Ивић и Јерковић 1981; 1982; Јерковић В. 1983; Маројевић 1983; Барјактаревић 1986; Мирослављево јеванђеље 1986; Грковић М. 1983; Мркаљ 1983; Бошковић 1984; Бошковић 1985; Грковић Ј. 1986; 1986; Константин Филозоф 1989; Младеновић А. 1989; Бошковић 1990; Ивић П. 1990; 1991; Грковић Ј. 1993; Луковић 1994; Зорица 1995; Мркаљ 1995; Унбегаун 1995; Марковић С. 1996; Словенске културе 1996; Сикимић 1996; Ивић П. 1998; Огледна свеска 1998; Бошковић 2000; Маројевић 2000 и др.

10. Дијалектолошка истраживања српског као и других словенских језика често имају за циљ, или за један од главних циљева, фонолошке и прозодијске описе (нпр. Николић Б. 1969; 972; Јокановић-Михајлов 1983 и др.). Фонологија и прозодија српског језика (иако предмет теоријских, дескриптивних и нормативнистички усмерених радова и саставни део сваке веће граматике) изван дијалектологије су заступљене релативно мањим бројем радова.

Фонетски описи српског језика и елементи прозодије били су и у претходном периоду део школских граматика српског језика, предмет посебних дијалектолошких радова, али и других истраживања, нпр. А. Белић 1931; 1934, укључујући она заснована на примени експерименталног метода (Б. Милетић 1933), поред радова посвећених (скоро) у целости гласовима неког другог словенског језика, нпр. Г. Костељник (1923–1958); К. Георгијевић (1949); Р. Кошутић (1919, 1969).

И у тој области у другој половини XX века први велики прилог дао је Александар Белић (Белић 1951), обухвативши истом књигом и фонетику и прозодију, а већ следеће године објављено је друго издање књиге Бранка Милетића из експерименталне фонетике српског језика (Милетић 1952; прво издање – 1933), методолошки различито од Белићевог приступа.

Та проблематика обрађена је и у граматичи српскохрватског књижевног језика Михаила Стевановића, како школској, једнотомној, тако и у првом делу двотомног издања (Стевановић 1964). И све касније граматике српскохрватског, односно српског језика садрже главу о фонетици и о бар главним одликама прозодије српског језика, која је и с обзиром на своју специфичност у кругу словенских језика увек привлачила посебну пажњу.

Изван граматикâ српског језика фонетско-фонолошка проблематика је испитивана новим методама како за потребе универзитетске наставе, тако и с научним циљевима; како на српском, тако и на ширем словенском материјалу (Ивић П. 1961–1962; Ивић и Лехисте 1963–1972).

Будући да су за савремено проучавање акустичке фонетике у другој половини XX века неопходни и одређени технички услови, од великог је значаја било то што је од шездесетих година XX века било започето опремање Филолошког факултета Универзитета у Београду неопходном модерном опремом и стварање Лабораторије за експерименталну фонетику, заслугом, пре свега, професорâ Асима Пеце и Петра Правице, а са ослоном на искуства стразбуршке лабораторије, којом је руководио проф. Жорж Страка. То је резултирало новим радовима о српскохрватским акцентима и прозодијској норми (нпр. Пецо 1970–1971; Пецо и Правица 1972).

Нови корак представљало је објављивање књиге *Основи фонологије српскохрватскога књижевног језика* (Симић и Остојић 1981), око које су се у српској лингвистици отвориле и прве веће полемичке расправе о фонолошким питањима.

Деведесетих година предмет фонолошких и прозодијских испитивања српског језика се проширује (нпр., Јокановић-Михајлов, Томић, Крајишник 1992). То је наговестило и проширивање круга водећих истраживача у тој области, што ће се на најбољи начин врло видљиво показати у радовима Јелице Јокановић-Михајлов објављеним у првом деценијама нашег века (в. Јокановић-Михајлов 2006, Јокановић-Михајлов 2012) и, поготову, у фонологији српског језика Драгољуба Петровића и Снежане Гудурић (Петровић и Гудурић 2010).

Деведесетих година поново је с много разлога и с новим аргументима указано на проблем дефинисања савремене српске прозодијске норме (Петровић 1999; в. о томе раније Пецо 1970–1971), који још отворен.

11. Граматика као систем морфолошких и синтаксичких категорија као и њима обухваћених јединица, њихових облика, значења и функција, а у ширем смислу – правила по којима су језичке јединице организоване и по којима се оне употребљавају, једна је од главних лингвистичких дисциплина па су и у српској лингвистичкој славистици друге половине XX века граматичка питања привлачила велики број истраживача¹.

Са становишта језика који је предмет у граматичким испитивањима, она су у том периоду обично била посвећена српскохрватском језику, односно српском језику, врло често као универзитетски приручници (нпр. Белић 1948; Белић 1949; Стевовић 1958; Стевановић 1964; Миновић 1987; Станојчић и Поповић 1991, Пипер 1997 и др.), ређе руском језику, па и ту као универзитетски и средњошколски приручници (Николић В. 1966; Маројевић 1983; Тошовић 1988). Издвајају се поновљена издања чувене руске граматике Радована Кошутећа (друго издање 1950), која је коришћена и као универзитетски приручник, поготову од трећег издања, одлично осавремененог предговором Богдана Терзића².

Водећи српски граматичар друге половине XX века била је Милка Ивић. Велики улазак Милке Ивић у круг истакнутих српских и словенских граматичара означила је њена монографија о значењима српскохрватског инструментала и о њиховом развоју (Ивић 1954). Иако није написала граматiku српског језика, Милка Ивић је својим радовима обухватила скоро сва важна питања српске морфологије и синтаксе и обрадила их истим, препознатљивим методолошким рукописом, а објавила их је не само у часописима и зборницима у земљи и иностранству, него, знатним делом, и у серији од шест посебних публикација са заједничким насловом *Лингвистички огледи*, од којих је прва изашла 1983. године. Као универзитетски професор и ментор пресудно је утицала на низ српских граматичара новијег времена. У својим истраживањима изузетно успешно је спајала најбоље у традицији с најбољим у савременој лингвистичкој теорији и са својим креативним виђењима лингвистичке стварности, држећи се увек принципа, који је био водећи и за њеног учитеља Александра Белића, да треба, пре свега, поштовати реалност језика.

Поједини инострани слависти који су се у том периоду бавили српскохрватским, односно српским језиком објавили су у својим земљама граматичке приручнике српскохрватског, одн. српског језика, што ипак не припада српској лингвистичкој славистици како је на почетку овог рада одређена (в. напомену 2).

Посматрано с теоријско-методолошких позиција, граматике Александра Белића и Михаила Стевановића написане су на основама Белићевог учења о језику изграђеном у првој половини XX века, чије је поједине аспекте Михаило Стевановић разрађивао, а уз то је своје граматике, и једнотомну и двотомну, знатним делом осавременио богатом језичком грађом новијег времена, а понекад и примерима из разговорног језика, и учинио је функционалностилски разноврснијом него иједан српски граматичар пре њега.

Функционална граматика Игрутина Стевовића (1958), која није добила већу пажњу у научној критици, иако би је заслуживала бар као покушај извесног кон-

¹ Библиографија граматичке литературе о српском језику заступљена је не само у саставу текуће библиографије која се редовно објављује у часопису Јужнословенски филолог (в. Голубовић 2013), и у самим радовима, него и обимним предметним библиографијама и библиографским прилозима који се односе на проучавања морфологије, творбе речи и синтаксе у српском језику, нпр. Ј. Шакић (1966); М. Радовић-Тешић и В. Ломпар (2000); Б. Вићентић и др. (2001); Живановић и др. 2012; Б. Ћорић (2013).

² О српским граматикама руског језика в. Пипер 2017.

цепцијског помака, замишљена као приручник, а објављена као монографија, стављала је у први план синтаксичке функције морфолошких облика, и у том правцу развијала Белићево учење о односу значења, облика и функције граматичких јединица.

Касније граматике српскохрватског, одн. српског језика објављене у другој половини XX века већином су постепено доносиле извесне искораке ка савременој граматичкој теорији, али углавном без веће промене наслеђених теоријских основа.

У том погледу изузетак, ако не и теоријски изазов, представљала је поменута граматика Павице Мразовић и Зоре Вукадиновић (1990), написана у оквирима теорије депенденцијалне граматике. Иако та граматика није остварила трајни продор теорије депенденцијалне граматике у проучавања српског језика (с понеким изузетком), она је свакако била подстицајна и корисна за сагледавање српских граматичких датости са друкчијих теоријских становишта. Она је била значајна првенствено у теоријском погледу, затим и у дескриптивном, а вероватно најмање у лингводидактичком иако је, судећи по наслову, та књига била намењена учењу српског као страног језика.

С обзиром на то, показује се, не први и не последњи пут, корист од “погледа са стране” на језичке чињенице, погледа друкчијег од устаљених тумачења. Као што се тзв. завичајна дијалектологија не сматра оптималним обликом дијалектолошког рада, тако се ни “завичајна граматикографија” не може сматрати ексклузивним обликом граматичких истраживања. Уосталом, то потврђују и примери из других славистичких средина, нпр. велики допринос пољској граматикографији дали су романиста и русиста Станислав Каролак и русиста Анджеј Богуславски, један од водећих лингвиста Прашког лингвистичког серкла био је англиста Виљем Матезијус, руски слависта Иван Мешчанинов био је по почетном академском образовању правник и археолог, Лав Шчерба – слависта и романиста, Александар Бондарко – бохемиста итд., што није било препрека за њихове значајне доприносе у другим областима, не само због одличног познавања друкчијег језичког материјала, него и због темељног познавања других лингвистичких теорија и метода.

Са становишта облика и обима граматичких описа и анализа, резултати граматичких испитивања објављивани су као мање или више целовити граматички прегледи, као монографије о појединим граматичким питањима (укључујући докторске дисертације и магистарске радове), тематски зборници, ауторски зборници или научни чланци, нпр. У широком периоду од пола века, динамичном и у развоју лингвистичке теорије у свету и у развоју словенске граматикографије, природно је што су и проучавања граматичког система и функција српског језика била концепцијски и ауторски разноврсна, било да је реч о морфологији и творби речи, или о синтакси (више заступљеној у истраживањима), или о радовима који су обухватили све главне области граматике¹.

У области српске граматикографије датог периода највише пажње било је усмерено на синтаксичку проблематику, в., на пример, поред поменутих радова Мил-

¹ На пример, Белић 1949, Лалевић 1951; Грицкат 1954; Ивић М. 1954; Лалевић 1962; Стевановић 1964; Стевановић 1967; Вуковић Ј. 1967; Стевановић 1969; Марковић С. 1967; Милошевић 1970; Миновић 1970; Гортан Премк 1971; Станојчић 1973; Милојевић 1980; Станојчић 1980; Ћорић 1982; Караџић 1984; Ковачевић 1986; Клајн 1985; Костић Ђ. 1987; Миновић 1987; НССВД 1987; Станојчић 1987; Петровић Вл. 1989; Мразовић и Вукадиновић 1990; Радовановић 1990; Станојчић 1990; Ковачевић 1991; Ковачевић 1992; Поповић Љуб. 1997; Савић 1993; Антонић 1995; Васић 1995; Фелешко 1995; Танасић 1996; Пипер 1997; Радовановић 1997; Ковачевић 1998; Савић 1998; Савић и Митро 1998; Половина 1999; Симић 1994; Симић 1999; Кликовац 2000.

ке Ивић, такође: Станојчић 1967; Станојчић 1973; Радовановић 1976, Станојчић 1980; Клајн 1985; Дудок 1987; Станојчић 1987; 1990; Радовановић 1990; Антонић 1995; Васић В. 1995, Поповић Љуб. 1997; Петровић Вл. 1997; Радовановић 1997; Чаркић 1997; Симић 1999; Клајн 2000 и др.

Граматицке структуре и функције у српском и другим словенским језицима били су у том периоду предмет и низа других радова – контрастивних, упоредноисторијских, контактолошких, или радова посвећених само једном словенском језику¹.

12. Дериватолошка истраживања српских лингвиста у XX веку започела су докторском дисертацијом Александра Белића о историјском развоју деминутивних и ампликативних суфикса у словенским језицима, објављеном 1901 (Белић 1901), а други велики прилог у тој области дао је у првој половини XX века Радосав Бошковић својом дисертацијом о развоју суфикса у јужнословенској језичкој заједници (1936), док је књига предавања Александра Белића о грађењу речи (1949) представљала крупну најаву и српске синхронијске дериватологије.

Дијахронијска дериватологија ипак је доминирала и у српској лингвистици друге половине XX века, нпр. Маројевић 1983; Костић М. 1985; Маројевић 1985; Стакић 1988; Недељковић М. 1993; Бошковић 2000 (поред ономастичких радова који су у целини или једним делом имали за предмет питања грађења речи, нпр. Јовићевић 1985; Јовићевић 1995) мада је било и радова који су знатним делом или у целини били посвећени синхронијској дериватологији, в., на пример, Павловић 1953; Стевановић 1964; Ћорић 1982; НССВД 16/1, 1986; Маринковић 1994; Киршова 1998; Драгићевић 1999; Киршова 1999; Терзић Б. 1999, укључујући радове из дијалектологије (нпр. Бјелетић 1993; Павлица 1996) или оне који су имали за предмет језик писца (нпр. Тешановић 1996). У већем броју истраживања српских дериватолога предмет је била творба именских речи, а ређе других врста речи (нпр. Бјелетић 2000).

Нису били чести ни покушаји да се на српској језичкој грађи унапреди теорија и методологија творбе речи. У том погледу у добре изузетке иде истраживање Драгићевић 1999, у којем је основни циљ био да се на богатом језичком материјалу провери хипотеза о томе да исте семантичке законитости управљају и деривацијом и полисемијом и да ли се творби речи може приступити не само као делу морфологије него као делу лексичке семантике. Прву део истраживања чини творбена анализа, а другу семантичка анализа, где је у већој мери примењен когнитивнолингвистички приступ предмету, поред осталог, на пример, путем асоцијативних тестова, којима се проверава језичко осећање говорника српског језика. Један од главних закључака био је да се деривати појмовно осамостаљују од мотивних речи и ступају у асоцијативне везе са својим синонимима, антонимима, хипонимима и др., те да су говорници снабдевени најмање двоструким апаратом обраде језичких података, од којих је један лингвистичко-морфолошки, а други логичко-семантички, нпр. за испитанике именица *учитељица* потиче од глагола *учити*, а не од именице *учитељ* и сл.

¹ На пример, Николић В. 1966; Бошковић 1968; Петронијевић 1972; Станковић 1979; Клајн., ур., 1980–1982; Бачвански 1982; Точанац 1982; Шнел 1982; Маројевић 1983; Бошковић 1984; 1985; Маројевић 1985; Дудок М. 1987; Личен 1987; Младенов 1987; Милинковић 1988; Ђорђевић 1989; Петровић Н. 1989; Бошковић 1990; Сикимић 1990; Дуличенко 1995; Мирић 1995; Терзић А. 1995; Тошовић 1995; Стојановић С. 1996; Марфуњина 1997; Пипер 1997; Ћирковић 1997; Дудок 1998; Киршова 1998; 1999; Ћирковић 1998; Лаиновић-Стојановић 1998; Станковић, ур., 1998; Бошковић 2000; Поповић Људ. 2000.

13. Иако је још на почетку XX века Јан Бодуен де Куртене предвидео развој лексикологије као нове лингвистичке дисциплине, и премда су се многи српски слависти током XX столећа бавили и проучавањем различитих аспеката речи, српска лексикологија се, у модерном смислу тог термина, почела развијати од осамдесетих година XX века, замах у развоју добила је деведесетих година, а своје најбогатије резултате остварила је у првим деценијама XXI века.

Семантичка истраживања од педесетих до осамдесетих година XX века представљала су добре наговештаје онога што ће уследити. Премда су у првим радовима водећи међу тада младим српским лингвистима били критични према структурализму, та критичност је релативно брзо замењивана семантичким истраживањима у којима је било све више елемената структурализма (в. Ивић М. 1972; 1973; 1975)¹, у чему су се издвајале Милка Ивић, која проучавање граматичке семантике све се видљивије везује за лексичку семантику, и Ирена Грицат, више оријентисана на питања негације, антонимије, платисемије, деминутивности и друга. Од представника старијег поколења семантици је већу пажњу посвећивао Миливој Павловић, посебно творбеној семантици, што је педесетих година било доста ново.

Рад на речницима српскохрватског језика – Речник САНУ (1959–), РМС (1967–1976) такође је био подстицајан за развој српске лексикологије, а посебно је било значајно одржавање различито профилисаних лексиколошких и лексикографских конференција (о синонимији, о лексичким системима, о позајмљеницама и др.), као и објављивање зборника реферата с тих конференција (Ђупић, ур., 1982, Јерковић, ур., 1984; НССВД 1992, Планкош, ур., 1996). Најзад, на почетак осамдесетих година (1981) пада и почетак универзитетске наставе лексикологије као засебног предмета заслугом, пре свега, Даринке Гортан-Премк.

Захваљујући првенствено вишегодишњим плодним истраживањима Драгане Мршевић-Радовић (в. Мршевић-Радовић 1987), с теоријским ослоном на руску фразеолошку школу Валерија Мокијенка, утемељена су фразеолошка истраживања у српској лингвистичкој славистици друге половине XX века, чему су допринела фразеолошка истраживања и других лингвиста (нпр. Вл. Петровић 1989; Пријић-Нисетео 1994; Богдановић 1997; Мушовић 1997 и др.), која ће се наставити у следећим деценијама.

Почев од осамдесетих година објављују се такође прве монографије и тематски зборници који су у целини или знатним делом били посвећени лексиколошким и сродним питањима – о развоју српског језика и његове лексике (Пешикан 1970), о проблемима у настави лексике (Николић В. 1979), о синонимији (НССВД 1982), о паронимима у настави (Тошић 1985), о лексичко-семантичкој кохезији (Половина 1987), о заменичким прилозима (Пипер 1988), о лексици и фразеологији Вука Карацића (Ивић М. 1990, 1997), о хомонимији (Шипка 1990), о међујезичким хомонимима и паронимима (Радић-Дугоњић 1991), о лексичко-семантичким системима (НССВД 1992), о називима за боје (Ивић М. 1995), о позајмљеницама (Планкош, ур., 1996), о полисемији (Гортан-Премк 1997, 2004), о просторним предлозима, глаголима кретања и др. (Пипер 1997), о основама лексикологије (Шипка 1998), о позајмљеницама (Пецо 1987; Прћић 1991; Петровић 1992; О лексичким позајмљеницама 1996; Чулић 1996; Ајдуковић 1997), о концептуалној семантици (Радић-Дугоњић и Ристић 1999), о семантици предлога (Кликовац 2000) и др., а још је много већи и предметно разноврснији био број објављених чланака из српске и словенске лексикологије.

¹ Преглед семантичких истраживања Милке Ивић в. у Драгићевић 2008.

Значајан допринос српској славистичкој лексикологији дали су лингвисти који су се лексиколошким темама бавили у оквиру контрастивних, одн. конфронтативних, типолошких, упоредноисторијских, ареалних и сродних истраживања.

Когнитивна лингвистика је и теоријски, и методолошки, и проблемски проширила оквире српске лексикологије, мада су остала и нека ограничења. До тада преовлађујући методи парафразе и компонентне анализе допуњују се или се замењују анализом прототипа, асоцијативних веза, концептуалних структура, кључних речи и другима. “Нажалост, изван пажње српских семантичара остала је семантика која се развила у окриљу генеративне граматике, као и већина математичких и статистичких приступа лексичком значењу” (Драгићевић 2017).

Сва та проблемски и методолошки разноврсна истраживања (в. преглед у Драгићевић 2010), као и достигнућа лексиколошке теорије и њене примене у другим словенским срединама, била су подстицајна за рад на првој лексикологији српског језика, са елементима опште лексикологије, најисцрпнијој и најмодернијој међу данашњим словенским лексикологијама, коју је у првој деценији овог века објавила Рајна Драгићевић (2007, 2010).

14. Подстицај ономастичким истраживањима, који је у првој половини XX века, али и касније, највише давао Радосав Бошковић донео је обилније плодове у другој половини XX века у радовима о ширим ономастичким питањима (нпр. Вишић 1994; Вујичић 1996; Јовићевић 1995), као и о антропонимима (нпр. Грковић М. 1977; 1979; 1986; Маројевић 1985; Јовићевић 1985; Михајловић 1992; Пеић и Бачлија 1994; Стаматовић 1994; Ћосовић 1994; Чулић 1996; Шћепановић 1997), хидронимима (Вујичић 1982; Павловић З. 1994; 1996), дримонимима (Михајловић 1965) итд. Појачано интересовање за ономастику огледа се и у покретању часописа *Ономатолошки прилози* (1979–), који је сада води Александар Лома.

15. Централно место у српској лексикографији друге половине XX века имају по објективном значају, а и по обиму и квалитету, дескриптивни речници српског језика. Прави велики почетак српске лингвистике XIX века означило је објављивање *Српског рјечника* Вука Караџића 1818. Лексикографија је отада остала једна од главних грана српске лингвистике, још изразитије у XX веку, у првом реду због капиталног пројекта *Речника српскохрватског књижевног и народног језика* (1959–), чија израда траје до краја XX века и наставља се у XXI веку, а ангажује највећи део српских лексикографских снага.

Други велики подухват пада на другу половину XX века. То је шестотомни речник *Српскохрватског књижевног језика* Матице српске и Матице хрватске (1967–1976, од 1969. само Матице српске). Речник садржи грађу стару 60 и више година захватајући донекле грађом и у време свог објављивања. Настао је преваходно трудом сарадника Института за српскохрватски језик САНУ, који су током дугогодишњег заједничког рада на великом Речнику САНУ и на Речнику Матице српске, створили колектив који се назива београдска лексикографска школа (И. Грицкат, М. Пешикан, Д. Гортан Премк, С. Ристић, М. Тешић, Ђ. Оташевић и др., в. Драгићевић, ур., 2014), а који се поред рада на конкретним лексикографским задацима успешно бави и теоријском лексикографијом.

Године 1966. објављен је речник Милоша Московљевића, који је убрзо по објављивању уништен из политичких разлога, тако да су Срби задуго остали ускраћени за једнотомни дескриптивни речник, а одличан школски речник српскохрватског језика остао је, нажалост, недовршен (Јоцић и Васић 1988; 1989).

Дакле, стицајем околности, које тешко да су све случајне, у српској дескриптивној лексикографији друге половине XX столећа, израда једног речника изузетно се одужила, на другом речнику је сарадња двају издавача прекинута пре краја посла па је издавање привео крају само један издавач, трећи речник је по објављивању уништен, а четврти није доведен до краја.

У српској дијалекатској лексикографији тога раздобља издваја се рад о лексици Васојевића (Стијовић Р. 1990), а речника писца је такође било мало (в. Стевановић 1983; Павковић 1984; Турлаков 1999).

Од историјских дескриптивних речника једини је *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* ЈАЗУ, 1880–1976, на којем су поред хрватских радили као уредници и сарадници и српски лингвисти. У њему је у 23 тома обрађено око 250 000 лексема.

Пројекатска етимолошка лексикографска истраживања су у српској лингвистици утемељена крајем XX века заслугом Павла Ивића и одмах су почела да добијају на замаху (Ивић П., ур., 1998), који се појачао у XXI веку.

Од специјалних речника издвајају се речник синонима (Лалевић 1974), двојезични речник српско-бугарских међујезичких хомонима (Иванова и Алексић 1999), фреквенцијски речници Смиљке Васић (1996, 1998, 2000), као и речници некижевних речи – жаргона (Андрић 1975; Милојковић 2000) и опсцене лексике (Богдановић, ур., 1998; Савић и Митро 1998; Шипка 1999) и др.

Заступљени су били и синтаксички речници: *Речник глагола: са допунама* (Петровић и Дудић 1989) и *Srpsko-mađarski rečnik glagolske rekcije* (Бурзан, Петровић, Вајда 1992).

Објављен је и већи број језичких саветника, поучника и сл. публикација, међу којима се квалитетом и популарношћу издвајају књиге Ивана Клајна (Клајн 1981; Клајн 1987 и др.) с више допуњених издања, са издањем на Брајевом писму и издањем у електронској форми.

Било је објављено и више речника страних речи: Вујаклија 1954, с више издања (врло популаран упркос скромном квалитету); Алексић 1978, с неколико издања; Ћирилов 1982 и Ћирилов 1991; Мићуновић 1988, с више издања; Клајн 1992; Шеховић 1997, с више издања; Оташевић 1999; чему се прикључују речници речи из једног страног језика: Шкаљић 1966; Ајдуковић 1997 (као регистар у монографији).

Посебно место у српској лексикографији разматраног периода има *Обратни речник српскога језика* (Николић М. 2000), који садржи и лексикографске информације као што су лематска форма, акценат речи, ознаку за морфонолошку измену обличке основе, податак о екавској и ијекавској форми, додатне коментаре уколико су потребни, и ознаку извора из кога је преузета реч.

У том периоду врло је била богата, квалитетом неједнака, српска двојезична лексикографија.

Српска електронска лексикографија тога раздобља није била још ни на почетку, а корпусна лингвистика се тек почела утемељивати, највише трудом Душка Витаса.

Од нерешених начелних питања у српској лексикографији друге половине XX века, међу најзначајнијима била су и остала питање језичког стандарда и језичког корпуса. Од онога што се одреди као српски језички стандард зависи и корпус српског језичког стандарда. Тај задатак је пренет на српску лексикографију почетка XXI века.

“Разуме се, све би могло бити и боље, и свакако – све би могло и морало бити и брже. А брже није још из неких разлога, више објективних, мање субјективних, које ја овако разумем. Историја лексикографије једнога језика одраз је политичке, социјалне и културне историје оних који тим језиком говоре” (Гортан-Премк 2017: 312).

16. Поређења словенских језика са другим словенским језицима заступљена су великим бројем радова у српској лингвистичкој славистици друге половине XX века, најчешће као поређења српског језика с руским (в. о томе напомену 23). Поређењима српског језика са другим словенским и несловенским језицима посвећен је зборник радова Клајн и Пипер, ур., 2010. Преглед типолошких истраживања дат је у раду Пипер 2000, а најновију слику о српском језику у светлу контрастивних и типолошких истраживања даје рад Алановић 2017.

17. Међујезичке разлике и сличности имају важно место у лингводидактичкој теорији и пракси, мада је у време узлета контрастивних истраживања понекад било и претераних очекивања од користи коју проучавање међујезичких сличности и разлика може донети настави страних језика, која је много сложенија од тога. Лингводидактика је у српској лингвистичкој славистици друге половине XX века била најзаступљенија у вези с наставом српскохрватског, односно српског језика (Димитријевић Р. 1955; Димитријевић Р. 1958; Николић Мил. 1965; Димитријевић Р. 1972–1978; Николић Мил. 1980; Николић Мил. 1999 и др.), али се од шездесетих година интензивније развија и у русистици (нпр. Митропан 1963; Костић С. 1968; Радошевић 1970; Радошевић 1973; Николић В. 1975; Николић и Межински 1984) да би деведесетих година дошло до новог узлета у оквирима савремене лингводидактичке теорије (в. Кончаревић 1991; Раичевић 1995; Кончаревић 1996; Кончаревић 1997), који ће највише плодова дати почетком XXI века¹.

18. Когнитивнолингвистичка истраживања крајем XX века тек су почела да добијају на замаху да би њихов пуни процват дошао у овом веку. Општем преглед те проблематике дат је у раду: Пипер 2006, а најновије стање исцрпно се осветљава у раду: Поповић Људ. 2017.

У целини посматрано, у истраживањима српског језика из когнитивистичког угла више је долазио до изражаја лингвистички него когнитивни аспект когнитивне лингвистике, уз сву условност таквог раздвајања њених саставница. Будући да је когнитологија наука о системима репрезентације знања и обраде информација, до које човек долази разним каналима”, односно наука која има за циљ да испита како се остварују процесу перцепције, категоризације и класификације и осмишљавања света, како се остварује раст знања и какви системи омогућују различите видове рада са информацијама, когнитивна лингвистика се бави језиком као средством организације, обраде и преношења информације, пошто је језик по свему судећи највиши ниво на којем се информација добијена разним каналима обрађује, интегрише. осмишљава, категоризује и класификује, због чега се посматра као водећи когнитивни механизам људске свести, који омогућује приступ когнитивном свету, који се не може непосредно опажати, и структурама људске свести.

У оној мери у којој је умесно разликовање два правца когнитивизма: рачунарског, односно компјутерског (који се назива и машински) и психолингвистичког, у српској лингвистици присутан је пре свега, ако не и искључиво овај други, при чему се и у његовим оквирима виде два правца – један претежно лингвистички, који је шире заступљени и бројем аутора и објављеним радовима, и други, претежно психолошки, који је, иако персонално ужи, такође заступљен лепим бројем истраживања са уочљиво добром проблемском и методолошком повезанашћу, будући да се скоро сва та истраживања спроводе у Лабораторији за експеримен-

¹ В. више о томе (са литературом) у овој књизи у глави посвећеној српској лингвистичкој русистици друге половине XX века.

талну психологију Филозофског факултета у Београду, и да се у њима најчешће препознаје истраживачки рукопис Александра Костића, као аутора, коаутора или ментора радова, који, иако остварени у оквирима когнитивне психологије, имају несумњиви значај за когнитивну лингвистику јер се у њима предмет проучавања (српски) језик, разматра из когнитивнопсихолошког угла.

Та два упоредна тока когнитивнолингвистичких проучавања српског језика, један више лингвистички, а други више когнитивнопсихолошки, понекад се додирују, али чешће теку одвојено, чак толико да су узајамна упућивања аутора једних истраживања на резултате истраживања оних других доста ретка, умногоме зато што ни избор проблема, приступа и метода чешће нема него што има много додирних тачака. У оној мери у којој когнитивна лингвистика има јединствен иако хетеронимичан предмет, успешност даљих когнитивнолингвистичких истраживања у ужем смислу вероватно ће доста зависити од степена стваралачког приближавања два поменута тока когнитивнолингвистичких проучавања на српском језичком подручју, као и од неговања таквог образовања будућих лингвиста у којем би од почетка студија обе компоненте когнитивне лингвистике и целина когнитивне лингвистике имале приближно једнаку заступљеност, и организовања таквих научних пројеката на којем би се когнитивни психолози и лингвисти систематски сарађивали у решавању заједничких задатака.

Уосталом, са извесним уопштавањем и уз ризик поједностављивања, који уопштавања носе, може се рећи да је слична ситуација и у другим, културно, географски и језички удаљеним научним срединама. Највећи део онога што се у лингвистичким публикацијама појављује као когнитивна лингвистика јесте (когнитивна) семантика, као модеран наставак прогресивних семантичких праваца, уз мање или веће отклоне у правцу етнолингвистике, лингвокултурологије, неуроллингвистике и неких других интердисциплинарних области проучавања језика, при чему ни основни постулати когнитивне семантике нису ни декларативно ни оперативно општеприхваћени, него се неки од њих, имплицитно, а ређе експлицитно, више прихватају, а други мање, као, уосталом, и у другим наукама и научним дисциплинама.

19. Пажњу су привлачила и стилистичка питања, како општа, тако и функционалности стилистичка питања као и она које се односе на језик и стил писца¹. Иако су се стилистичким темама бавили слависти из свих српских научних центара, међу њима су преовлађивали сарајевски слависти, додуше не само лингвисти него и проучаваоци књижевности, посебно Новица Петковић и Малик Мулић. Од краја деведесетих година тежиште стилистичких истраживања је у Београду, захваљујући, пре свега, радовима Радоја Симића, што ће бити још изразитије на почетку XXI века².

Више монографија имало је за предмет питања језика (и стила) појединих писаца: Иве Андрића (Станојчић 1967); Милована Видаковића (Кашић 1968); Михаила Лалића (Ђорац 1968); Растка Петровића (Миновић 1970); Јакова Игњатовића (Јерковић Ј. 1972); Љубомира Ненадовића (Јерковић Ј. 1976); Владислава Петковића Диса (Стефановић 1974); Богобоја Атанацковића (Јерковић Ј. 1981);

¹ На пример, Павловић М. 1956б; Станојчић 1967; Ђорац 1968; Павловић М. 1969; Миновић 1970; Стефановић 1974; Јовић 1975; Младенов 1980; Тошовић 1988б; Савић и Половина 1989; Тошовић, ур., 1991; Луковић 1994; Ђорац 1974а; Ковачевић 1991; Човић 1991; Радуловић 1994; Тошовић 1995; НССВД 23/2 1995; Рајковић 1996; Сими 2000; Ђорац 1974б.

² Исп.: Чаркић 1995.

Лазе Лазаревића (Станојчић 1982); Јована Хаџића (Суботић 1989); Чеда Вуковића (Радуловић 1994); Добрице Ћосића (Рајковић 1996); Тамила Сијарића (Стевовић С. 1997) и других.

20. Српска славистичка историографија била је мање усмерена на научне школе и теорије (у том погледу издваја се књига: Ивић М. 1963)¹, на процесе у развоју славистике или неке њене гране или периоде (нпр. Грицкат 1988; Радуловић 1990), или институционалну делатност (Сто година лексикографског рада у САНУ 1993; Грицкат 1996), а много је више била усредсређена на личности, при чему су највећу пажњу привлачили Вук Караџић и његово филолошко дело, најчешће поводом неке годишњице², у неким случајевима поводом поновног издавања Караџићевих дела. Покушаји да се дело Вука Караџића сагледа и критички, или да се критички оцене разлике између Вуковог и вуковског језика били су у датом периоду знатно ређи³.

Поред радова о Вуку Караџићу више радова било је посвећено и неким другим српским филолозима, пре свега, Сави Мркаљу, Ђури Даничићу, Александру Белићу (и поновном издавању њихових дела)⁴. Објављен је и низ научних зборника посвећених посебно заслужним српским лингвистима и славистима: Вуков зборник 1966; Белићев зборник 1976а; Белићев зборник 1976б; Даничићев зборник 1976; Зборник о Даничићу (НССВД 1976); Мошинов зборник 1977; Зборник Милки Ивић и Павлу Ивићу (ЗБМСФЛ 1984–1985); Кошутевићев зборник 1986; Вуков зборник 1987а; Вуков зборник 1987б; Вуков зборник 1988; Зборник Александру Младеновићу (ЗБМСФЛ 1990); Кочишев зборник 1993; Зборник Вери Јерковић и Јовану Јерковићу (ЗБМСФЛ 1994); Шафариков зборник 1996; Вуковићев зборник 1998; Зборник Драгољубу Петровићу (ЗБМСФЛ 2000) и др.

Часопис *Јужнословенски филолог* посветио је више бројева истакнутим лингвистима и славистима и донео њихове биобиблиографије: Библиографија радова професора Александра Белића / И[рена] Г[рицкат] // ЈФ. – Бр. XXIV (1959–1960); Библиографија радова Степана Куљбакина / Нада Ђорђевић // ЈФ. – Бр. XXIX, св. 3/4 (1973); Библиографија радова професора Михаила Стевановића / Д[рагана] Мршевић // ЈФ. – Бр. XXX, св. 1/2 (1973); Библиографија радова Берислава Николића / М[илица] Р[адовић]–Т[ешић] // ЈФ. – Бр. XXXIII (1977); Библиографија Радосава Бошковића / [Драго Ђупић] // ЈФ. – Бр. XL (1984); Библиографија професора Михаила Стевановића / Драгана Мршевић–Радовић // ЈФ. – Бр. XLVII (1991); Библиографија радова академика Павла Ивића / [Слободан Реметић] // ЈФ. – Бр. LVI, св. 1/2 (2000); Биобиблиографија академика Ирине Грицкат-Радуловић / Милена Марковић // ЈФ. – Бр. LXVI (2010); Библиографија академика Милке Ивић / Милена Марковић // ЈФ. – Бр. LXVII (2011).

¹ У књизи Милке Ивић Правци у лингвистици (1963), једној од најпревођенијих књига српске лингвистике, дат је, поред осталог, преглед најважнијих поглавља из историје лингвистичке славистике.

² На пример, Белић 1947; Караџић 1948; Мркаљ 1949; Поповић М. 1964; Стојановић Љуб. и др. 1968; Пешикан 1970; НССВД 2 1972; НССВД 3 1973; НССВД 5 1975; Добрашиновић 1980; Поповић М. 1983; Караџић 1984; Добрашиновић 1987; Кашић 1987; Милисавец 1987; Окука 1987; Стевановић 1987; Стојановић Љуб. 1987; Вуков зборник 1988; Стевановић 1988а; Ђупић 1988; НССВД 17/1–5 1988; Милисавец 1989; Остојић 1989; Пецо 1990а; Станојчић 1990; Окука и Станчић 1991; Самарџић 1995; Унбегаун 1995.

³ На пример, Костић Лазо 1964; Селимовић 1967; Самарџић 1995; Ивић М. 1990; Костић Лазо 1999.

⁴ Уп. Мркаљ 1949; Мркаљ 1983; Мркаљ 1995; Даничић 1962; Даничић 1975; Даничић 1981; Даничић 1983; Даничић 1984; Белић 1988–2000; Ђупић 2000.

21. Ши́ра интердисциплина́рна проучавања српског језика почињу од седамдесетих година XX века, али их је знатно раније наговестила докторска дисертација из развојне психолингвистике Миливоја Павловића (Павловић М. 1920). Интересовање за психолингвистику¹, које је дало низ одличних публикација Института за лингвистику у Новом Саду из области развојне психолингвистике, касније је изгубило на интензитету. Почеци бављења етнолингвистичким темама налазили су методолошко упориште првенствено у радовима Никите Толстоја (Толстој 1995; в. прегледни рад: Сикимић 2007), а теолингвистичка истраживања која су крајем XX века још била врло малобројна, распламсаће се у XXI веку, трудом, пре свега, Ксеније Кончаревић (в. Кончаревић 2015; Кончаревић и Петровић 2016).

22. Највише снаге утрошено је на социолингвистичку проблематику (Радовановић М. 1979; Нејлор 1996; Петровић Д. 1996, Радовановић, ур., 1996; Ковачевић 1997; Одбор за стандардизацију 1998–2000; Брборић 2000; Маројевић 2000 и др.; в. библиографски преглед у: Бугарски 2009), како теоријску, тако и дескриптивну и проблемску, а такође на полемике, које су, нажалост, често биле новинске и памфлетске, одн. покушаји политичких напада и моралног оцрњивања опонента, што је далеко од науке. Такве новинске текстове њихови аутори су понекад поново објављивали у ауторским зборницима. Узоран пример аргументованог побијања таквих напада представља књига: Ивић П. 2014. У време када је против Павла Ивића поводом књиге *Српски народ и његов језик* (1971) вођена политичка кампања иницирана од органа Савеза комуниста задужених за језичку и културну политику, и када му је полиција одузела пасош због наводног национализма, његови каснији опоненти нису србовали (као ни каснији борци за људска права) чувајући своје партијске позиције, да би га деведесетих година они нападали здесна оптужујући да изневерава националне интересе. То је једно од жалосних сведочанстава када се политика и лични интереси уплићу у живот науке, чега је у српској слависти највише било у вези са социолингвистичким темама. Ипак, то је остала маргинална појава у развоју српске лингвистичке славистике друге половине XX века, испуњеном великим прегнућима и крупним резултатима

ЛИТЕРАТУРА²

Алановић 2017: Алановић, Миливој. Српски језик у светлу контрастивно-типолошких истраживања // *Јужнословенски филолог*. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 355–388.

Белић 1901: Belić, Alexander. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv- und Amplificativsuffixe // *Archiv für slavische Philologie*, 1901, Bd. 23, S. 134–206.

Белић 1931: Белић, Александар. L'accent de la phrase et l'accent du mot // *TCLP*. – Br. IV (1931), str. 183–188.

Белић 1934: Белић, Александар. Језик и музика // *Наш језик*. – Бр. III, св. 6 (1934), стр. 161–166.

Бјелетић, ур., 2013: Ка изворима речи: Тридесет година Етимолошког одсека Института за српски језик САНУ: зборник радова. Приредила Марта Бјелетић. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2013.

Богдановић 2000: Богдановић, Недељко. Инвентар морфолошке проблематике призренско-тимочких говора // *Српски дијалектолошки зборник*. – Бр. XLVII (2000), стр. 309–335.

¹ Исп. Савић 1986; Васић С. 1994.

² За упућивања у тексту на посебне публикације објављене у периоду 1950–2000. године в. библиографију посебних публикација у књизи: П. Пипер, Прилози историје српске лингвистичке славистике: друга половина XX века. Београд: Чигоја штампа, 2018.

Бугарски 2009: Бугарски, Ранко. Селективна социоллингвистичка библиографија: СФРЈ / СРЈ / Србија: 1967–2007. – Београд: Народна библиотека Србија, 2009.

Бошковић 1936: Бошковић, Радосав. *Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници*. Београд 1936, 1–154. (Библиотека Јужнословенског филолога, 6)

Влајић-Поповић 2017: Влајић-Поповић, Јасна. Етимологија српског језика данас (уз осврт на јуче и поглед ка сутра) // *Јужнословенски филолог*. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 137–161.

Гортан Премк 2017: Гортан-Премк, Даринка. Српска лексикографија данас // *Јужнословенски филолог*. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 291–313.

Грицкат 1988: Грицкат, Ирена. Наука о српском језику код Срба у другој половини XIX века // *Наш језик*. – Књ. 27 (н. с), св. 5 (1988), стр. 295–323.

Грицкат 1996: Грицкат, Ирена. Наука о језику у делатности Академије // *Глас / САНУ*; књ. 379. Одељење језика и књижевности; књ. 15 (1996), стр. 1–83.

ДЈС 2002: Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе зборник радова. Нови Сад: Матица српска; Београд: САНУ: Институт за српски језик САНУ, 2002.

Драгићевић 2008: Драгићевић, Рајна. *Leksička semantika*. U knj. *Lingvistika Milke Ivić / ur. P. Piper i M. Radovanović*. Beograd: XX vek, 2008, str. 233–255.

Драгићевић 2007: Драгићевић, Рајна. *Лексикологија српског језика*. Београд: Завод за уџбенике, 2007. (Друго издање 2010)

Драгићевић 2010: Драгићевић, Рајна. *Leksička semantika u srbistici krajem 20. i početkom 21. veka*. U knj. *Srpska lingvistika = Serbische Linguistik / Eine Bestandsaufnahme*, herausgegeben von Christian Voß und Biljana Golubović. – München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010, str. 15–33.

Драгићевић, Рајна [ур.]: *Савремена српска лексикографија у теорији и пракси: колективна монографија / ур. Рајна Драгићевић*. Београд: Филолошки факултет, 2014.

Драгићевић 2017: Рајна Драгићевић. Српска лексикологија данас: садашње стање и перспективе // *Јужнословенски филолог*. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 259–290.

Драгичевић, Милан и Слободан Реметић 2001: Драгичевић, Милан. Реметић, Слободан. Српска дијалектологија на почетку XXI века. У књ. *Филозофско-филолошке науке на почетку 21. вијека: проблеми и правци развоја: зборник радова са научног скупа: Бања Лука, 7–8. децембра 2001. Бања Лука: Филозофски факултет у Бањој Луци, 2001, стр. 143–158. (Научни скупови; књ. 2)*

Иванова, Ценка и Алексић, Мариана 1999: Иванова, Ценка. Алексић, Мариана. *Српско-бугарски речник, тематски, хомонимни*. Велико Търново: Издателство ПИ, 1999.

Ивић М. 1963: Ивић, Милка. Репертоар синтаксичке проблематике у српскохрватским дијалектима // *Зборник за филологију и лингвистику*. – Бр. VI (1963), стр. 13–31.

Ивић М. 1975: Ивић, Милка. Лингвистика у овим садашњим, седамдесетим годинама // *Летопис Матице српске*. – Год. CLI, књ. 416, св. 6 (1975), стр. 827–832.

Ивић М., ур., 2005: Пипер, Предраг. Антонић, Ивана. Ружић, Владислава. Танасић, Срето. Поповић, Људмила. Тошовић, Бранко. *Синтакса савременог српског језика: проста реченица*. – У редакцији Милке Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Нови Сад: Матица српска, Београд: Београдска књига, 2005.

Ивић П. 1960: Ивић, Павле. Почетак организованог рада на лингвистичкој географији код нас // *Наш језик н. с.* – Бр. X, св. 3/6 (1960), стр. 101–107.

Ивић П. 1961–1962: Ивић, Павле. Број прозодијских могућности у речи као карактеристика фонолошких система словенских језика // Јужнословенски филолог. – Бр. XXV (1961–1962), стр. 75–113.

Ивић П. 1962–1963: Ивић, Павле. Инвентар фонетске проблематике штокавских говора // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. – Бр. VII (1962–1963), стр. 99–110.

Ивић и Лехисте 1963–1972: Ивић, Павле. Лехисте, Илсе. Прилози испитивању фонетске и фонолошке природе акцената у савременом српскохрватском књижевном језику // Зборник за филологију и лингвистику. – Бр. VI; Бр. VIII; Бр. X; Бр. XII; Бр. XIII, св. 2; Бр. XV, св. 1 (1963–1972).

Ивић П., ур., 1998: Огледна свеска / ур. Павле Ивић. Београд: Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ, 1998. (Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија; књ. 15)

Ивић П. 1994: Ивић, Павле. Неоакут на падинама Копаоника // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Бр. XXXVII (1994), стр. 249–256.

Ивић П. 2009: Ивић, Павле. Српски дијалекти и њихова класификација / приредио Слободан Реметић. Сремски Каровци: Издавачка књижевница Зорана Стојановића, 2009. (Библиотека Елементи ; бр. 81)

Ивић П. 1991: Ивић, Павле. Рад на лингвистичкој географији у Југославији. У књ. Из српскохрватске дијалектологије : изабрани огледи III. – Ниш : Просвета, 1991: стр. 49–66.

Ивић П. 2014: Ивић, Павле. Полемички и други сродни списи. – Приредила Рада Стијовић. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижевница Зорана Стојановића, 2014.

Ивић и Александер 1974: Ивич, П[авле]. Александер, Р[онела]. Рефонологизација количества гласног в качестве в одном юго-восточном сербском говоре. У књ. Общесловянский лингвистический атлас: материалы и исследования 1971. Москва : Наука, 1974, стр. 18–21.

Ивић и Реметић 1990: Ивић, Павле. Реметић, Слободан. Рефлекси акценатованих вокала *e* и *o* у говорима призренско-јужноморавског дијалекта на земљишту косовске покрајине // Косовско–метохијски зборник 1. Београд: Српска академија наука и уметности, 1990, стр. 163–173.

Јокановић-Михајлов 1983: Јокановић-Михајлов, Јелица. Природа узлазних акцената у прогресивнијим штокавским говорима // Српски дијалектолошки зборник. – Бр. XXIX (1983), стр. 297–338.

Јокановић-Михајлов 2006: Јокановић-Михајлов, Јелица. Акцент и интонација говора на радију и телевизији. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2006.

Јокановић-Михајлов 2012: Јокановић-Михајлов, Јелица. Прозодија и говорна култура. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2012.

Јокановић-Михајлов, Томић, Крајишник 1992: Јокановић-Михајлов, Јелица. Томић, Т. Крајишник, Весна. Утврђивање скупа базичних тонских карактеристика битних за реализацију комуникативних функција исказа. У књ. Зборник радова XXXVI конференције ЕТАН-а. Београд: Југословенски савез за електронику, телекомуникације, аутоматизацију и нуклеарну технику, 1992, стр. 19–26.

Клајн 1996: Клајн, Иван. Лексика. У књ. Српски језик на крају века / редактор М. Радовановић. Београд: Институт за српски језик Српске академије наука и уметности: Службени гласник, 1996.

Клајн и Шипка 2007: Клајн, Иван. Шипка, Милан. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2007.

Клајн и Пипер, ур., 2010: Контрастивна проучавања српског језика: правци и резултати / уредили Иван Клајн и Предраг Пипер. Београд: САНУ, 2010.

- Кончаревић 2015: Кончаревић, Ксенија. Поглед у теолингвистику. Београд: Јасен, 2015.
- Кончаревић и Петровић 2016: Кончаревић, Ксенија. Петровић, Срђан. Српска теолингвистика данас: истраживачки проблеми и резултати // Јужнословенски филолог, 72, св. 1–2 (2016), стр. 159–186.
- Милетић 1933: Милетић, Бранко. Изговор српскохрватских гласова: експериментално-фонетска студија // Српски дијалектолошки зборник. – Бр. V (1933), стр. 1–160.
- Милорадовић 2013: Милорадовић, Софија. Општесловенски лингвистички атлас и учешће српских дијалектолога: ентузијазам не мањи од знања // Јужнословенски филолог. – Бр. LXIX (2013), стр. 367–390.
- Милорадовић 2017: Милорадовић, Софија. Лингвистичка географија у Србији: језички записи на картама и њихово читање // Јужнословенски филолог. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 113–135
- Николић Б. 1966: Николић, Берислав. Упитник за испитивање акцента у штокавским говорима // Јужнословенски филолог. – Бр. XXVII, св. 1/2 (1966–1967), стр. 307–336.
- Николић Б. 1969: Николић, Берислав. Основне дијалекатске акценатске појаве у млађим новоштокавским говорима // Јужнословенски филолог. – Бр. XXVIII, св. 1/2 (1969), стр. 189–207.
- Николић Б. 1972: Николић, Берислав. Акценатски системи у штокавским говорима СР Србије // Јужнословенски филолог. – Бр. XXIX, св. 1/2 (1972), стр. 275–303.
- НССВД 1982: Лексичка и граматичка синонимија у српскохрватском језику: зборник радова // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Бр. 12, св. 1 (1982).
- НССВД 1992: Лексичко-семантички систем српскохрватског језика: зборник радова // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Бр. 22, св. 2 (1992).
- ОКДА 1987: Общекарпатский диалектологический атлас: вступительный выпуск. Скопје: Международная редакционная коллегия ОКДА, Совет Академии наук и искусств СФРЮ, Македонская академия наук и искусств, 1987.
- Павловић М. 1920: / Pavlovitch, Milivoje. Le langage enfantin: acquisition du Serbe et du Francais par un enfant serbe. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1920. 203 p.
- Павловић М. 1953а: Павловић, Миливој. Значење придева с наставком -аст и његових варијаната. Наш језик IV/1–2, 1953, стр. 9–24; IV/3–4, 1953, стр. 99–114; IV/5–8; 1953, стр. 175–195.
- Павловић М. 1953б: Павловић, Миливој. Апстрактне именице с наставком -ост. Наш језик IV/9–10, 1953, стр. 296–307.
- Павловић М. 1959: Павловић, Миливој. Дијалектолошки атлас и проблематика српскохрватског језика // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. – Бр. IV (1959), стр. 165–187.
- Павловић С. 2017: Павловић, Слободан. Српска историјска лингвистика на почетку XXI века // Јужнословенски филолог. – Бр. LXXIII, св. 3–4 (2017), стр. 163–205.
- Петровић Д. 1980: Petrović, Dragoljub. Srpskohrvatski jezik i Opštekarpatiski dijalektološki atlas // Zbornik Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica. – Br. XXX (1980), str. 195–199.
- Петровић Д. 1999: Петровић, Драгољуб. Две српске прозодијске нормe? У књ. Актуелни проблеми граматике српског језика. Суботица: Градска библиотека; Београд: Народна библиотека Србије: Институт за српски језик САНУ, 1999, стр. 227–231.
- Петровић и Гудурић 2008: Петровић, Драгољуб. Гудурић, Снежана. Неоакут на северном подножју Рудника. У књ. Зборник Института за српски језик САНУ: посвећено др

Драгу Ђупићу поводом 75-годишњице живота. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008, стр. 419–428.

Петровић и Гудурић 2010: Петровић, Драгољуб. Гудурић, Снежана. Фонологија српско-га језика. Београд: Институт за српски језик САНУ: Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2010.

Пецо 1970–1971: Пецо, Асим. Вук-Даничићеви акценатски принципи и наша стандардна прозодијска норма // Наш језик н.с. – Бр. XVIII, св.1/2 (1970–1971), стр. 93–102.

Пецо и Правица 1972: Пецо, Асим. Правица, Петар. О природи акцената српскохрватског језика на основи експерименталних истраживања // Јужнословенски филолог. – Бр. XXIX, св. 1–2 (1972), стр. 195–242.

Пијановић 2012: Пијановић, Петар. Српски културни круг: 1900–1918. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012.

Пипер 1983–1984: Piper, Predrag. Psiholingvistički aspekt opozicije “unutra / spolja” kao mogućeg konstitutivnog faktora sistema semantičkih kategorija // Godišnjak Saveza društava za primenjenu lingvistiku Jugoslavije (Sarajevo). – 7/8 (1983–1984), стр. 223–230.

Пипер 1998: Пипер, Предраг. Српска лингвистичка славистика деведесетих година XX века // Зборник Матице српске за славистику. – Бр. 54/55 (1998), стр. 9–44.

Пипер 1991: Пипер, Предраг. Увод у славистику. Књ. 1. Београд: Филолошки факултет, 1991.

Пипер 2000: Пипер, Предраг. О типолошким истраживањима у српској лингвистичкој славистици // Славистика. – Бр. IV (2000), стр. 17–24.

Пипер 2006: Пипер, Предраг. О когнитивнолингвистичким и сродно усмереним проучавањима српског језика // *Когнитивнолингвистичка проучавања српског језика*. – Ур. П. Пипер. Београд: САНУ, 2006, стр. 7–47. (Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија; књ. 1)

Пипер 2017: Пипер, Предраг. О српској лингвистичкој русистици друге половине XX века // Универзитетска славистика : традиције, савремено стање, перспективе. Ур. К. Кончаревић. Београд: Филолошки факултет, 2017, стр. 341–359.

Пипер, ур., 2010: Малцијева, Вјара. Тополињска, Зузана. Ђукановић, Маја. Пипер, Предраг. *Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције* / у редакцији Предрага Пипера. Београд: Београдска књига, 2009. (Библиотека Пут у речи / [Београдска књига]; књ. 15)

Поповић, Људ. 2017: Поповић, Људмила. Актуелна питања когнитивнолингвистичких проучавања српског језика // Јужнословенски филолог. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 315–354.

Ракић-Милојковић 1995: Ракић-Милојковић, Софија. Синтаксички упитник за говоре косовско-ресавске и призренско-тимочке дијалекатске зоне // Српски дијалектолошки зборник. – Бр. XLI (1995), стр. 521–570.

Реметић 1997: Реметић, Слободан. Српски језик у лингвистичким атласима // Славистика. – Бр. I (1997), стр. 116–120.

Реметић 2007: Реметић, Слободан. Шездесет година дијалектологије у Институту за српски језик. У књ. Шездесет година Института за српски језик САНУ I: зборник радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007, стр. 179–193.

Реметић 2017: Реметић, Слободан. Српска дијалектологија јуче, данас и сутра // Јужнословенски филолог. – Бр. LXXIII, св. 3/4 (2017), стр. 85–112.

Савић С. 1986: Savić, Svenka. Psiholingvistika kod nas // Filologija / Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Razred za filološke znanosti, br. 14, 1986, стр. 205–305.

Савић С. 1986: Savić, Svenka. Razvojna psiholingvistika: (odabrana i komentarisana literatura za period od 1970–1975). Novi Sad: Institut za lingvistiku, 1976.

Сикимић 2007: Сикимић, Биљана. Етнолингвистика у Србији: од реконструкције културе до теренских истраживања / Биљана Сикимић. Свет речи. Год. 11, бр. 23–24 (2007), стр. 37–42.

Станојчић 2011: Станојчић, Живојин. Београдска (Белићева) лингвистичка школа. У књ. Српска енциклопедија. Т. 1, књ. 2. Нови Сад: Матица српска; Београд: САНУ: Завод за уџбенике, 2011.

Тутњевић 2016: Тутњевић, Станиша. Српски културни наратив. Београд: Свет књиге, 2016.

Чаркић 1995: Чаркић, Милосав. Стилистика на српском језичком подручју: кратак историјски преглед // Наш језик. – Бр. XXX, св. 1/5 (1995–1996), стр. 109–121.

Чаркић 1997: Чаркић, Милосав. Србская лингвистика текста // Stylistyka (Opole). – Бр. 6 (1997), стр. 541–564.

Сведения об авторе:

Предраг Пипер,
доктор
професор
Филолошки факултет
Универзитет у Београду

Predrag Piper,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology
University of Belgrade

predrag.piper@ya.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

И.В. Матыцина, Т.Д. Чернякова (Москва, Россия)

О некоторых способах передачи значений шведских глаголов с поствербами в русском и нидерландском языках

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые способы передачи значений шведских глаголов с поствербами, имеющими значение направления движения, в нидерландском и русском языках. Материалом для исследования послужил текст «Легенд о Христе» классика шведской литературы Сельмы Лагерлёф и его переводы на нидерландский и русский языки. Наиболее продуктивным способом, который применяется обоими переводчиками, можно считать использование наречий и локативных предложных сочетаний с соответствующей семантикой.

Ключевые слова: Нидерландский язык, шведский язык, перевод, глаголы с поствербами

I.V. Matytsina, T.D. Cherniakova (Moscow, Russia)

Some Ways of Expressing the Meaning of Swedish Verbs with Postverbs in Russian and Dutch

Abstract: The article deals with some ways of expressing the meaning of Swedish phrasal verbs with postverbs of direction in Dutch and Russian. The text under study is 'Christ Legends' by Selma Lagerlöf, a classic writer of Swedish literature, and their translation into Dutch, as well as Russian. The most productive way of rendering phrasal verbs used by both translators is by means of adverbs and locative prepositional combinations with corresponding semantics.

Key words: the Dutch Language, the Swedish Language, translation, phrasal verbs with postverbs

В настоящей статье рассматриваются некоторые способы передачи значений шведских глаголов с поствербами в нидерландском и русском языках. Материалом для исследования послужил текст «Легенд о Христе» классика шведской литературы Сельмы Лагерлёф (1904 г.) и его переводы на нидерландский и русский языки. Данное произведение является образцом классического литературного языка, в котором отсутствуют просторечные формы.

В шведском языке в качестве постверба могут выступать короткие наречия, обычно выражающие направление движения (*upp* – вверх, *ner* – вниз), и предло-

ги [Teleman 1999: 411]. Глагол и присоединяемый к нему постверб образуют просодическое и семантическое единство [Teleman 1999: 420], причем ударение принимает на себя не глагол, а постверб. Это помогает различить сочетание глагола с предлогом или наречием от глагола с поствербом: *hälsa på (ngn)* – «здороваться с (кем-либо)» и *hälsa på (ngn)* – «навестить, посетить (кого-либо)». Семантическое единство видно на втором примере: значение глагола с поствербом обычно не выводится напрямую из значения каждой из частей.

Возникает вопрос: есть ли в нидерландском и русском языках конструкция, близкая глаголам с поствербами, которую можно использовать в качестве устойчивого переводческого эквивалента? Мы считаем, что в нидерландском языке такая конструкция есть: это глаголы с отделяемыми компонентами. Отделяемый компонент может восходить к различным частям речи, не только к предлогам или наречиям, но и к существительным, прилагательным и даже глаголам [Миронов 2001: 118]. Однако поскольку шведские поствербы коррелируют только с предлогами или наречиями, мы рассматриваем лишь такие отделяемые компоненты, которые восходят к этим же частям речи.

В русском языке есть несколько способов передачи значений, выражаемых шведскими глаголами с поствербами.

1) морфологические:

– приставочный (шв. *vandra förbi* – пройти мимо – значение «движение мимо чего-либо» > рус. *проходить*),

– приставочно-суффиксальный (шв. *hoppra till* (постверб *till* выражает внезапное однократное действие) > рус. *подпрыгнуть*).

2) лексические:

– использование глагола, содержащего в себе ту же сему (например, фазовые глаголы для выражения инхоативности),

– использование наречий или предложных конструкций, выражающих, например, направление движения.

В отношении переводческих стратегий, связанных с поиском соответствий шведским глаголам с поствербами, нидерландский и русский переводы получились очень разными. Конечно, в первую очередь это связано с тем, что нидерландский как язык германской группы гораздо ближе к шведскому, чем русский. Это можно продемонстрировать на следующем примере:

(шв.) *Kvinnan lade utmattad ned barnet...*

(нл.) *De vrouw legde uitgeput het kind neer...*

(рус.) Женщина в изнеможении опустила ребенка на землю...

Легко заметить, что перевод на нидерландский является буквальным. Единственное различие между нидерландским переводом и шведским оригиналом заключается в месте, которое в предложении занимает постверб *ned* и соответствующий ему отделяемый компонент *neer*. Это связано с тем, что в нидерландском действуют другие правила порядка слов: личная форма глагола и отделяемый компонент должны образовывать «рамку», в то время как для шведского характерно контактное расположение глагола и постверба. Также различается место определенного артикля, поскольку в шведском он является суффицированным, а в нидерландском – нет.

Среди значений, которые могут передавать глаголы с поствербами, выделяются значения дуративности, инхоативности, комплементарности, неполноты действия, результативности, повторяемости и другие. Больше половины встретившихся нам примеров составили предложения, в которых глаголы с поствербами имеют значение направления движения.

Мы бы хотели подробнее рассмотреть переводы шведских глаголов с поствербами, выражающими направление движения вверх и вниз. Можно предположить, что в нидерландском языке им в большинстве случаев будут соответствовать глаголы с отделяемыми компонентами, а в русском – приставочные глаголы. В таблице 1 приведены возможные соответствия между рассматриваемыми языками.

Таблица 1

Шведский	Нидерландский	Русский
<i>Upp</i>	<i>boven, op</i>	<i>вз-, воз-, под-</i>
<i>ner (ned)</i>	<i>neer (neder), onder</i>	<i>низ-, с-</i>

Однако оказалось, что если нидерландский переводчик действительно часто выбирает в качестве соответствия глагол с отделяемым компонентом, то ни в одном из имеющихся русских примеров не был использован соответствующий приставочный глагол. Какие же способы использовал русский переводчик? Чаще всего он выбирал такой глагол, семантика которого включала в себя значение, выражаемое поствербом, в частности, в уже рассмотренном выше примере:

1. Kvinnan *lade* utmattad **ned** barnet...

De vrouw *legde* uitgeput het kind **neer**...

Женщина в изнеможении *опустила* ребенка **на землю**...

Глагол *опустила* содержит в себе сему «движение вниз», но переводчик также использует лексическое средство (**на землю**), усиливающее это значение. Глагол «опустить» означает «переместить в более низкое положение» [Ожегов, Шведова 2006: 457], но в нем нет семы результативности, предельности, которая есть в шведском *lägga ned* («положить»): «опустить» что-либо можно чуть-чуть и при этом продолжать этот предмет держать, в то время как «положить» – действие конечное. Поэтому русский переводчик использует локатив **на землю** для передачи завершенности действия.

Интересен тот факт, что к подобному приему иногда прибегает и нидерландский переводчик:

2. Mannen *kastade sig* **ned** bredvid henne...

De man *wierp* zich naast haar **op den grond**...

Мужчина *бросился* **на песок** возле нее...

Глагол «броситься», использованный во всех трех случаях, означает «быстро устремиться» [Ожегов, Шведова 2006: 60], но это движение является неспецифицированным: можно броситься наутек (= убежать), можно броситься на кого-либо (= напасть) и т. д. Чтобы указать направление движения, в шведском языке используется постверб **ned**, указывающий на движение вниз. В нидерландском

употребляется словосочетание *op den grond* («на землю»), в русском – *на песок*. Оба варианта являются обоснованными, поскольку действие новеллы происходит в пустыне. Русский переводчик использует прием конкретизации («на песок» вместо «на землю») для того, чтобы передать локативное значение, выраженное шведским поствербом.

Вот еще один пример переводческой трансформации:

3. Då mannen var nära nog framme vid elden, såg herden *upp*.

Toen de man bijna bij 't vuur was, zag de herder *op*.

Когда человек подошел достаточно близко к огню, пастух *поднял голову*.

В русском тексте движение вверх передано, но в несколько измененном виде. В шведском оригинале и в нидерландском переводе используется глагол «видеть» (дословно: герой «посмотрел вверх»), иными словами, «поднял глаза». В русском переводе он *поднял голову*. Мы видим, что переводчик использует прием логического развития: вместо части («глаза») он использует целое («голова»). Значение «движения вверх» передано уже самим глаголом *поднять*, который означает «переместить наверх» [Ожегов, Шведова 2006: 538].

В некоторых случаях переводчики используют глаголы с более широкой или более узкой, специфицированной семантикой.

Рассмотрим случаи использования глаголов с более широкой семантикой. В переводе на русский язык нередко используется глагол «достать» вне зависимости от того, говорится в оригинале о движении вниз или о движении вверх. Глагол «достать» имеет ярко выраженное значение результативности, которое в оригинале не является основным, оно вторично по отношению к значению «движение вверх», к определенной высоте (пример 4) или движению вниз к цели, расположенной ниже уровня земли (пример 5).

4. ...men hur skulle väl människor kunna *nå upp* till en sådan svindlande höjd?

...maar hoe zouden de menschen ooit tot zulk een duizelingwekkende hoogte *op* kunnen klimmen?

...но как *достать* их людям на такой головокружительной высоте.

5. ...rötter, som *nå ned* till de aldrig sinande vattenådrorna.

...wortels... , die bij de nooit verdrogende wateraren *kunnen komen*...

...корней, *достающих* до никогда не иссякающих родников.

В нидерландском языке в примере 4 используется соответствующий отделяемый компонент (*op*), выражающий движение вверх. Также в текстах на всех трех языках используется слово «высота», которое само по себе указывает на направление движения вверх. Таким образом, можно сказать, что постверб *upp* и его нидерландское соответствие отделяемая частица *op* дублируют и усиливают семантику локатива *höjd* («высота»).

В примере 5 в переводе произошло искажение: и в нидерландском, и в русском варианте вместо движения вниз, по вертикали, передано движение вдаль – по горизонтали.

6. Han funderade och grubblade hur han skulle *få ned* dadlarna.

Он ломал голову над тем, как бы ему *достать* финики.

В примере 6 нидерландский вариант перевода отсутствует, а в русском предложении смещается фокус описания ситуации. В оригинале используется каузативная конструкция *få ned dadlarna* («сделать так, чтобы финики оказались внизу», «опустить финики»), движение идет сверху вниз, внимание читателя фокусируется на конечном положении фиников. В русском внимание читателя обращено на движение снизу вверх, которое должен совершить человек, чтобы «достать» финики. Использование в данном случае глагола «сорвать» позволило бы точнее передать семантику оригинала, а именно вектор движения сверху вниз.

7. Hon har i stor brådska *ryckt* det *upp* ur dess bädd och rusat bort med det.

Zij heeft het in groote haast uit zijn bedje *genomenen* is er mee weggesneld.

Она *схватила* его, в чем он был, с постельки и стремительно бежала с ним.

В примере 7 мы видим три разных варианта передачи одного и того же действия: «выдернуть» в шведском, «взять» в нидерландском и «схватить» в русском. Ни в одном из переводов не передано значение постверба *upp*, однако переведена предложная конструкция *ur dess bädd* («из его постельки»), которая в оригинале также указывает на движение снизу вверх. В русском переводе вместо «из постельки» используется «с постельки»: таким образом, вектор движения направлен не снизу вверх, а параллельно земле. В обоих переводах действие упрощается: в нидерландском героиня просто «взяла» своего ребенка (использован глагол с более широкой семантикой), в то время как в русском использован глагол *схватить*, который означает «взять быстрым, резким движением» [Ожегов, Шведова 2006: 782]. В нем передано значение резкости, которое есть и в шведском *rycka upp*, но схватить всё равно является менее экспрессивным глаголом. Более точным семантическим соответствием здесь мог бы быть глагол «выхватить» или «выдернуть», но сочетание «выдернуть ребенка» стилистически неудачно и диссонирует с общим тоном повествования.

Следующий пример иллюстрирует использование в переводе глагола с более узкой семантикой, чем в оригинале.

8. Då *steg* mannen *upp* på djurens ryggar och vandrade på dem fram till elden.

Toen *sprong* man op de ruggen van de dieren en liep naar het vuur.

Тогда он прямо по их спинам *пошел* вперед, к костру.

В примере 8 в русском переводе глагол с поствербом *stiga upp* «подняться» опущен, от этой части предложения остался лишь локатив *på djurens ryggar* «по их [животных] спинам»: переводчик передал содержание фразы, но при этом сжал ее синтаксически, оставив из двух однородных сказуемых (*steg upp och vandrade*) только одно – «пошел». В нидерландском переводе используется глагол *springen*, который означает «прыгать», т. е. получается, что герой «(за)прыгнул» на спины животных. Данный глагол по своей семантике передает значение движения вверх, однако «(за)прыгнуть» выражает более специфицированное действие по сравнению с оригинальным шведским глаголом *stiga* – «подняться, взойти» с до-

стоинством и без усилий, в то время как «(за)прыгнуть» выражает более резкое действие, требующее определенных усилий.

Таким образом, мы видим, что русский и нидерландский переводчики чаще используют разные стратегии для передачи значений шведских глаголов с поствербями. Типологическая близость нидерландского и шведского языков приводит к тому, что в большинстве случаев нидерландский переводчик ищет соответствия среди глаголов с отделяемыми компонентами. Но в русском языке такого простого решения не существует. Как мы видим, русский переводчик обычно выбирает глагол, в семантике которого содержится локативное значение, выражаемое поствербом. Действие, выражаемое данным глаголом, может быть более или менее специфицированным по сравнению с глаголом, использованным в оригинале. Также в обоих переводах используются различные дополнительные лексические способы передачи локативного значения: использование наречий или предложных конструкций со значением направления движения, приемы конкретизации и логического развития.

Помимо передачи лексических значений шведских поствербов, переводчики столкнулись с проблемой выражения предельности / неопределенности действия. В шведском языке многие глаголы могут выражать как незавершенное действие, так и завершенное. В случае перевода на нидерландский передача аспектуального значения глагола не представляет особой сложности, поскольку значительная часть нидерландских глаголов также может выражать и предельное, и неопределенное действие. В русском языке такое невозможно: переводчик всегда должен сделать выбор между глаголом совершенного вида и глаголом несовершенного вида. Если в оригинальном шведском тексте есть какие-либо указания на характер протекания действия, задача переводчика облегчается. Однако если никаких указаний на аспектуальность нет, всё зависит от самого переводчика и от того, как он лично интерпретирует переводимый им текст.

ЛИТЕРАТУРА

Лагерлёф С. Легенды о Христе. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2001. 223 с.

Миронов С.А. Нидерландский (голландский) язык: Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием. Калуга: Эйдос, 2001. 140 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Lagerlöf S. Kristuslegender. Stockholm: Alb. Bonniers Boktryckeri, 1904. 247 p.

Lagerlof S. Christus Legenden. Amsterdam: H.J.W. Becht, 1904. 199 p.

Teleman U. Svenska Akademiens Grammatik. Volym 3: Fraser. Stocholm: Norstedts, 1999. 704 p.

REFERENCES

Lagerlöf S. (1904) Kristuslegender. Stockholm. Alb. Bonniers Boktryckeri. 247 p.

Lagerlof S. (1904) Christus Legenden. Amsterdam. H.J.W. Becht. 199 p.

Lagerlöf S. (2001) Christ Legends. Moscowю ROSMAN-Press Publ. 223 p.

Mironov S.A. (2001) The Dutch (Holland) Language. A Grammar Essay, Literary Texts with Comments. Kalugaю Eidos Publ. 140 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2006) Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Phraseological Expressions. Moscow. A TEMP Publ. 944 p.

Teleman U. (1999) Svenska Akademiens Grammatik. Volym 3: Fraser. Stocholm. Norstedts.
704 p.

Сведения об авторах:

Ирина Витальевна Матыцина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Matytsina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
imatits@gmail.com

Таисия Дмитриевна Чернякова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Taisiia D. Cherniakova,
Bachelor Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kuingi@mail.ru

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

**Искусство экфрасиса.
Современная и классическая скульптура в оценке И.С. Тургенева¹**

Аннотация: В статье рассматриваются относящиеся к разным периодам творчества И.С. Тургенева критические отклики на работы современников писателя, скульпторов И. Витали и М. Антокольского, и античных мастеров.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, экфрасис, скульптура, очерк, И. Витали, М.М. Антокольский, Пергамский алтарь

A.A. Pautkin (Moscow, Russia)

**The Art of Ekphrasis.
Modern and Classical Sculpture in the Assessment of Ivan Turgenev**

Abstract: The article deals with Turgenev's critical responses on sculptural works of his contemporaries – Ivan Vitali and Marc Antokolsky – and ancient masters.

Key words: Ivan Turgenev, ekphrasis, sculpture, essay, Ivan Vitali, Marc Antokolsky, Pergamon altar

Описание того или иного художественного объекта – явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое. Однако в нашей книжной традиции подобные тексты долгое время были редки и скованы существовавшим литературным обычаем. Древнейшие попытки воспроизведения в слове статуи, монумента связаны со средневековым жанром хождения. Странники стремились, как могли, передать увиденное на чужбине. На Руси не знали трехмерной пластики, поэтому экзотические скульптуры поражали наблюдателей, которые зачастую затруднялись подобрать необходимые выразительные средства. Пожалуй, самым ранним описанием такого рода может считаться опыт некоего Стефана Новгородца, который в 1349 г. кратко обрисовал константинопольскую конную статую императора Юстиниана, утраченную после падения Византии. В новое время специальное описание конкретного произведения искусства стало материалом очерка, статьи, письма или рецензии. Обладая определенной художественностью, эти тексты, безусловно, отличаются от соответствующих поэтических образов, ставших, на-

---

¹ В основе публикации доклад, прочитанный на Ломоносовских чтениях (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, апрель 2018 г.).

пример применительно к творчеству А.С. Пушкина, предметом известного исследования Романа Якобсона¹.

И.С. Тургенев, живо интересовавшийся событиями в мире искусства, еще в 1847 г. в «Современных заметках» создает любопытный экфрасис: побывав в мастерской Ивана (Джованни) Витали, он знакомит читателя с работами скульптора. Религиозные по тематике и предназначению произведения удостоились весьма высокой оценки: «<Витали> до того прост, грациозен, величав и трогателен, что мы решительно ставим его выше всех современных ваятелей, всех ваятелей нынешнего столетия» (11, 277)². Внимание автора привлечено как к уже законченным фрагментам скульптурного декора Исаакиевского собора, который будет **освящен более чем десятью годами позже, в 1858 г.**, так и к отдельным моделям. Витали не был единственным скульптором, работавшим над убранством собора. Его произведения украшают южный и западный фронтоны. Однако Тургенев говорит только о работах этого мастера. Некоторые из них были изготовлены еще в начале 1840-х гг. (например, «Поклонение Волхвов», «Святой Исаакий Далматский»). По мысли писателя, у Витали отсутствует «театральность» и «стремление к эффектам», присущие многим современным художникам. От внимания критика не ускользают детали барельефов («мастерство драпировки»), совершенство композиции («связь отдельных лиц в одно целое») и даже согласование изображений с инженерными решениями зданий (фигуры выстраиваются в соответствии с «покатостью верхних линий»).

Эмоциональность оценок с особой наглядностью проявляется в смелых сравнениях достижений Витали с гигантами европейского искусства. Так, от группы «“Богородица с Христом и Иоанном Крестителем” веет Рафаэлем (а именно, его Альбской мадонной)» (11, 276). Гармония фигур на фронтонах совершеннее, чем у Лемера и Давида (фронтоны Мадлены и Пантеона). Живость изображений сопоставима с наследием Пуссена. И хотя Тургенев не мог видеть фигур апостолов, находящихся в отливке, он выражает надежду «на победу нашего соотечественника над Торвальдсеном» (11, 273).

Спустя много лет, в феврале 1871 г., для читателей «Санкт-Петербургских ведомостей» Тургенев напишет «Заметку о М.М. Антокольском». Мнение писателя о скульптуре, изображающей царя Ивана Грозного, будет способствовать известности молодого мастера. Вот как оценивает работу скульптора Тургенев: «По силе замысла, по мастерству и красоте исполнения, по глубокому проникновению в историческое значение и самую душу лица, избранного художником, – статуя эта решительно превосходит все, что являлось у нас до сих пор в этом роде» (11, 377). В «Заметке» удивительно точно определяется суть художественного видения Антокольского: «характерно-психологическая живописно-историческая школа ваяния» (11, 378).

Разбирая произведение скульптора, писатель обращает внимание на мельчайшие детали: от понурой позы сидящего царя, выражения его лица – до положения пальцев; от одежд и посоха – до раскрытого Евангелия на коленях. Сочетание власти, «застарелой злобы» и раскаяния, «вседневного» и трагического не ускользает от зоркого взгляда критика. Обманчива эта «ужасная и мрачная задумчивость» (из письма Полине Виардо, февраль 1871 г.; 11, 538). «Он собирается встать, этот ста-

¹ См.: Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 145–180.

² Здесь и далее произведения И.С. Тургенева цит. по изд.: Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1954–1958. Том и страница указываются в скобках.

рый, злой, больной человек». И как уместен здесь риторический вопрос: «И что он станет делать, как встанет? Пытаться? Молиться? Или пытаться и молиться?»

Тургенев обратил внимание на характерные особенности манеры Антокольского. При этом он не узнает уже многих других работ скульптора, которому суждено будет прожить еще долгую творческую жизнь. Действительно, художник любит и умеет создавать образ сидящей модели. Вспомним «Смерть Сократа», «Нестора-летописца», «Спинозу», «Христианскую мученицу» или «Александра III». Как и в описании барельефов Витали, здесь проводится сравнение подобного художественного решения с мировым опытом. В данном случае это широко известная мраморная статуя сидящего Вольтера работы Гудона. Аналогия служит подтверждением мнения рецензента о превосходстве мрамора как материала. (Тургенев выступал против отливки этой статуи из бронзы.)

Строки этого экфрасиса свидетельствуют о тончайшем проникновении в суть замысла художника. Образ грозного царя, действительно, в значительной степени будет формироваться у последующих поколений под влиянием этой скульптуры. Недаром Тургенев восклицает: «Невозможно представить себе Грозного иначе, чем каким его подстерегла творческая фантазия г. Антокольского!» (11, 378)

Заметим, что одна из наиболее известных скульптур Антокольского вызвала у Тургенева пусть и беглое, но достаточно едкое замечание. Она совершенно ему не понравилась и не удостоилась какого-либо описания. Возможно, причиной пренебрежительной оценки стало то, что писатель не видел подлинника, а судил о результатах работы скульптора по фотографии. Речь идет об изображении Петра I. Это произведение впоследствии будет растиражировано, превратившись в памятники царю-реформатору, воздвигнутые во многих городах – от Петергофа и Архангельска до Таганрога. Они не могут соперничать с Медным Всадником, впервые литературно воссозданным А.Н. Радищевым в «Письме другу, жителюствующему в Тобольске», но оцениваются весьма высоко. Вспомним хотя бы настойчивое стремление А.П. Чехова получить увеличенную копию этой скульптуры к 200-летию Таганрога в 1898 г. В письме из Франции городскому голове П.Ф. Иорданову Чехов восторженно характеризует скульптуру: «Статуя изображает настоящего Петра, и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного»¹. За два с половиной десятилетия до этого Тургенев, внимательно следивший за творчеством Антокольского, увидел иное. В письме 1872 г. С.К. Брюлловой писатель замечает: «Петр Антокольского (я видел большую фотографию) совершенно неудачен и именно похож на брандмайора» (12, 446). Известно, что широкий успех к этой работе придет позже, а в начале 1870-х гг. общественность находилась под впечатлением менее официального изображения – царя Ивана, лишенного автором державности и горделивой осанки.

Антокольский создавал своего царя Ивана примерно тогда же, когда в пореформенной России появилась целая серия литературных произведений об этом правителе и его эпохе. Это первый знаковый пик интереса к грозному царю в культуре нового времени. Здесь статистически лидирует драматургия, хотя появляются произведения и иных жанров². В значительной степени они опираются на характеристики личности Ивана IV, предложенные Н.М. Карамзиным. Кстати, Тургенев еще в

¹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М., 1957. С. 224. Чехова восхищала и другая работа скульптора – «Голова Христа» под названием «Последний вздох», предназначенная для Таганрогского музея.

² Подробнее об этом см.: Пауткин А.А. Иван Грозный: интермедальность и трансформация образа // RUS – Revista de Literatura e Cultura Russa. 2016. Т. 5. № 5.

середине 1840-х гг., оценивая драму С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова», осторожно замечал: «Со всем уважением к знаменитому историографу мы осмеливаемся думать, что он, – так же, как из лица Грозного, – сделал из Ляпунова лицо фантастическое» (11, 58). Столь массового интереса к фигуре Ивана до той поры не было. Так что, в отличие от Петра, давно и прочно вошедшего в официальный пантеон почитаемых правителей прошлого, Грозный еще не стал тем историческим персонажем, каким его сделает век XX. Это свежая тема, образ, вызывающий глубокие раздумья. Возможно, поэтому Тургенев не заинтересовался близкой по времени появлению на выставке в Академии художеств, но иной по пафосу статуей Петра Великого.

Писатель, привлечший в свое время внимание общественности к молодому скульптору, не только был дружен с Антокольским, но и позировал ему. Известен скульптурный портрет Тургенева, датируемый 1880 г. Тем более любопытно его мнение, высказанное в частном письме из Парижа за пять лет до этого. Письмо адресовано вдове товарища министра внутренних дел Н.А. Милютину: «Радуюсь, что Антокольский взялся за Пушкина, и не удивляюсь, что бюст Вашего мужа ему не удался: портрет не по его части» (12, 476). Судя по всему, Тургенев не связывал талант Антокольского с малыми формами, отдавая предпочтение работам, которые обессмертили имя скульптора. Остается лишь пожалеть о том, что писатель не увидел «Нестора-летописца» (1890).

Тургеневский скульптурный экфрасис удивительно разнообразен. Это не только отклик на произведения современников: на религиозное по тематике наследие Витали или описание реалистического творения Антокольского, скульптора уже другого поколения. Нельзя не упомянуть тонкий анализ артефактов эллинистического периода. В «Вестнике Европы» за 1880 г. был опубликован этюд «Пергамские раскопки». Этот поздний текст, занимающий несколько страниц, можно назвать динамическим экфрасисом. Конечно, писатель не воссоздает поэтапно работу античных мастеров. Рассказ о малоазиатских находках, принадлежащих III в. н. э., исключает подобные наблюдения. Читатель становится как бы участником реконструкции Пергамского алтаря. В Берлине Тургенев наблюдал лишь начальную стадию этой реконструкции, когда вывезенные в Пруссию и пронумерованные фрагменты большого фриза только предварительно выкладывались на горизонтальной поверхности в залах Музеума. В дальнейшем работа будет вестись долгие годы. Публика пока могла «с высоты небольших подмостков, окружающих лежащие мраморы», составить предварительное суждение «о том, какое поразительное зрелище представят эти горельефы, когда, сплоченные и воздвигнутые вертикально в особенно для них устроенном здании, они предстанут перед удивленными взорами нынешних поколений» (11, 389). Писатель восторгается творениями греков, «этих аристократов человеческой породы» (11, 399), от их изображений «Микель-Анджело пришел бы в восторг». Гигантомахия по памяти воссоздается писателем в деталях и подробностях. «Красивейшие человеческие тела во всех положениях, смелых до невероятности, стройных до музыки, – все эти разнообразнейшие выражения лиц, беззаветные движения членов, это торжество злобы, и отчаяние, и веселость божественная, и божественная жестокость – все это небо и вся эта земля», весь этот мир вызывает, по словам писателя, «страстное благоговение» (11, 400). В финале тургеневского очерка есть такие слова: «Эта прелестная голова до того кажется, по выражению, нам современною, что, право, невольно думаешь, что она и Гейне читала, и знает Шумана» (11, 402). Завершается описание «Битвы богов с гигантами» возвышенно и одновременно

печально: «Выходя из Музеума, я подумал: “Как я счастлив, что я не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это!”» (11, 402)

Таким образом, на разных этапах своего творчества Тургенев неизменно интересовался пластическим искусством, безошибочно определяя ведущие тенденции и ярчайшие образы в работах современных ему ваятелей. В основе его скульптурного экфрасиса – знание европейского искусства начиная с Античности. Воссоздавая в слове конкретное произведение, Тургенев словно бы вновь делал его многомерным. Внешние очертания, материал, динамика фигур, композиция, эмоциональное впечатление – все это подвластно перу писателя. Кроме того, читатель получал краткие, но весьма полезные биографические сведения о художнике, деликатно дополняющие рассказ о его творении.

ЛИТЕРАТУРА

Пауткин А.А. Иван Грозный: интермедиальность и трансформация образа // *RUS – Revista de Literatura e Cultura Russa*. 2016. Т. 5. № 5. С. 12–18.

Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Художественная литература, 1956. 571 с.

Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1958. 695 с.

Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1957. 868 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.; [12] л. ил.

REFERENCES

Pautkin A.A. Ivan the Terrible: Intermedia and Transformation of the Image. *RUS – Revista de Literatura e Cultura Russa*. 2016. Vol. 5. No 5, pp. 12–18.

Turgenev I.S. Complete Works and Letters: In 12 vols. Vol. 11. Moscow. Khudozshestvennaya Literatura Publ. 1956. 571 p.

Turgenev I.S. Complete Works and Letters: In 12 vols. Vol. 12. Moscow. Khudozshestvennaya Literatura Publ. 1958. 695 p.

Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 12 vols. Vol. 12. Moscow. Khudozshestvennaya Literatura Publ. 1957. 868 p.

Yakobson R. (1987) Works on Poetics: Translations / Comp. and ed. by M.L. Gasparov. Moscow. Progress Publ. 464 p.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

apautkin@yandex.ru

О.Д. Тюняева (Москва, Россия)

**Соотношение случая и эксперимента в малой прозе И.С. Тургенева:
«студия типа» «Стук... стук... стук!..»**

Аннотация: В статье рассматривается соотношение случая и эксперимента в сюжетной структуре «студии» И.С. Тургенева «Стук... стук... стук!..», что имеет прямое отношение к ее жанровой специфике. Доказывается, что случай и эксперимент дублируются. С одной стороны, случайный стук, благодаря которому завязывается действие, перерастает в эксперимент рассказчика над главным героем, с другой – герой верит в великий случай, который им руководит, и математически рассчитывает свою жизнь по наполеоновской схеме. Функция случая в «студии» оказывается сложнее, чем в рассказе: случайный стук, с которого начинается действие, не является на самом деле основным событием, но способен выявить в человеке внутренние пружины его поступков. В «Стук... стук... стук!..» таким поступком является типично русское самоубийство, как его понимает писатель.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, студия, студия типа, сюжет, композиция, случай, эксперимент, наполеонизм, самоубийство

O.D. Tyunyaeva (Moscow, Russia)

**Correlation of the Event and Experiment in Ivan Turgenev's Small Prose:
“Studio of a Type” “Knock... Knock... Knock!”**

Abstract: The article deals with the relationship between the event and the experiment in the plot structure of the Turgenev's “studio” named “Knock... knock... knock!”, which has a direct relation to its genre specificity. It is proved that the event and the experiment are duplicated. On the one hand, the occasional knock, due to which the action is tied up, grows into narrator's experiment on the main hero, on the other — the hero believes in the great event that guides him, and mathematically calculates his life according to the Napoleonic scheme. The function of the event in the “studio” proves to be more complicated than in the story: the random knocking, with which the action begins, is not in fact the main event, but it can reveal in the person the inner springs of his actions. The writer understands such a deed in “Knock... knock... knock!” as typically Russian suicide.

Key words: Ivan Turgenev, studio, studio of a type, plot, composition, case, experiment, Napoleonism, suicide

И.С. Тургенев закончил работу над текстом «Стук... стук... стук!..» в 1870 г., а годом позже его новое сочинение было опубликовано в журнале «Вестник Европы». Современная писателю русская публика мало внимания уделяла позднему творчеству Тургенева, не стала исключением и «студия типа», как сам писатель называл «Стук... стук... стук!..». Характерно в этой связи замечание П.В. Анненкова, постоянного советчика Тургенева, который в письме к М.М. Стасюлевичу писал: «О переводе “Стука” на французский диалект я думаю и не списываясь с Тургеневым то же, что и Вы, – пускай переводят, тем более что слабые вещи Тургенева на вкус русской публики оказываются хорошими на вкус французской»¹.

Известно, что Тургенев писал эту «студию» за рубежом. Он находился в то время в постоянном контакте с лучшими представителями французской литературы, что не могло не отразиться на его творческой манере. Сходство поздних текстов Тургенева с английской и французской готической новеллой неоднократно отмечалось в научных исследованиях². Вероятно, именно поэтому в Европе позднее наследие Тургенева при жизни автора пользовалось большей популярностью, чем на родине. Наиболее обстоятельный отклик на новое сочинение Тургенева представлен в критической статье Н.Н. Страхова³. Находясь под влиянием почвеннической концепции, критик усмотрел в тексте Тургенева недовольство прозой русского быта. Странное и бессмысленное самоубийство Теглева Н.Н. Страхов связывает с желанием героя доиграть до конца роль фатального человека и смотрит на ситуацию, представленную в рассказе, прежде всего с социальной точки зрения. Критик много рассуждает о западничестве Тургенева и о том, как именно оно сказалось в «Стук... стук... стук!..».

Между тем сам Тургенев считал, что его новое сочинение заслуживает особого внимания хотя бы потому, что в нем поднята важная тема – чисто «русского самоубийства», «тупого и бессмысленного». В письме к А.П. Философовой от 18(30) августа 1874 г. Тургенев писал: «Как-то неловко защищать свои вещи – но <...> я никак не могу согласиться, что даже “Стук, стук” нелепость. “Что же оно такое?” – спросите Вы... А вот что: сильная студия русского самоубийства, которое редко представляет что-либо поэтическое или патетическое – а, напротив, почти всегда совершается вследствие самолюбия, ограниченности, с примесью мистицизма и фатализма. Вы мне скажете, что моя студия мне не удалась... Быть может; но я хотел только указать Вам на право и уместность разработки чисто психических (не политических и не социальных) вопросов»⁴. Тургенев не был уверен в безупречности избранной им формы, но ценность задачи изучения человека он осознавал вполне. Писатель отстаивал свое право на разработку интересующих его тем, не связанных с острыми политическими или общественными вопросами, его особенно привлекал анализ русского характера во всей его сложности и противоречивости.

В современной научной традиции внимание к «Стук... стук... стук!..» обусловлено не в последнюю очередь профессиональным интересом к тургеневским сочинениям «таинственного» цикла в целом. Однако организация сюжета имен-

¹ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. / Под ред. М.К. Лемке. Т. 3. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. С. 298.

² См.: *Тамарченко Н.Д.* Готическая традиция в русской литературе. М.: РГГУ, 2008.

³ *Страхов Н.Н.* Последние произведения Тургенева // Страхов Н.Н. Литературная критика: Сб. ст. / Сост., вступ. ст. Н.Н. Скатова; коммент. В.А. Котельникова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000.

⁴ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 13. М.: Наука, 2002. С. 167.

но в этой «студии типа», которая напрямую связана с новыми художественными решениями Тургенева в деле художественного изучения человека, еще не вполне описана в науке.

В этой связи обращает на себя внимание новаторство жанра – «студия типа». Между тем обнаружить реакцию современников на новую жанровую задачу, которую Тургенев задал своим первым читателям, нам не удалось. В отечественном литературоведении «Стук» рассматривали в ряду других «студий типа», к которым чаще всего относили еще «Странную историю», «Отчаянного», «Старые портреты», иногда «Историю лейтенанта Ергунова». Но среди ученых до сих пор нет единого мнения, какие тексты являются полноправными «студиями», к тому же акцент в их изучении чаще делался на тематике. А.Б. Муратов в книге «Повести и рассказы И.С. Тургенева 1867–1871 годов» писал о том, что каждая тургеневская «студия» представляет собой изучение конкретной особенности русского характера. В герое «Стук... стук... стук!..» Теглеве А.Б. Муратов увидел особый психологический тип русского человека 30-х годов XIX века, который выработался благодаря «бытовому романтизму»¹.

Один из известных исследователей творчества «позднего Тургенева», В.М. Головкин, обращал внимание на то, что «жанровое определение “студии” или “студии типа” <...> впервые <...> появилось при публикации рассказа “Стук... стук... стук!..”», а это значит, что Тургенев в полной мере осознавал художественно-смысловую новизну своего сочинения. «Писатель, – полагает исследователь, – безусловно, ощущал новое эстетическое значение своих произведений, потому, говоря о них, в своей переписке использовал не только общепринятую (“рассказ”, “очерк”), но и собственную терминологию (“студия”, “студия типа”, “этюд”, “эскиз”, “отрывок” и т. д.)»². О происхождении самого именованного «студия» исследователь пишет следующее: «Этот термин, очевидно, заимствован из искусствоведения: “студия” – скорее всего – от итальянского “studio” – старание, изучение, восходящего в свою очередь к латинскому корню»³. Согласимся с В.М. Головкин в том, что в самом авторском обозначении жанра сокрыта разгадка смысла произведений данного типа. Дополним от себя, что в центре «студии» стоит обыкновенно какой-то поступок, психологию которого пытается проанализировать писатель. Характер поступка в подобного рода текстах и представляет особенный интерес.

Композиционное решение в «Стук... стук... стук!..» традиционно для малой прозы Тургенева: это рассказ в рассказе. К приему «рассказывания» автор прибегает в «Собаке» (1866), «Странной истории» (1870), «Часах» (1876), «Рассказе отца Алексея» (1877) и др. Рамочный текст обычно совсем невелик. В «Стук... стук... стук!..» он занимает всего одно предложение. «...Мы все уселись в кружок – и Александр Васильевич Ридель, наш хороший знакомый (фамилия у него была немецкая, но он был коренной русак), – Александр Васильевич начал так: <...>»⁴. С одной стороны, множественность рассказывающих как бы снимает ответственность с автора за все происходящее, а читателю предоставляется возможность сделать вывод самостоятельно, при этом повествование приближено к сказу. С другой стороны, такой прием позволяет «документально» зафиксировать

¹ Муратов А.Б. Повести и рассказы И.С. Тургенева 1867–1871. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 27.

² Головкин В.М. «Студия» в системе жанров «малой прозы» И.С. Тургенева // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования. Петрозаводск, 1989. С. 66–67.

³ Там же. С. 67.

⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 8. М.: Наука, 1981. С. 228.

определенный жизненный факт. Таким образом, рассказ очевидца задает некоторую двойственность в освещении событий. Сам автор ни на чем не настаивает, не оценивает происходящее – это делают герои-рассказчики.

«Стук... стук... стук!...» начинается с довольно обстоятельной для малой формы экспозиции. Писатель сразу представляет своего героя – поручика Теглева – и сосредоточивается, в основном, на одной черте его характера – фатальности. Время создания «студии» и, отчасти, само ее содержание делает возможным относить данный текст к так называемому неавторскому циклу «таинственных повестей», в которых происходящее имеет неясную природу. Однако крайне расплывчатая категория «таинственности» предстает здесь в весьма необычном свете. Ничего по-настоящему мистического в рассказе не происходит. Сама ситуация стука не имеет сверхъестественной причины. Дальнейшие события также легко объясняются вполне земными вещами. История с угадыванием карт Теглевым может быть простой случайностью, или же, что вполне вероятно, банальным фокусом. Характерно в этой связи замечание рассказчика о том, что сам герой был смущен случившимся. «Теглев молча приблизился к столу, взял колоду, снял и, проговорив: “Шестерка бубен!” – перевернул колоду: внизу была шестерка бубен. “Туз треф!” – провозгласил он и снял опять: снизу оказался туз треф. “Король бубен!” – промолвил он в третий раз сердитым шепотом, сквозь стиснутые зубы – отгадал в третий раз... и вдруг весь покраснел. Вероятно, он сам этого не ожидал»¹. Однако у читателя все равно создается ощущение присутствия в тексте неведомого и тайного начала. Подобная двойственность в подаче мистического характерна для всех поздних текстов Тургенева. Писатель никогда не дает окончательного ответа, имело ли сверхъестественное место в реальности, или это всего лишь плод больного воображения героев.

В «Стук... стук... стук!...» мистический эффект, главным образом, создается из-за того, что сам Теглев все воспринимает «фатально». Некоторые оговорки рассказчика усиливают это впечатление. Вначале Ридель описывает «бытовой романтизм» Теглева, который был распространенным явлением в России 1830-х гг., однако сразу же становится очевидным несходство роковой роли, которую хочет играть герой, с его обликом. «Подпоручик Теглев принадлежал к числу именно таких “фатальных” людей, хотя и не обладал наружностью, обыкновенно этим личностям присвояемой: он, например, нисколько не походил на лермонтовского “фаталиста”. Это был человек среднего роста, довольно плотный, сутуловатый, белокурый, почти белобрысый; лицо имел круглое, свежее, краснощекое, вздернутый нос, низкий, на висках заросший лоб и крупные, правильные, вечно неподвижные губы: он никогда не смеялся, не улыбался даже»². Из дальнейшего рассказа становится ясно, что Теглев был личностью самой заурядной: офицер «так себе», книг читал мало, знал лишь несколько анекдотов, на которых, в целом, и держалась его репутация. Но после такой далеко не лестной характеристики рассказчик замечает: «Он внушал мне нечто вроде сожаления; мне казалось, что, помимо его напускной фатальности, над ним действительно тяготеет трагическая судьба, которой он сам не подозревает»³. Тургенев не отрицает вероятности того, что на судьбу даже такого, казалось бы, простого создания, как Теглев, могли влиять роковые силы. Писатель допускает присутствие необъяснимого в самом обыкновенном и обыденном.

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 8. С. 231.

² Там же. С. 229.

³ Там же. С. 232.

«Катализатором» всех событий, которые имели место быть в тургеневской «студии», выступает ситуация стука, или «случай»¹ со стуком. У Тургенева в «студии» случай оказывается не совсем обычным в том смысле, в каком он существует в жанровой структуре рассказе, – он сближается с экспериментом. Сюжет выстраивается таким образом, что изначально случайно возникший стук буквально сразу же перерастает в опыт, который рассказчик, как бы даже сам и не желая того, проводит над Теглевым.

Заночевавший под одной крышей с поручиком Теглевым Ридель случайно производит рукой стук. Атмосфера фантастического, возникшая благодаря общению с офицером, наводит его на странную мысль – постучать еще раз, специально. «Всякое даже желание сна исчезло наконец <...>. Переворачиваясь с боку на бок, я протянул руку... Палец мой ударился об одно из бревен стены. Раздался слабый, но гулкий и как бы протяжный звук... Я, должно быть, попал на пустое место. Я вторично ударил пальцем... уже нарочно. Звук повторился. Я еще... Вдруг Теглев приподнял голову. – Ридель, – промолвил он, – слышите, кто-то стучит под окном. Я притворился спящим. Мне вдруг пришла охота потрунить над моим фатальным товарищем»². Тургенев не устраняет полностью элемент случайного из этой ситуации, поскольку рассказчика необходимо было натолкнуть на мысль об абсолютно, на первый взгляд, безвинной шалости, чтобы провести свой эксперимент. Данный момент в тексте насыщен фигурами умолчания, которые помогают читателю погрузиться в мир таинственного.

С этого момента каждая упомянутая в тексте деталь начинает приобретать особый смысл в сознании тургеневского героя. Любой факт окружающей действительности поручик воспринимает как особый знак Судьбы. Писатель переходит от описания внешности Теглева к его мироощущению. Тургенев подчеркивает, что Ридель не собирался специально подшучивать над «фатальностью» собеседника. Теглев сам настроил рассказчика на игру в «фантастическое». К чести рассказчика стоит отметить, что он действительно замечает меланхолическую грусть «фатального» офицера, которая его несколько смущает. «Я должен, однако, прибавить, что в последнее время я стал замечать необычное выражение заботы и тревоги на лице Теглева, и не “фатальная” то была меланхолия: его что-то действительно грызло и мучило. И в этот раз меня поразила унылость, распространенная по его чертам»³. Но для Риделя – человека спокойного и рассудительного, не лишённого при этом воображения, – все происходящее действительно предстает игрой. Неожиданно брошенная Теглевым фраза о своем высоком призвании и о готовности расстаться с жизнью вызывают у рассказчика скорее улыбку. Риделя поражает эгоцентризм этого офицера, сосредоточенного исключительно на собственной персоне. Парадокс заключается в том, что сам Теглев искренне верит в свое предназначение. Он живет в своей, «другой» реальности, которая, как позже станет известно, была им самим выстроена по образцу жизни Наполеона.

Интересно в этой связи название тургеневской «студии». Писатель сознательно не использует в наименовании глагольную или же субстантивную форму, тогда как один более поздний рассказ, который Тургенев включил в цикл «Записки охотника», он именно так и называет: «Стучит!» (1874). Здесь же писатель ак-

¹ На случай, как известно, в первую очередь опирается сюжет рассказа. См.: *Цилевич Л.М.* Сюжет чеховского рассказа. Рига: Даугавпилс. пед. ин-т, 1976.

² *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 8. С. 235.

³ Там же. С. 234.

центрирует внимание на звуке, на самом процессе стука. Звукоподражательная форма «Стук... стук... стук!..» неоднократно повторяется в рассмотренной выше сцене. Теглев, разумеется, не мог не отреагировать на столь таинственный звук. Ридель ждал этого. Он повторяет свою шалость до того момента, пока офицер не убеждается в сверхъестественном происхождении стука. В композиционной структуре повествования данный момент является единственным эпизодом, в котором рассказчик активно влияет на дальнейший ход событий. Отныне никакие признания Риделя в том, что стук был делом его рук, не могут изменить «фатальной убежденности» Теглева. Выбранная героем линия поведения приводит его к самоуничтожению.

Сразу после истории со «стуком» в повествование постепенно включается рассказ о Маше, возлюбленной Теглева. Стук в восприятии поручика исходит от его умершей возлюбленной, которая, по мнению героя, умерла из-за него и теперь пришла за его душой. Читателю, как и рассказчику, не ясен ход мыслей Теглева. Это усиливает ощущение тупой и фанатичной веры героя в свой рок.

Теглев качнулся вперед – и закусил губы. Он, видимо, колебался...

– Меня звали! – промолвил он наконец вполголоса и отвернул лицо.

– Вас звали? Кто же вас звал? – Одна... – Теглев продолжал глядеть в сторону. – Одно существо, про которое я до сих пор только полагал, что оно умерло... а теперь я это наверное знаю»¹.

Основное повествовательное время «студии» – ночь. Писатель избегает пространных пейзажей, но при этом постоянно упоминает о тумане, в котором блуждают герои. Туман скрывает очертание окружающих предметов, дает больший простор фантазии Теглева. Оказавшись на улице, герои действительно слышат женский голос, который произносит имя «Илья». Теглев торжествует, на несколько секунд поручику удается убедить в своей правоте даже Риделя.

Туман по-прежнему окутывал все предметы – и за двадцать шагов почти ничего не было видно. Мы с Теглевым дошли до плетня и остановились. – Вот здесь, – промолвил он и понурил голову. – Стойте, молчите – и слушайте! <...> Изредка переглядываясь друг с другом, простояли мы неподвижно несколько минут – и уже собирались идти дальше... “Илюша!” – почудился мне шепот из-за плетня. <...> Мы оба разом вздрогнули – и уставились друг на друга.

– Что? – спросил меня шепотом Теглев. – Теперь не будете сомневаться?»²

Дальнейших доказательств Теглеву уже не требуется. Любое случайно обретенное слово, любой шум готов он принять как знак Судьбы. Собственно, в своей голове герой давно выстроил план развития событий. Он сам придумал конец истории с Машей, сам спланировал окончание собственной жизни. Теглеву нужен был лишь легкий толчок извне, незначительное обстоятельство или случай, за который герой мог бы уцепиться. Именно таким обстоятельством становится случайная шалость, а затем и сознательный эксперимент рассказчика.

«Наполеоновский» план жизни Теглева заслуживает более пристального внимания. Эпоха романтизма всячески превозносила личность Наполеона³. Мифологизация фигуры Наполеона проходила в течение всего XIX в. и обрастала все более сложными коннотациями. «Бытовой романтизм» в духе «à la Марлинский» не предполагал сложного отношения к личности императора. Теглев ограничива-

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 8. С. 237.

² Там же. С. 238.

³ См.: Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2017.

ется общими сведениями о жизни своего кумира. Однако, выстраивая собственный план жизни, он ориентируется именно на биографию Наполеона. Согласно расчетам Теглева смерть его должна совпасть с гибелью императора. Но герой, возможно, случайно выбирает неправильную дату смерти Наполеона – ошибается на 4 года. Эта случайная оплошность Теглева лишь подчеркивает нелепость его самоубийства. Его гибель лишена трагического в глазах окружающих. Становится ясно, что «наполеоновский план» героя, как и его напускная фатальность, терпит полный крах.

Дальнейшее повествование построено по принципу опровержения выстроенной Теглевым схемы. Сама жизнь разрушает все умозаключения поручика, основанные исключительно на его собственных фантазиях. Но герой не желает принять реальность вне своих расчетов «по Наполеону». Он подстраивает под них все жизненные факты: смерть возлюбленной, случайный стук и проч. Никакие доводы и объяснения не действуют на офицера. Вот и рукой Риделя, стучавшего украдкой, как полагает Теглев, водил кто-то другой. Он убежден в том, что и история с Машей была предрешена свыше. Все это в какой-то мере оказывалось частью придуманного им самим «наполеоновского» плана. Но рассказчик еще не знает об этом. Не догадывается он и о том, что его случайный эксперимент над Теглевым тоже оказался вписан в этот общий и, по мысли героя, вовсе не случайный план.

Внезапный отъезд Теглева в Петербург, его ночное возвращение и странное прощание с Риделем – все это заставляет рассказчика не на шутку обеспокоиться. Постепенно Ридель понимает, что Теглев действительно собирается совершить нечто ужасное. Интересно отметить, что в сцене возвращения поручика из столицы снова иронически обыгрывается ситуация стука, который теперь уже серьезно пугает рассказчика. Кстати, на протяжении всего рассказа стук, выраженный в разных формах, присутствует в тексте постоянно. Неосведомленный рассказчик еще не знает, что Теглев отныне полностью находится во власти идеи самоубийства.

Кульминацией тургеневской «студии» является самоубийство Теглева, хотя непосредственно сцена самоубийства в тексте отсутствует. Наивысшей точкой напряжения выступает описание поисков «фатального» героя в ночном лесу. Рассказчик уверен в неотвратимости гибели офицера. Единственное его желание – помешать поручику привести его чудовищный план в исполнение. В конце концов, рассказчик, к своему великому сожалению, находит тело только что застрелившегося Теглева. Казалось бы, основная сюжетная линия на этом прерывается. Но писателю не удалось бы полностью высветить характер Теглева и бессмысленность его поступка без некоторых дополнительных фактов. В заключительной части «студии» все сюжетные линии доведены до своего логического завершения. Поступок Теглева не произвел на однополчан должного впечатления: хотя они и предполагали, что он мог «выкинуть какую-нибудь необыкновенную штуку», но «именно этой штуки <...> не ожидали»¹. Трагическое по своей сути происшествие не воспринимается никем как трагедия именно из-за позерства героя. Свою смерть Теглев продумывал до мельчайших подробностей, написал прощальное и выдержанное в романтическом духе письмо, адресованное великому князю Михаилу Павловичу. Не было в этом послании, вероятно, никакой надобности. Высокопоставленному адресату нет дела до странного офицера, лишившего себя жизни. Это хорошо понимает рассказчик, который выясняет, что история с Машей, скончавшейся вовсе не от яда из-за несчастной любви, как считает герой, а

¹ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 8. С. 251.

от холеры, служила для Теглева своеобразным мелодраматическим обрамлением выстроенного им сценария собственной жизни – и собственной смерти, рассчитанной согласно ошибочной дате смерти Наполеона.

Финальным аккордом в разъяснении характера и линии поведения героя становится найденный в его кармане альбом, где его жизнь была им самим расписана в виде чудовищного математического расчета, по наполеоновским координатам и вехам. Координаты были ложными, а сам расчет, следовательно, неточным. Гибель Теглева и вся его жизнь представляются в итоге каким-то пустым и бессмысленным экспериментом над собой. Он думает, что над ним довлеет роковой случай, а на самом деле он добровольно ведет себя к могиле.

Стремление как можно более полно раскрыть характер героя и провести глубокое изучение психологического типа является одной из важнейших черт тургеневского жанра «студии», или «студии типа». Решить эту «сверхзадачу» помогает сюжетная организация «студии», которая основана на особом соотношении случая и эксперимента. Внешне сюжетная структура текста строится на случайности. Ридель совершенно случайно ударяет по стене. А затем случай постепенно перерастает в опыт, который рассказчик проводит над Теглевым. Одновременно и сам Теглев знает о роковой случайности, которая над ним довлеет, но на самом деле ставит над собой страшный и бессмысленный эксперимент. Жанр рассказа, повествовательная структура которого строится вокруг одного конкретного случая, действительно трансформируется в иной жанр, которому Тургенев справедливо дает название «студия».

ЛИТЕРАТУРА

Головко В.М. «Студия» в системе жанров «малой прозы» И.С. Тургенева // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 1989. С. 66–67.

Левитан Л.С., Цилевич Л.М. Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990. 512 с.

Муратов А.Б. Повести и рассказы И.С. Тургенева 1867–1871. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 184 с.

М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. / Под ред. М.К. Лемке. Т. 3. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. 789 с.

Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гума-нит. ин-та, 2000. 459 с.

Тамарченко Н.Д. Готическая традиция в русской литературе. М.: РГГУ, 2008. 345 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 8. М.: Наука, 1981. 542 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 13. М.: Наука, 2002. 557 с.

Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2017. 368 с.

Цилевич Л.М. Сюжет чеховского рассказа. Рига: Даугавпилс. пед. ин-т. 1976. 238 с.

REFERENCES

Golovko V.M. “Studio” in the System of Genres of I.S. Turgenev “Small Prose” In: Genre and Composition of a Literary Work. Historical, Literary and Theoretical Studies. Petrozavodsk. Petrozavodsk State University Press. 1989, pp. 66–67.

Levitan L.S, Tsilevich L.M. (1990) The Plot in the Artistic System of the Literary Work. Riga. Zinatne Publ. 512 p.

Muratov A.B. (1980) Novels and Short Stories by I.S. Turgenev of 1867–1871. Leningrad. Leningrad University Press. 1980. 184 p.

M.M. Stasyulevich and His Contemporaries in Their Correspondence: In 5 vols. / Ed. by M.K. Lemke. Vol. 3. St.-Petersburg. 1912. 789 p.

Strakhov N.N. (2000) Literary Criticism. St.-Petersburg. 2000. 459 p.

Tamarchenko N.D. (2008) Gothic Tradition in Russian Literature. Moscow. Russian State University for the Humanities Press. 345 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols. Vol. 8. Moscow. Nauka Publ. 1981. 542 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols. Vol. 13. Moscow. Nauka Publ. 2002. 557 p.

Tulard J.C.F. Napoléon ou Le mythe du sauveur. Paris. Fayard. 1983. 512 p.

Tsilevich L.M. (1976) The Plot of Chekhov's Story. Riga. University of Daugavpils Press. 238 p.

Сведения об авторе:

Ольга Дмитриевна Тюняева,
научный сотрудник
Государственный музей А.С. Пушкина

Olga D. Tyunyaeva,
Research Associate
State Museum of A.S. Pushkin

tyunuaeva@list.ru

С.А. Асеева (Москва, Россия)

**Творческий диалог И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого:
одноименные лирические миниатюры под названием «Сон»**

Аннотация: В статье рассматриваются две одноименные лирические миниатюры И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, созданные в форме сновидения. Автор доказывает, что эти два произведения явились своего рода репликами в неявном творческом диалоге между писателями.

Ключевые слова: лирическая миниатюра, сновидение, творческий диалог, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой

S.A. Aseeva (Moscow, Russia)

**The Creative Dialog of Ivan Turgenev and Leo Tolstoy:
Self-titled Lyrical Miniatures “The Dream”**

Abstract: The article considers two self-titled lyrical miniatures by Ivan Turgenev and Leo Tolstoy having a form of a dream. The author proves that the two works appeared to be a kind of replicas in the implicit creative dialogue between the writers.

Keywords: a lyrical miniature, dream, a creative dialog, Ivan Turgenev, Leo Tolstoy

Личные и творческие отношения двух великих писателей и современников, Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) и Льва Николаевича Толстого (1828–1910), давно стали предметом собственно литературной (Б.К. Зайцев¹), литературно-критической (П.В. Анненков², Д.С. Мережковский³) и научной литературоведческой рефлексии (В.Б. Шкловский⁴, Л.Д. Громова-Опульская⁵, Н.В. Богословский⁶, Г.Б. Курляндская⁷). Дополнительным стимулом к изучению этого вопроса стала публикация

---

¹ Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева: Литературная биография. Тула: Аквариус, 2015.

² Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989.

³ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995.

⁴ Шкловский В.Б. Лев Толстой. М: Молодая гвардия, 1963.

⁵ Громова-Опульская Л.Д. Тургенев и Лев Толстой (История дружбы и полемики) // Русская словесность. 1994. № 4. С. 3–8.

⁶ Богословский Н.В. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1959.

⁷ Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература. М.: Просвещение, 1980.

их переписки¹. При этом следует отметить, что литературные связи двух писателей исследуются как в биографическом аспекте, так и в собственно художественном, при котором основное внимание уделяется сопоставлению проблематики и поэтики их сочинений². Однако продуктивным представляется и сравнительный анализ тех произведений Тургенева и Толстого, в которых они, возможно сами того не сознавая, вступают в творческий диалог. Рассмотрение именно такого явления определяет исследовательскую задачу настоящей статьи.

Оба анализируемых сочинения написаны в форме сновидения. Этот композиционный прием, известный с древнейших времен, используется в литературе в различных целях: «формального построения <...> всего произведения и его составных частей, идеологической и психологической характеристики действующих лиц», а также «изложения взглядов самого автора»³. Из данного определения следует, что сны в литературных произведениях могут выступать в разнообразных функциях. Глава московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман по-своему интерпретировал феномен сновидения. По его мнению, «сон – это семиотическое зеркало», в котором каждый способен видеть «отражение своего языка», поскольку «сновидческий» акт «погружает нас не в зрительные, словесные, музыкальные и прочие пространства, а в их слитность, аналогичную реальной»⁴. Очевидно, что для исследователя мир сновидений – это знаковая, кодовая сфера, имитирующая действительность. Однако в литературе XIX в. сон чаще всего использовался как аллегорическое отражение реальности, повод для размышлений автора о том или ином явлении жизни. Именно такую роль сновидение как художественный прием, как правило, выполняло в реалистической литературе той эпохи.

Тургенев и Толстой неоднократно использовали форму сна в своем творчестве, размышляли о сновидениях в письмах. В.Н. Топоров считал, что о Тургеневе «можно говорить как о подлинном сновидце» и что этот дар, доставшийся писателю по наследству, заставлял его «относится к сновидению *серьезно* и исходить из того, что какой бы темной <...> ни была посылаемая и воспринимаемая весть, она *осмысленна*, что за нею стоит некая жизненно важная, “экзистенциальная” тайна, в которую надо верить»⁵. Сны в произведениях Толстого традиционно рассматривались преимущественно как прием прямого психологизма, один из механизмов, служащих для раскрытия *диалектики души* героя. Так, Т.С. Карлова полагала, что Толстой «пользуется формой сна для изображения зарождающихся чувств, даже еще не вполне ясных тем, кому они принадлежат». По ее мнению, в сновидениях у него находит выражение психическая деятельность подсознания человека: «В изображении Толстого фантастические превращения картин, возникающих во сне, не чья-то прихоть, а проявление подсознания»⁶. Иначе говоря, сны в тол-

¹ Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями / Сост. С. Розанова. М.: Художественная литература, 1962.

² См.: Юнусов И.Ш. Язык общения персонажей как художественно значимый элемент поэтики (на примере прозы И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого) // Вестник Башкирского университета Т. 19. 2014. № 3. С. 954–959.

³ Дынник М. Сон как литературный прием // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Стлб. 645–649, 577–1198.

⁴ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 125.

⁵ Топоров В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. С.129–130.

⁶ Карлова Т.С. Проблемы психологического анализа в раннем творчестве Толстого. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ имени В.И. Ленина, 1964. С. 125, 128.

стовском художественном мире интерпретировались как акты подсознательной психической деятельности человека.

Что касается исследований конкретных произведений двух писателей, озаглавленных «Сон», то тургеневская лирическая миниатюра, вошедшая в цикл «Стихотворений в прозе» (1878), анализировалась различными исследователями либо с общественной (С.Е. Шаталов¹), либо с социально-онтологической (Г.Б. Курляндская²) точек зрения, а толстовская зарисовка рассматривалась лишь в контексте размышлений о ее художественной автономности (Б.М. Эйхенбаум³, М.Н. Мендельсон⁴).

Действительно, молодой Толстой не раз возвращался к замыслу своего сочинения. Известны четыре редакции текста «Сна». Первую из них он направил в письме от 4 января 1858 г. В.П. Боткину, с которым поддерживал дружеские отношения. Будущий автор «Войны и мира» представлял свое творение на суд старших современников, Василия Боткина и Ивана Тургенева, и замечал: «Я имел дерзость считать это отдельным и конченным произведением, хотя и не имею дерзости печатать». Он просил: «Ежели Тургенев еще с вами, то прочтите это ему и решите, что это такое, дерзкая ерунда или нет»⁵. Хотя М.Н. Мендельсон полагает, что «мнения Боткина и Тургенева нам неизвестны» и что, возможно, «они были неблагоприятны», это представляется не совсем справедливым. Если принять во внимание текст тургеневского письма от 17 января 1858 г., адресованного Льву Толстому, то можно сделать предположение, что автор «Записок охотника» ответил автору «Севастопольских рассказов» и, пусть неявно, но все же высказал свое впечатление о его новом сочинении: «Вы были бы правы, если б, предлагая Вам быть только литератором – я ограничил значение литератора одним лирическим щебетаньем; но в наше время не до птиц <...>. Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти “измы”), – а дилетантом быть – значит быть бессильным. До сих пор в том, что Вы делали – все еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком»⁶.

Два других варианта «Сна», очень похожих друг на друга, были созданы Толстым в 1863 г. Примечательно, что текст второго был переписан рукой жены писателя С.А. Толстой и подписан инициалами *Н.О.* Они, несомненно, являлись литературной маской Толстого. Маска – одно из явлений литературного дилетантизма, феномена, получившего свое развитие в 1820–1830-е гг. преимущественно в русской лирике. По свидетельству Ю.Н. Тынянова, «в 30-е годы <...> “дилетантизм” получает колоссальное эволюционное значение», поскольку если «“дилетантизм” и “массовая литература” в 20-х годах <...> окреплялись “графоманией”, то “первостепенные” (с точки зрения, эволюционного значения) поэты 30-х годов в борьбе с предшествующими нормами являлись в условиях “дилетантизма”»⁷. Следовательно, тот факт, что Толстой прячется под маской *Н.О.* в 1863 г., совсем не удивителен, хотя речь в данном случае идет не о стихотворном произведении, а о прозаическом, имеющем формальные признаки лирической миниатюры. Кроме того, можно предпо-

¹ Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М.: Просвещение, 1969.

² Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиция. Тула: Гриф и К°, 2001.

³ Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

⁴ Мендельсон М.Н. Сон. Комментарии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 7. М.: Художественная литература, 1936. С. 361–364.

⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 60. М., 1949. С. 248.

⁶ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 291.

⁷ Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиция. Тула: Гриф и К°, 2001. 229 с.

ложить, что Толстой в данном случае намеренно предстает «неспециалистом» в литературе, вспоминая тургеневские слова из письма 1858 г., в котором он был назван «необыкновенно даровитым, но дилетантом»¹. Сами инициалы *Н.О.* могут косвенно отсылать к Тургеневу. Как известно из письма² будущего автора «Войны и мира» И.С. Аксакову, в котором говорится о вероятной публикации «Сна» в газете «День», буквы *Н.О.* отсылают к Наталье Петровне Охотницкой, компаньонки родственницы Толстого Т.А. Ергольской. О личности Охотницкой сведений немного, но известно, что она «с начала 1850-х гг. прожила <...> в яснополянском доме не менее 25 лет» и что имена Натальи Петровны и ее сестры Ольги Петровны, служившей экономкой у Марии Николаевны Толстой, «не раз встречаются в письмах Толстого и Тургенева 1850-х гг.»³ Вероятно, выбор этих инициалов стал не простой случайностью, а своеобразной формой неявного диалога со своим старшим современником.

Третья вариация «Сна»⁴ была включена в черновики «Войны и мира» как сновидение Николая Ростова. Текст миниатюры утрачивал статус автономного произведения, в связи с чем он претерпел некоторые изменения, в частности, повествование велось в форме третьего лица, а не первого, как в предшествующих редакциях. Примечательно, что никаких отсылок к имени Тургенева в нем не сохранилось. Однако в окончательную версию эпопеи этот отрывок не вошел.

В 1857–1858 гг. молодого Толстого всерьез занимал вопрос о поиске собственного пути в литературе, поэтому неудивительно, что ключевой мотив «Сна» – это страх. Лирический герой боялся не понравиться толпе, ведь он страстно желал владеть ее чувствами и мыслями при помощи слова и испытывал восторг оттого, что ему это удастся. Когда видел толпу «незнакомых ему братьев» и «чувствовал на себе глаза миллионов людей, и сила этих глаз давила» его и «радовала», но в то же время в его душе «далекий чуть слышный голос» шептал ему “страшно”!⁵ Восторг и страх управляли эмоциями толстовского лирического героя, пока он не обернулся и не заметил стоящую в стороне от толпы женщину, к которой «сладко и больно тянула непреодолимая сила», такая, что он «чувствовал, что не может жить без нее». В образе женщины угадываются мечта о вдохновенном творчестве, авторское представление о поэтической Музе, но взгляд ее, на краткое мгновение пойманный персонажем, выражал «кроткую насмешку и любовное сожаление»; в его сознании «с ее появлением исчезли и мысли, и толпа, и восторги», а после ее исчезновения остались лишь слезы «слаще прежних восторгов», от которых герой не отрекается и после пробуждения, ведь «в слезах этих и наяву было счастье»⁵. Именно на этих двух мотивах – восторге и страхе – строится поэтика всей миниатюры, именно благодаря их взаимодействию получают художественное решение проблемы творчества, отношений художника и толпы.

Лирическая зарисовка Тургенева «Конец света (Сон)» (1878) – это, в отличие от толстовской миниатюры, плод размышлений о жизни, произведение, созданное незадолго до смерти автора и включенное в цикл «Стихотворений в прозе», имеющий подзаголовок «Senilia», что в переводе с латыни означает «Старческое».

Основная тема стихотворения – это мысль о конечности жизни, не только личного, но и всеобщего земного бытия. Эта идея получает свое выражение благода-

¹ Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 61. М., 1953. С. 378.

³ Архангельская Т.Н. Охотницкая Наталья Петровна // Лев Толстой и его современники: Энциклопедия / Под общ. ред. Н.И. Бурнашевой. М.: Парад, 2010. С. 378.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 13. М., 1949. С. 498–499.

⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 60. М., 1949. С. 247–248.

ря особой мотивной структуре, которую оформляют поочередно сменяющие друг друга физические ощущения и душевные состояния. Сначала это «беспокойство и унылость», позднее переходящие в «ужас», который «леденит <...> сердца» людей, и в конце концов – «темнота вечная»¹. Такие ощущения испытывает и главный герой, и окружающие его люди. Страх перед смертью, перед исчезновением в пустоте переполняет душу лирического героя, выражающего переживания человеческого общества в рассматриваемой миниатюре, тем более что речь идет о всеобщей гибели людей и земли, которая «завыла от страха», ведь и герой и окружающие его люди понимают: «Конец ей! Конец всему!»² Однако ощущение катастрофического ужаса небытия снимается заключительными словами миниатюры: «Едва переведя дыхание, я проснулся»³. Таким образом, благодаря использованию композиционного приема – сновидения, всемирная катастрофа, разворачивающаяся в тургеневском фрагменте, получает реалистическую интерпретацию.

Трагический лейтмотив конца мироздания напрямую сказывается на поэтике лирического фрагмента. Прежде всего это проявляется на уровне пейзажной рамки и эмоционального оформления стихотворения. Пейзаж в нем глубоко символичен. Он окрашен в темные тона, например: «серое, одноцветное небо», и «почти отвесная, точно разрытая, чёрная круча», и «сплошная чудовищная волна», которая «крутится тьмой кромешной», и люди, унесенные «той, как чернила чёрной, льдистой, грохочущей волной». Даже белый цвет стен дома, «вымазанных белой краской», и «небо – точно саван» в поэтическом мире лирического фрагмента безнадежен, как сама смерть. Леденящий ужас *конца света* читается в эмоциональном накале, достигнутом за счет частого употребления вопросительных и восклицательных синтаксических конструкций, например: «Ах, как бы уйти отсюда! Как душно! Как томно! Как тяжело!.. <...> Умер воздух, что ли? <...> Гляньте! гляньте! земля провалилась! Как? провалилась?!» Пугающее ощущение неизвестности выражено с помощью неоднократно использованного автором многоточия: «Мы все столпились у окон... <...> Оно сейчас нас всех затопит... <...> И, однако, оно растет, растет громадно... <...> Это земля завыла от страха...»⁴. Таким образом, мотивы *смерти* и общемирового *конца* определяют не только идейно-тематическое, но и художественное единство стихотворения, проявляясь в нем на уровне проблематики и поэтики. Очевидно, что, как и в толстовской миниатюре, доминирующим мотивом здесь является страх, но источником его выступает в данном случае не сомнение в выборе собственного пути, не жажда повелевать чувствами толпы, а ужас всемирной катастрофы, всеобщей гибели человечества, смерти мироздания.

Достоверно неизвестно, вспоминал ли Тургенев о Толстом, когда создавал это стихотворение в прозе, во всяком случае какие-либо отсылки к имени последнего в тексте «Конца света (Сна)» отсутствуют. Несомненно одно: в конце 1870-х гг. писатель снова задумывается о той силе миропорядка, о которой он еще в 1849 г. писал Полине Виардо как о «штуке равнодушной, повелительной, прожорливой, себялюбивой, подавляющей», а под ней подразумевалась «жизнь, природа или бог»⁵. А в 1861 г., в письме к своей знакомой Е.Е. Ламберт он с тревогой замечал, что «смерть есть только последнее отправление жизни»⁶. Между тем, если рас-

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 144.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. Т. 1. М., 1982. С. 425.

⁶ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. Т. 4. М., 1987. С. 38.

смагивать тургеневскую лирическую зарисовку в контексте творческого диалога двух классиков, то весьма примечателен и тот факт, что дружеские отношения между Тургеневым и Толстым, прерванные в 1861 г. из-за нелепой ссоры, едва не окончившейся дуэлью, возобновились в 1878 г., когда была написана миниатюра «Конец света (Сон)».

6 апреля 1878 г. Толстой после 17 лет молчания написал Тургеневу примирительное письмо следующего содержания: «В последнее время, вспоминая о моих с вами отношениях, я, к удивлению своему и радости, почувствовал, что я к вам никакой вражды не имею. Дай бог, чтобы в вас было то же самое. По правде сказать, зная, как Вы добры, я почти уверен, что ваше враждебное чувство ко мне прошло еще прежде моего.

Если так, то, пожалуйста, подадимте друг другу руку и, пожалуйста, совсем до конца простите мне все, чем я был виноват перед вами.

Мне так естественно помнить о вас только одно хорошее, потому что этого хорошего было так много в отношении меня. Я помню, что вам я обязан своей литературной известностью, и помню, как вы любили мое писанье и меня. Может быть, и вы найдете такие же воспоминания обо мне, потому что было время, когда я искренно любил вас.

Искренно, если вы можете простить меня, предлагаю вам ту дружбу, на которую я способен. В наши года есть одно только благо – любовные отношения с людьми. И я буду очень рад, если между нами они установятся»¹.

8 мая того же года Тургенев ответил: «Я только сегодня получил Ваше письмо <...> Оно меня очень обрадовало и тронуло. С величайшей охотой готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую мне Вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мне враждебных чувств к Вам; если они и были, то давным-давно исчезли – а осталось одно воспоминание о Вас, как о человеке, к которому я был искренно привязан, и о писателе, первые шаги которого мне пришлось приветствовать раньше других, каждое новое произведение которого всегда возбуждало во мне живейший интерес. – Душевно радуюсь прекращению возникших между нами недоразумений <...> желаю Вам всего хорошего – и ещё раз дружески жму Вашу руку»². 8 августа 1878 г. писатель приехал в Ясную Поляну, где Толстой и его семья оказали ему очень теплый дружеский прием. Состоялось полное и окончательное примирение между двумя великими писателями, установилась дружба, основанная на взаимном уважении и «любовном отношении» друг к другу.

Показательно, что в июле 1883 г. умирающий Тургенев обратился к Толстому, которого когда-то назвал «необыкновенно даровитым», но «дилетантом», с такими словами: «Долго Вам не писал, ибо был и *есъм*, говоря прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу – и думать об этом нечего. Пишу же я Вам собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником – и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас подействует!! <...> Друг мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе!»³ Письмо это осталось без ответа, однако в беседе с Г.А. Русановым в августе 1883 г.

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 62. М., 1953. С. 406–407.

² Цит. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 62. М., 1953. С. 407.

³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 13. Кн. 2. Л.: Наука, 1968. С. 180.

Лев Толстой отметил, что «недавно получил» от своего умирающего современника «очень доброе письмо», в котором тот «просит» его «не оставлять писать», и что, разумеется, он будет это делать, ведь «если умеешь писать, нельзя не писать, так же, как, если умеешь говорить, нельзя не говорить»¹. При этом, рассуждая о тургеневских «Стихотворениях в прозе», он сказал, что «с удовольствием читал их», однако «думает, что лет тридцать тому назад они произвели бы гораздо больше впечатления»². В письме к историку литературы А.Н. Пыпину от 10 января 1884 г. Толстой дал такую характеристику Тургеневу как человеку и как писателю: «Я и всегда любил его; но после его смерти только оценил его, как следует <...>. Главное в нем – это его *правдивость*. По-моему, в каждом произведении словесном (включая и художественное) есть три фактора: 1) кто и какой человек говорит? 2) как? – хорошо или дурно он говорит, и 3) говорит ли он то, что думает, и совершенно то, что думает и чувствует. – Различные сочетания этих 3-х факторов определяют для меня все произведения мысли человеческой. Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда *то* самое, *то*, что он думает и чувствует. Редко сходятся так благоприятно эти три фактора, и больше нельзя требовать от человека, и потому воздействие Тург[енева] на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашел, – все, что нашел. Он не употреблял свой талант (уменьше хорошо изображать) на то, что[бы] скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться. По-моему, в его произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь – искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно и прелестно в “Довольно”, и 3) не формулированная <...>, двигавшая им и в жизни, и в писаниях, вера в добро – любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в Дон-Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра»³. Такова наиболее развернутая оценка личности и творчества Тургенева, данная Толстым.

Подводя итоги всему сказанному относительно двух одноименных лирических миниатюр Тургенева и Толстого под названием «Сон», рассмотренных выше, целесообразно сделать вывод о том, что диалог между писателями проявлялся в них на следующих уровнях:

– поэтики (сходство, выразившееся в жанре лирической миниатюры, в форме сновидения, в мотиве страха, который вследствие разных причин испытывают лирические герои произведений Тургенева и Толстого);

– прямого диалога между классиками, нашедшего особенно яркое отражение в 1857–1858 гг. со стороны молодого Толстого, занимавшего в те годы положение ученика по отношению к своему старшему современнику Ивану Тургеневу.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 687 с.

Архангельская Т.Н. Охотницкая Наталья Петровна // Лев Толстой и его современники: Энциклопедия / Под общ. ред. Н.И. Бурнашевой. М.: Парад, 2010. С. 378

¹ Русанов Г.А., Русанов А.Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1972. С. 28.

² Русанов Г.А., Русанов А.Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. С. 32.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 63. М.; Л., 1934. С. 149–150.

- Богословский Н.В.* Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1959. 416 с.
- Громова-Опульская Л.Д.* Тургенев и Лев Толстой (История дружбы и полемики) // Русская словесность. 1994. № 4. С. 3–8.
- Дынник М.* Сон как литературный прием // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. Стлб. 645–649, 577–1198.
- Зайцев Б.К.* Жизнь Тургенева: Литературная биография. Тула: Аквариус, 2015. 224 с.
- Карлова Т.С.* Проблемы психологического анализа в раннем творчестве Толстого. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ имени В. И. Ленина, 1964. 152 с.
- Курляндская Г.Б. И.С.* Тургенев и русская литература. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
- Курляндская Г.Б. И.С.* Тургенев. Мировоззрение, метод, традиция. Тула: Гриф и К°, 2001. 229 с.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Мендельсон М.Н.* Сон. Комментарии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 7. М.: Художественная литература, 1936. С. 361–364.
- Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 624 с.
- Русанов Г.А., Русанов А.Г.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1972. 279 с.
- Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями / Сост. С. Розанова. М.: Художественная литература, 1962. 720 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 62. М.: Художественная литература, 1953. 573 с.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 61. М.: Художественная литература, 1953. 423 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 13. М.: Художественная литература, 1949. 873 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 60. М.: Художественная литература, 1949. 558 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. Юб. изд. Т. 63. М.; Л.: Художественная литература, 1934. 523 с.
- Топоров В.Н.* Странный Тургенев (Четыре главы). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 192 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 13. Кн. 2. Л.: Наука, 1968. 544 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. 701 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. 607 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. 607 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. 770 с.
- Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 174 с.
- Шаталов С.Е.* Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М.: Просвещение, 1969. 330 с.
- Шкловский В.Б.* Лев Толстой. М: Молодая гвардия, 1963. 864 с.
- Эйхенбаум Б.М.* Работы о Льве Толстом. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Юнусов И.Ш. Язык общения персонажей как художественно значимый элемент поэтики (на примере прозы И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого) // Вестник Башкирского университета Т. 19. 2014. № 3. С. 954–959.

REFERENCES

- Annenkov P.V. (1989) *Literary Memoires*. Moscow. Pravda Publ. 687 p.
- Arkhangelskaya T.N. Okhotnitskaya Natalia Petrovna. In: *Leo Tolstoy and His Contemporaries. Encyclopaedia* / Ed. by N.I. Burnasheva. Moscow. Parad Publ. 2010, p. 378.
- Bogoslovsky N.V. (1959) *Turgenev*. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 416 p.
- Gromova-Opulskaya L.D. *Turgenev and Leo Tolstoy. (The History of the Friendship and of the Polemics)*. *Russkaya Slovestnost*. 1994. No 4, pp. 3–8.
- Dynnik M. *The Dream as a Literary Device*. In: *A Literary Encyclopaedia. The Vocabulary of Literary Terms: In 2 vols*. Moscow; Leningrad / Ed. by L.D. Frenkel. 1925. Vol. 2. Cols. 645–649, 577–1198.
- Zaitsev B.K. (2015) *The Life of Turgenev. A Literary Biography*. Tula. Akvarius Publ. 224 p.
- Kurlandskaya G.B. (1980) *I.S. Turgenev and Russian Literature*. Moscow. Prosveshchenie Publ. 192 p.
- Kurlandskaya G.B. (2001) *I.S. Turgenev. Views, Method, Tradition*. Tula. Grif i K° Publ. 229 p.
- Lotman Yu.M. (2000) *Semiosphere*. St. Peterburg. Iskusstvo Publ. 704 p.
- Mendelson M.N. *The Dream. Comments*. In: *Tolstoy L.N. The Complete Works: In 90 vols. Anniversary Edition. Vol. 7*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1936, pp. 361–364.
- Merezhkovsky D.S. (1995) *L. Tolstoy and Dostoevsky. The Eternal Companions*. Moscow. Respublika Publ. 624 p.
- Rusanov G.A., Rusanov A.G. (1972) *Memories on Leo Nikolayevich Tolstoy*. Voronezh. Tsentralno-chernozemnoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ. 279 p.
- L.N. Tolstoy. *Letters to Russian Writers* / Ed. by S. Rozanova. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1962. 720 p.
- Tolstoy L.N. *The Complete Works: In 90 vols. Anniversary Edition. Vol. 62*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1953. 573 p.
- Tolstoy L.N. *The Complete Works: In 90 vols. Anniversary Edition. Vol. 61*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1953. 423 p.
- Tolstoy L.N. *The Complete Works: In 90 vols. Anniversary Edition. Vol. 13*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1949. 873 p.
- Tolstoy L.N. *The Complete Works: In 90 vols. Anniversary Edition. Vol. 60*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1949. 588 p.
- Tolstoy L.N. *The Complete Works: In 90 vols. Anniversary Edition. Vol. 63*. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1934. 523 p.
- Toporov V.N. (1998) *A Strange Turgenev (Four Chapters)*. Moscow. Russian State Human University Press. 192 p.
- Turgenev I.S. *The Complete Works and Letters: In 28 vols. Letters: In 13 vols. Vol. 13. Book 2*. Leningrad. Nauka Publ. 1968. 544 p.
- Turgenev I.S. *The Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 30 vols. Vol. 3*. Moscow. Nauka Publ. 1987. 701 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Works: In 12 vols. Vol. 10. Moscow. Nauka Publ. 1982. 607 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 30 vols. Vol. 1. Moscow. Nauka Publ. 1982. 607 p.

Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 30 vols. Vol. 4. Moscow. Nauka Publ. 1987. 770 p.

Tynyanov Yu.N. (1977) Poetics. The History of Literature. Cinema. Moscow. Nauka Publ. 174 p.

Shatalov S.E. (1969) The Questions of I.S. Turgenev's Poetics. Moscow. Prosveshchenie Publ. 330 p.

Shklovsky V.B. (1963) Leo Tolstoy. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 864 p.

Eikhenbaum B.M. (2009) The Works about Leo Tolstoy. St. Peterburg University. 952 p.

Yunusov I.Sh. The Language of Communication of Personages as Artistically Meaningful Element of Poetics (On the Example of the Prose of I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, L.N. Tolstoy). *Bashkir State University Bulletin*. 2014. Vol. 19. No 3, pp. 954–959.

Сведения об авторе:

Светлана Александровна Асеева,
канд. филол. наук
независимый исследователь

Svetlana A. Aseeva,
PhD
Independent Researcher

fleur1988@mail.ru

Н.А. Дровалева (Москва, Россия)

Поэтика портрета в «малой» прозе В.Я. Брюсова: к постановке проблемы

Аннотация: В статье рассматриваются портреты персонажей в «малой» прозе В.Я. Брюсова. В результате анализа ряда портретных характеристик с учетом идейно-эстетических воззрений писателя автор статьи приходит к следующему выводу: усиление импрессионистического начала в прозаическом творчестве определяется ослаблением характерологической функции портрета. Брюсов в подавляющем большинстве случаев отказывается от установления связей между внешностью и характером героя. Портрет не является, как правило, и способом выражения отношения писателя к герою и оценок его действий.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, Серебряный век, поэтика портрета, персонаж, символизм

N.A. Drovaleva (Moscow, Russia)

To the Problem of a Portrait in Bryusov's Short Stories

Abstract: This article deals with the portraits of characters in Bryusov's "small" prose. After the analyses of the writer's portrait characteristics and his ideological and aesthetic views, the author came to the following conclusion: the strengthening of the impressionistic beginnings is dictated by the weakening of the characterological function of a portrait in his work. In most cases Bryusov gives up connections between the character's appearance and his character. As a rule, a portrait does not express the writer's attitude towards a character and his actions.

Key words: Valery Bryusov, the Silver Age, poetics of a portrait, character, symbolism

Репутация Брюсова как прозаика никогда не была сколько-нибудь устойчивой: его прозаические произведения, особенно его рассказы, «воспринимались в первую очередь как «проза поэта», похвалы и порицания ей делались обычно с учетом брюсовского поэтического опыта» [Гречишкин, Лавров 1983: 3]. Вероятно, поэтому портрет в прозе Брюсова не попадает в поле зрения литературоведов, как правило, даже в виде частного случая характеристики персонажа. Кроме того, типология – самое уязвимое место в теории портрета.

Портретные характеристики персонажа могут быть классифицированы по разным компонентам и уровням в зависимости от целей, предложенных авторами: по

точке зрения, теме и структуре, по принадлежности к художественным методам, стилям, литературным направлениям, по приемам, отсылающим к пластическим искусствам и т. д. Очевидно, что какой-либо одной характеристики недостаточно для раскрытия своеобразия поэтики произведения того или иного автора, так как одним понятием могут обозначаться портреты в произведениях Античности и начала XXI в. Нужно обратить особое внимание на тот факт, что функция введения в текст повествования изображения внешности человека (или антропоморфного существа) зависит от эстетической установки и конкретных задач автора. Более того, искусство конца XIX – начала XX в. породило такого художника-творца, в работах которого портрет становится средством выражением его состояния и мироощущения.

В одном из писем 1890-х гг. Брюсов признавался: «Я не могу писать так, как писал Тургенев, Мопассан, Толстой. Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставляя их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а значит у него (у героя) вот какой характер» [Гречишкин, Лавров 1983: 7]. Это заявление относительно прозаического творчества Брюсова можно считать программным. Брюсова интересует неисчерпаемость человеческой души (писатель признает невозможность разгадки тайны), и идея постижения непостижимого влечет за собой усиление импрессионистического начала в прозаическом творчестве. Таким образом, писатель отрицает прямую связь между изображаемыми портретными деталями и характером героя.

Рассказ Брюсова «Студный бог» открывается размышлениями героя и воображаемым портретом (портрет-восприятие) попутчика: «Я представил себе с ясностью его красивую узкую бороду и мягко вьющиеся усы, широкополую узкую шляпу и упорный взор. Человек продолжал смотреть на меня, и я спросил его: “Вы правда человек или во сне, или дьявол?” Тут я совсем проснулся, сразу понял нелепость своих вопросов, открыл глаза и сел на диван. Человек был именно таков, как я его себе представил» [Брюсов 2002: 167]. Такой портрет отсылает нас к двоимирию, воплотившемуся в рассказах сборника «Земная ось». Сначала портрет «составляется» героем в полусне – пограничном состоянии, а позже оказывается, что попутчик именно так и выглядит, как представлял герой рассказа: тематически «Студный бог» «очень близок общей направленности сборника “Земная ось”, в предисловии ко второму изданию которого В.Я. Брюсов настаивал на том, что нет определенной границы между миром реальным и воображаемым, между “сном” и “явью”, “жизнью” и “фантазией”. В этом сборнике Брюсов широко использует художественный принцип “удвоения действительности”, когда мир сна, фантазии наделяется той же степенью реальности, что и действительный мир. Удвоение действительности как художественный прием Брюсов сохраняет и в последующем своем творчестве» [Даниэлян: 164]. Годом позже была напечатана «Мраморная головка» (1902) с подзаголовком «Рассказ бродяги». Рассказ заканчивается размышлением о том, существовала ли возлюбленная на самом деле. Автором вводится устойчивый сюжет о «ложной памяти». Брюсов ставит вопрос о восприятии времени (в произведении воплощается концепция циклического времени): герою кажется, что в статуэтке, созданной в XV в., он узнает свою возлюбленную Нину. Лик мраморной скульптуры помог вспомнить образ героини. Портрет девушки ориентирован на скульптурное изображение и поэтому имеет пластический характер – без указания цвета, но с учетом пропорций героини: «Скажите мне, каким чудом художник в XV столетии мог сделать те самые ма-

ленькие, криво посаженные уши, которые я так знал, те самые чуть-чуть раскосые глаза, неправильный нос и длинный наклоненный лоб» [Брюсов 1983: 167]. Брюсов вводит размышление о схожести характеров и душ девушки из прошлого и его возлюбленной Нины при полном внешнем сходстве. Произведение строится на сопоставлении скульптурного «портрета» и портрета героини. В других рассказах портрет служит для создания колорита эпохи или для конструирования правдоподобного другого мира.

Задача небольших, лаконичных портретов в новелле «В Башне», написанной в 1907 г., – стилизация под время «сна» героя (вводящая проблему маски определенной эпохи): «Владельца замка звали Гуго фон-Ризен. Это был гигант с громовым голосом и силой медведя. Он был вдов. Но у него была дочь Матильда, стройная, высокая, светлоокая. Она была подобна святой Екатерине на иконах итальянского письма, и я ее полюбил нежно и страстно» [Брюсов 1983: 62]. Сон переносит героя в эпоху средневековья, события в новелле происходят перед Ледовым побоищем. В средневековых романах портрет не был развернутым и строился с учетом квалификативных признаков физической красоты и моральных качеств (красивая, привлекательная). Сравнение с иконами итальянского письма (экфрасис) отсылает нас к теме мученичества и чистоты. Так, в конце дается условный портрет восприятия-самовосприятия, который усиливает мерцание сна и яви на протяжении всего рассказа и также отсылает к теме мученичества: «Моя одежда скоро обратилась в лохмотья, мои волосы сбились в комок, мое тело покрылось язвами...» [Брюсов 1983: 64]. Герой выступает провидцем для захватчиков русской земли и предрекает им поражение, за что будет казнен. Герой существует в двух мирах и двух ипостасях: юноша, сидящий за столом и записывающий сон, и мученик, ожидающий казни. Таким образом, портреты в новелле не только элемент стилизации, но и художественный прием, поддерживающий символистскую идею многомирности.

Подробный портрет дьявола появляется в «эпизоде» «Ночное путешествие» (1908). Другой мир, который изображает автор в столь небольшом произведении, обретает яркие краски. Реальность мира, в котором живет человек, присутствует на страницах его рассказов, однако другой мир «выписан» гораздо тщательнее. Э.С. Даниэлян указывает на сходство новелл Брюсова с творчеством Гофмана: «Говоря о сходстве романтической и брюсовской новеллы, мы менее всего склонны рассматривать это как результат прямого стилизаторства со стороны Брюсова. Скорее можно считать, что Брюсов почувствовал “логику жанра” и его возможности для выражения символистского мировосприятия. Исследователи творчества Гофмана отмечают такую характерную особенность его новелл, как “особую реальность” или даже “обыденность” в изображении обстановки, людей» [Даниэлян 2002: 33]. А все фантастические элементы не только даются самым подробным образом, но и тщательно обосновываются. Брюсов воспринял гофмановскую «опору на реальность»: «В его “безумных” рассказах обращает на себя внимание устойчивая черта: в последних 3–4-х заключительных строках появляется тревожащий героя вопрос – а “вдруг” реальный мир – только сон? Сама напряженность вопроса раскрывает заинтересованность автора в устойчивости именно реального мира» [Даниэлян 2002: 33]. Брюсов обращает внимание читателя на такие детали, как наличие у дьявола на руках длинных чешуйчатых ногтей. На страницах небольшой новеллы два подробных портрета: «В тот день Дьявол был одет в широкий испанский плащ, и лицо у него было, как у оперного Дон-Жуана, но, из странного щегольства, он сохранял мохнатые ладони и крючковатые пальцы, как у духа Тьмы на гравюре Дюрера» / «Он похож был на

мечту о прекрасном Люцифере, и над его ликом падшего серафима слабо светился венец из неярких алмазов» [Брюсов 1983: 95]. Отсылка в виде экфрасиса к творчеству признанного многими поколениями мастера вводит тему достоверности увиденного и существования времени в таком виде, в каком мы привыкли его воспринимать: «прошлое – настоящее – будущее». Интерес к этому вопросу подтверждается и прямым высказыванием героя: «Я думал, что ты поведешь меня во вселенные иного измерения, где что-то новое прибавится к мере всех предметов, или во вселенные иного времени, где кроме прошедшего, настоящего и будущего окажется нечто четвертое» [Брюсов 1983: 98]. Время для Брюсова – один из главных лейтмотивов творчества.

Усиление импрессионистического начала в прозаическом творчестве определяется ослаблением характерологической функции портрета. Детали, которые вводит Брюсов при создании образов, способствуют формированию философского плана рассказа. Писатель в подавляющем большинстве случаев отказывается от установления связей между внешностью и характером героя. Портрет не является, как правило, и способом выражения отношения писателя к герою и оценок его действий. Визуальные характеристики не представляют собой систему, что усложняет работу с типологией портрета.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов 1983 – *Брюсов В.Я.* Повести и рассказы. М., 1983. 368 с.

Гречишкин, Лавров 1983 – *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Брюсов-новеллист // Брюсов В.Я. Повести и рассказы. М., 1983. С. 3–18.

Брюсов 2002 – *Брюсов В.Я.* Студный бог // Даниэлян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван, 2002. С. 167–175.

Даниэлян – *Даниэлян Э.С.* Неопубликованный рассказ В.Я. Брюсова «Студный бог» // Даниэлян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван, 2002. С. 162–165.

Даниэлян 2002 – *Даниэлян Э.С.* Проблема формирования творческого метода в «малой» прозе Брюсова // Даниэлян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. С. 30–37.

REFERENCES

Bryusov 1983 – Bryusov V.Ya. (1983) Stories and Novels. Moscow. 368 p.

Grechishkin, Lavrov 1983 – Grechishkin S.S., Lavrov A.V. Bryusov as a Novelist. In: Bryusov V.Ya. Stories and Novels. Moscow. 1983, pp. 3–18.

Bryusov 2002 – Bryusov V.Ya. Studnyj Bog. In: Danielyan Ye.S. Valery Bryusov. The Questions of Creativity. Erevan. 2002, pp. 167–175.

Danielyan – Danielyan Ye.S. Unpublished Novel by V.Ya. Bryusov “Studnyj Bog”. In: Danielyan Ye.S. Valery Bryusov. The Questions of Creativity. Erevan. 2002, pp. 162–165.

Danielyan 2002 – Danielyan Ye.S. The Questions of Forming a Creative Method in “Small” Prose of Bryusov. Danielyan Ye.S. In: Danielyan Ye.S. Valery Bryusov. The Questions of Creativity. Erevan. 2002, pp. 30–37.

Сведения об авторе:

Наталья Алексеевна Дровалева,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia A. Drovaleva,
Master’s Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

n.drovaleva@mail.ru

Е.И. Канарская (Нижний Новгород, Россия)

Концепция двойничества в произведениях Н.В. Коляды (на материале «гоголевских» пьес)

Аннотация: В статье рассматриваются значение и способы выражения концепции двойничества, воплощенной в четырех «гоголевских» пьесах Н.В. Коляды. Автор приходит к выводу, что средствами создания двойников для Коляды выступают, прежде всего, доведенная до копияности «парность» персонажей, их многократное зеркальное повторение на основе помещения в идентичные ситуации и наделения одинаковыми репликами, установление интертекстуальных связей, объединяющих внутритекстовые и претекстовые образы. Следуя за Н.В. Гоголем в признании ирреальной и противоестественной природы двойничества, отражающего всеобщность духовной пустоты, Н.В. Коляда «укрупняет координаты», подчеркивает тотальность действия хаоса, переворачивающего и разрушающего глубинные основания бытия. Опираясь на синтез романтической и постмодернистской традиций, а также на переосмысление эстетико-мировоззренческой модели произведений Н.В. Гоголя, двойничество у Н.В. Коляды выходит за рамки обычного литературного приема и становится одним из важных аспектов проявления собственной художественно-философской системы драматурга.

Ключевые слова: Николай Коляда, Гоголь, двойник, интертекстуальность, художественная рецепция

E.I. Kanarskaya (Nizhny Novgorod, Russia)

The Duplicity Conception in Works by Nikolai Kolyada (Based on the “Gogol” Plays)

Abstract: The article analyzes ways of expression the duplicity conception embodied in four “Gogol” plays by Nikolai Kolyada. The author comes to the conclusion that the main means of creating the doubles in plays by Kolyada are the “pairing” of characters brought to their full identity, their multiple reduplication on the basis of placing them in equal situations and giving the same speeches, the establishment of the intertextual communications uniting intratextual and pretextual images. Following Nikolai Gogol in recognition the irreal and unnatural essence of the duplicity, reflecting generality of spiritual emptiness, Nikolai Kolyada “enlarges coordinates”, emphasizes totality of action of the chaos overturning and destroying the fundamental bases of life. Relying on

the synthesis of romantic and postmodern traditions and also on the reconsideration of Gogol's aesthetic-ideological model, the duplicity in plays by Nikolai Kolyada is beyond an ordinary art practice and becomes an important aspect of manifestation the original literary-philosophical system of the playwright.

Key words: Nikolai Kolyada, Gogol, double, intertextuality, art reception

Пьесы современного драматурга Н.В. Коляды «Старосветские помещики», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Коробочка», «Мертвые души» объединяет то, что в них тексты Н.В. Гоголя, не теряя своих исходных смыслов, пересоздаются в новой художественной системе, где эти смыслы развиваются и дополняются в соответствии с эстетико-мировоззренческими задачами другого автора.

Яркой иллюстрацией такой модели диалогического взаимодействия выступает особая концепция двойничества, реализуемая во всех перечисленных «гоголевских» пьесах Коляды и имеющая тесную связь с творчеством драматурга в целом.

В литературоведении существует несколько подходов к пониманию двойничества. Обобщая различные точки зрения, Т.Д. Комова выделяет две его разновидности: «раздвоение целого» (двойник развивает или травестирует отдельные качества «оригинала», часто становясь его антиподом) и «удвоение индивида» [Комова 2013: 6], когда двойники тождественны в определенном глубинном качестве и равнозначны.

В истории литературы явление двойничества прошло через ряд взаимосвязанных воплощений; в контексте настоящего исследования особый интерес представляют первый период его расцвета – эпоха романтизма и наиболее современная его «реинкарнация», представленная в творчестве постмодернистов.

Говоря о романтическом двойничестве, обычно отмечают, что оно, с одной стороны, является следствием внимания к противоречивой внутренней жизни личности, а с другой – отражает «смерть индивидуальности, заменимость одного человека другим, полное безразличие к нему как к цельному существу» [Берковский 1973: 343–344], т. е. явления, характерные для буржуазного общества в его художественном восприятии.

В результате в романтической парадигме драма «расщепленной» личности разворачивается на фоне обезличенного общества «автоматов», существующих механически и не знающих высоких чувств и целей. Эти «автоматы» – двойники, созданные по принципу «удвоения»: в совокупности они олицетворяют бездуховность как губительное для человека начало.

При этом важно, что двойничество в любой форме представляется романтикам одним из симптомов дисгармоничности жизни, являющейся следствием вторжения в мир деструктивного начала – хаоса.

В русской «послеромантической» литературе первый аспект романтического двойничества («раздвоение») был воспринят и реалистически переосмыслен прежде всего в творчестве Ф.М. Достоевского; что касается второго («удвоение»), то он оказался ближе художественной системе Н.В. Гоголя, о которой речь пойдет ниже в контексте анализа пьес Н.В. Коляды.

Далее, пропустив этап модернизма, в рамках настоящего исследования представляющийся промежуточным, обратимся к постмодернизму, где двойничество стало частью поэтики «деструкции».

Провозгласив принципиальную невозможность гармонии, целостности сознания, уникальности субъекта и его автономного существования, постмодернисты довели «удвоение» до «бесконечной череды копий без оригинала» [Липовецкий 1997: 205], образующей симулякр.

В самой идее интертекстуальности, предполагающей составленность текста и «мира как текста» из анонимных «цитат без кавычек», т. е. повторяемых элементов, заложены предпосылки двойничества, которое в постмодернистской интерпретации также является не более чем повтором.

С течением времени деструктивные по своей природе игра, симулятивность, мнимость, как и двойничество, доходящее до копийности, стали для художников не самоцелью, а эффективным средством трансляции ощущения нестабильности, «перевернутости» мира, открытого вторжения в него хаоса, перед которым герой постмодернизма оказался как никогда незащищен.

Кроме того, в литературе развилось явление «интертекстуального двойничества», позволяющее непосредственно устанавливать связь между персонажами разных произведений и авторов, в последнем случае взаимодействуя с чужими смыслами в рамках своей образной системы.

Именно обозначенные открытия постмодернизма, а также предшествующая литературная традиция, берущая начало в поэтике романтизма, были восприняты и синтезированы в «гоголевских» пьесах Н.В. Коляды. При этом вектором, направляющим развитие его концепции двойничества, стала эстетико-мировоззренческая модель творчества Н.В. Гоголя, преобразованная в соответствии с интенцией драматурга.

Как и в поэтике Гоголя, система двойников у Коляды основана на принципе «удвоения», а не «раздвоения».

Наиболее очевидные случаи такого двойничества связаны с рецепцией парных персонажей Н.В. Гоголя (в первую очередь, Анны Григорьевны и Софьи Ивановны из «Мертвых душ») или разработкой гоголевских «пар», в претексте не достигших характерологической определенности (Мария Григорьевна и ее сестра из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», далее – «ИФС»). Однако если гоголевские парные персонажи – это «маленькая клетка, в которой пульсирует своя жизнь», и «отношение составляющих эту клетку компонентов неравноправное» [Манн 1996: 294], то героини Коляды – точные копии друг друга, не имеющие компенсаторной нагрузки.

Так, Анна Григорьевна и Софья Ивановна («Коробочка», «Мертвые души») не просто ведут симметрично бессмысленный, пустой диалог и совместно инициируют слух о Чичикове, как это было в претексте, а буквально отражают друг друга, дублируя фразы и действия собеседницы: «АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вы представляете, вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит, никто никого не понимает, ну просто – оррьр, оррьр, оррьр!.. СОФЬЯ ИВАНОВНА. Орррьр, оррьр, орррьр?!. АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вот именно-с! Оррьр, оррьр, оррьр!..» [Коляда].

Кроме того, автор подчеркивает полную взаимозаменяемость данных персонажей, перенося номинацию «дама, приятная во всех отношениях» с Анны Григорьевны на Софью Ивановну и несколько раз «заставляя» одну из героинь произносить фразы, которые в претексте принадлежат ее собеседнице.

При этом важно, что драматург зачастую не ограничивает двойничество рамками одной пары, вовлекая в цепь повторов и других персонажей.

Так, в «Коробочке» и «Мертвых душах» часть разговора «дам», посвященная предприятию Чичикова, дословно повторяет предшествующий диалог Коробочки и Анны Григорьевны, причем в последнем Настасья Петровна играет речевую роль, впоследствии переходящую к Анне Григорьевне. Характерным маркером зеркальности в данном случае является использование приводившегося выше пассажа: «АННА ГРИГОРЬЕВНА. Орррьр, орррь, орррьр?! КОРОБОЧКА. Вот именно-с! Орррь, орррь, орррь!..» [Коляда].

В свою очередь, приезд Коробочки к Анне Григорьевне отсылает к эпизоду появления Чичикова в доме помещицы: они оба возникают в «ночное время», воспринимаются как «кучка грязи какая-то» [Коляда], оба испачкали «боки» во время поездки.

В пьесе «Старосветские помещики» пара Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны причудливо отражается в портрете Филемоны и Бавкида, причем изменение имен мифологических героев создает эффект «кривого зеркала». Кроме того, в сценах безобразного поглощения пищи и похорон Пульхерии Ивановны появляется «дворня», она же «сброд» из портретов, а также мухи, создающие эффект многократного отражения: «И вдруг всё ожило: выскочила откуда-то дворня... тащут стол, тарелки, чашки, ложки, ведра, банки, несут жратвы – море. Ожили и мухи, кинулись на еду, давай ее кусать... Афанасий Иванович сидит на постели, урчит как кот, ест. Пульхерия Ивановна тоже ест» [Коляда].

Следовательно, расширяя пространство повторяемости образов, Коляда не ограничивается контекстом парности, превращая персонажей в двойников за счет помещения их в одинаковые ситуации и наделяя одними и теми же репликами.

Так, в «ИФШ» есть две «зеркальные» сцены застолья у Сторченко, в которых двойниками оказываются Василиса Кашпоровна и ее племянник: «Все вдруг хором заорали. НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Иван Федорович / Василиса Кашпоровна, возьмите крылышко, вон другое, с пупком!.. СТОРЧЕНКО / НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: “Иван Федорович / Василиса Кашпоровна, возьмите стегнушко!”» [Коляда]

Наконец нередко при пересоздании претекстового образа Коляда обращается к другим персонажам Гоголя, используя связанные с ними узнаваемые цитаты в репликах своего героя. Такой прием развивает или трансформирует образ за счет ассоциаций читателя, возникающих на основе «интертекстуального двойничества». Больше всего подобных примеров в пьесе «ИФШ», текст которой буквально представляет собой мозаику из отсылок к различным гоголевским произведениям. В частности, в характеристику Ивана Федоровича с помощью соответствующих цитат введены черты Ивана Петровича из «Утра делового человека» (навязчивая идея выслужиться и получить орден), Собачкина из «Отрывка» (самолюбование), Подколесина из «Женитьбы» (нерешительность) и героя «Набросков и материалов драмы из эпохи Богдана Хмельницкого» (романтическая возвышенность); Иван Иванович «соединен» с Семеном Семеновичем Батюшкой из одноименного отрывка (привычка смотреть в окно и участвовать в происходящем), а также с Антоном Прокофьевичем из «Повести о двух Иванах» (знаменитый пиджак) и т. д. Такая «перекрестная» интертекстуальность отражает отношение Коляды к творчеству Гоголя как к единому полотну, между отдельными элементами которого (в данном случае – персонажами) драматург устанавливает сходство, тем самым оказывая свое воздействие на произведения классика.

С другой стороны, возможен и обратный процесс: в ряде случаев интертекстуальность у Коляды становится источником появления собственных «внутритекстовых» двойников. Так, в «ИФШ» произносимые Сторченко, Василисой Кашповой и Натальей Фоминишной фразы, изначально принадлежащие Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу из «Повести о двух Иванах» («Чего у меня нет? Птицы, строение, амбары, всякая прихоть... Чего ж еще нет у меня?»); «С ними разбираться, так прежде надо поесть гороху»; «Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру» [Коляда] и т. д.), указывают на существенное сходство всех трех персонажей Коляды.

Безусловно, все описанные формы двойничества полифункциональны: в разных ситуациях они используются драматургом для развития образов, структурирования художественного материала, достижения комического эффекта и т. д. Однако во всех случаях создание двойников преследует и общую, глубинную цель, обусловленную едиными идейными основаниями, понимание которых требует обращения к художественной системе Н.В. Гоголя, а также к романтической и постмодернистской парадигмам.

В частности, Н.В. Гоголь, воспринявший и пересмотревший характерную для романтизма мысль об искажении (овеществлении, автоматизации, алогичности) реальности под действием незримых деструктивных сил, в своем зрелом творчестве отказался от явно фантастических элементов в пользу «нефантастической фантастики», скрытой «иррациональности, пропитавшей жизнь, как вода вату» [Манн 1996: 89]. Входя в мир, хаос разрушает в человеке, не готовом сопротивляться соблазну, всё истинно живое, погружая его в состояние пошлости.

По мысли художника, внешним свидетельством проникновения в жизнь ирреального начала выступает незаметный для персонажей «беспорядок природы», нарушение естественных законов, проявляющееся в гротескных образах, в гиперболах, произвольных репликах или действиях персонажей, алогизмах и т. д. Представляется, что двойничество в произведениях классика также входит в данный ряд искажений, одновременно показывая, как отдельные пороки («страстишки») и пошлость в целом обезличивают человека, подавляют присущую ему индивидуальность.

Следуя за Гоголем в изображении разрушительного воздействия ирреального зла на человеческую жизнь, Н.В. Коляда «укрупняет координаты» и демаскирует хаос, прибегая для этого к художественному аппарату постмодернизма.

Используя интертекстуальность не для игровой деконструкции смысла претекста, а для напоминания о нем, драматург заостряет гоголевские приемы создания «беспорядка природы» до предела, «извлекая» их из ткани текста на поверхность и доводя алогичность до ее высшей точки – абсурда. При этом, как и в поэтике Гоголя, в мире пьес Коляды такой абсурд амбивалентен: внешне он карнавалю комичен, но внутренне – страшен.

Стремясь показать, что незаметное проникновение хаоса в реальность дошло до разрушительного вторжения, драматург открыто включает духовно безжизненных персонажей в бесконечный ряд двойников. Из всеобщей духовной мертвенности проистекает подчеркнутый автоматизм произнесения одинаковых реплик и участия в одних и тех же сценах, идентичность которых остается для многократно «удвоенных» персонажей неосознаваемой.

Именно в связи с данной философско-эстетической концепцией большинство случаев «окказионального» двойничества в пьесах Коляды переплетены с ситу-

ациями торжества телесного, пошлого начала и поэтикой страшного карнавала: таковы, например, сцены неистового поедания пищи в «Старосветских помещиках», окутанные атмосферой жуткого крика, шума и тьмы («Жрут оба, как сумасшедшие. Двери скрипят во всем доме. Темно за окном» [Коляда]).

Кроме того, неестественная природа двойничества и «перевернутая» карнавальность подкрепляются образами страшных масок и зеркал, несущих на себе печать смерти и ирреального начала. Так, в «Мертвых душах» драматург сохраняет гоголевское описание зеркала, показывавшего «вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку» [Коляда]; в той же пьесе внезапно возникшие чиновники, беседующие с покойным прокурором, спрятаны за масками («В комнату набилась вдруг куча людей. Все в каких-то масках, вошли» [Коляда]).

Высшей точкой обнажения хаоса в «гоголевских» пьесах Коляды становится полное разоблачение двойничества и его природы, которое происходит в снах и видениях героев. Так, перед Коробочкой жители уездного города оборачиваются безликими мертвецами, сулящими ей гибель («Как вихорь взметнулся дремавший город!.. Будто на Страшном суде поднялись из земли обглоданные червями скелеты» [Коляда]); Шпонька и Чичиков в финале пьес видят сны, в которых все персонажи перепутаны, взаимозаменяемы и произносят характерные реплики друг друга.

Таким образом, в своих «гоголевских» пьесах Н.В. Коляда создает концепцию двойничества, которая основана на авторской инвариантной художественно-мировоззренческой модели, диалогически связанной с творчеством Н.В. Гоголя (а через его призму – с романтической традицией) и воплощающейся с помощью элементов поэтики постмодернизма. Посредством текстуальных и интертекстуальных «зеркал» драматург формирует бесконечные ряды ситуативных и константных двойников, которые призваны выразить основополагающую для его художественной системы идею всеобщей духовной пустоты и пошлости, ставших следствием необратимого вторжения в мир хаотического начала.

ЛИТЕРАТУРА

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л.: Художественная литература, 1973. 568 с.

Коляда Н.В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка. kolyada.ur.ru/shponka/ (дата обращения: 05.03.2015).

Коляда Н.В. Коробочка. kolyada.ur.ru/korobochka/ (дата обращения: 05.03.2015).

Коляда Н.В. Мертвые души. kolyada.ur.ru/dead_souls/ (дата обращения: 05.03.2015).

Коляда Н.В. Старосветские помещики. kolyada.ur.ru/starosvet/ (дата обращения: 05.03.2015).

Комова Т.Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

REFERENCES

Berkovsky N.Ya. (1973) The Romantic Movement in Germany. Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 568 p.

Kolyada N.V. Ivan Fyodorovich Shponka and His Aunt. kolyada.ur.ru/shponka/ (date accessed: 05.03.2015).

Kolyada N.V. Korobochka. kolyada.ur.ru/korobochka/ (date accessed: 05.03.2015).

Kolyada N.V. The Dead Souls. kolyada.ur.ru/dead_souls/ (date accessed: 05.03.2015).

Kolyada N.V. The Old-World Landowners. kolyada.ur.ru/starosvet/ (date accessed: 05.03.2015).

Komova T.D. (2013) The Doubles in the System of Characters of the Literary Work (Based on the Western European and Russian Literature of the 19th century). Extended Abstract of Cand. Sci. (Philol.) Thesis. Moscow. 23 p.

Lipovetsky M.N. (1997) Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics). Ekaterinburg. Ural State University Press. 317 p.

Mann Yu.V. (1996) Gogol's Poetics. Variations on the Theme. Moscow. Coda Publ. 474 p.

Сведения об авторе:

Екатерина Игоревна Канарская,
аспирант
Институт филологии и журналистики
кафедра русской литературы
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского

Ekaterina I. Kanarskaya,
Postgraduate Student
Institute of Philology and Journalism
Department of Russian Literature
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod

ek-uf@yandex.ru

М.В. Орлова (Москва, Россия)

Аспектуальная характеристика французских глагольных форм passé composé и особенности их употребления в нарративном тексте (на примере романа А. Нотомб «Les Catilinaires»)

Аннотация: Статья посвящена исследованию глагольных форм passé composé с точки зрения их аспектуальной семантики. На примере романа современной французской писательницы А. Нотомб рассматривается вопрос о влиянии аспектуальных значений завершенности / незавершенности и делимости / неделимости на выбор формы со значением однократного действия в прошлом в нарративном тексте художественного произведения. Оппозиции passé composé и passé simple как временных форм, используемых в нарративном тексте, дается комплексная характеристика. Выявляется взаимосвязь видовых характеристик глагольных форм passé composé и passé simple и их соотношения с моментом речи и фигурой говорящего-повествователя, а также с различными планами высказывания. Особенное внимание уделяется потенциалу этих двух форм прошедшего времени как маркеров различных композиционных частей художественного текста.

Ключевые слова: глагольные времена, passé composé, passé simple, аспектуальные значения, значение завершенности, значение делимости, планы высказывания

M.V. Orlova (Moscow, Russia)

Aspectual Properties of the French Verb Tense passé composé and the Particularities of Its Use in Narrative Text (Based on the Material of the Novel “Les Catilinaires” by A. Nothomb)

Abstract: The article investigates passé composé in the context of its aspectual semantics. On the example of ‘Les Catilinaires’, a novel by a modern French writer A. Nothomb, this study considers the influence of such aspectual meanings as accomplished / unaccomplished and divisibility / non-divisibility on the use of different verb tenses that can express a single action in the past in the narrative text of literary fiction. A complex characteristics is given to the opposition between ‘passé composé’ and ‘passé simple’, two tenses that are used in narrative text. It reveals the correlation between, on the one hand, aspectual properties of ‘passé composé’ and ‘passé simple’ and, on the other hand, the speech time, the narrator and different kinds of utterance. Special

attention is given to the possibility of using these two past tenses in order to mark out different compositional parts of a fictional text.

Keywords: verb tenses, passé composé, passé simple, aspectual meanings, accomplished aspect, secant aspect, planes of utterance

Известно, что во французской литературной традиции принято использовать в качестве основного времени, в котором ведется повествование (*le temps du récit*), либо настоящее время, либо одно из двух прошедших – *passé simple* или *passé composé*. Эти формы противопоставлены Э. Бенвенистом в работе «Отношения времени во французском глаголе» как принадлежащие «плану истории» (*plan du récit*) и «плану речи» (*plan du discours*) соответственно. Согласно такому подходу *passé simple* и *passé composé* в норме не должны функционировать в рамках одной коммуникативной ситуации. Поэтому особенный интерес представляют случаи, когда внутри нарративного текста, который, по определению Ж. Женетта, «выполняет функцию рассказа о событии или о последовательности событий» [Genette 1972: 71], чередуются формы этих двух времен. В первую очередь это может быть связано с аспектуальными значениями глаголов, то есть с тем, как в речи говорящего представляется «характер протекания действия» [Бондарко, Буланин 1967: 50].

В статье нас будут интересовать два аспектуальных значения в глагольной системе французского языка: значение завершенности, противопоставляемое значению незавершенности (*aspect accompli / aspect inaccompli*), и значение делимости, противопоставляемое значению неделимости (*aspect sécant / aspect global*). Значение завершенности, присущее сложным глагольным формам, т. е., в частности, *passé composé*, но не *passé simple*, подразумевает переход от изначальной ситуации к новой, которую «возможно осознать как сменившую во времени другую ситуацию или состояние, которое существовало раньше» [Guillaume 1965: 21]. Значение делимости предполагает отсутствие у процесса четкой конечной границы и возможность мысленно разделить его на две части: «реальную и четкую», которая осуществляется в том или ином временном плане действительности, и «виртуальную и размытую» [Riegel, Pellat, Rioul 2009: 522], которая существует только потенциально и поэтому не имеет каких-либо конкретных характеристик.

В качестве материала для исследования был выбран роман современной французской писательницы А. Нотомб «*Les Catilinaires*». В этом тексте отчетливо прослеживаются две интересные закономерности, связанные с употреблением *passé simple* и *passé composé*. Первое из этих двух явлений имеет отношение к композиционной структуре текста, тогда как второе непосредственно связано с образом повествователя в романе.

1. PASSÉ COMPOSÉ В «РАМОЧНОМ» ТЕКСТЕ РОМАНА

В первую очередь наше внимание привлёк тот факт, что формы *passé composé* и *passé simple* играют в романе «*Les Catilinaires*» композиционно значимую роль: с их помощью маркируется переход от композиционной «рамки» произведения к «ядру», т. е. рассказу о ключевых событиях, и обратно к «рамочному» тексту. Вкратце структуру романа можно представить так: в первой части «рамки» читатель видит героя-повествователя и его жену, ведущих уединенный образ жизни, а в «ядре» романа они знакомятся со своим соседом и в связи с этим знакомством попадают в сложную этическую ситуацию. «Ядро» завершается смертью соседа, которая ста-

новится своеобразным решением этой нравственной проблемы, и во второй части «рамки» мы снова видим уединенное и мирное существование героев.

Композиционная структура произведения выявляется не только в сюжете, но и в распределении временных форм: если в «рамке» встречается всего одна форма *passé simple*, то в «ядре», напротив, можно насчитать только 25 форм *passé composé* в нарративном тексте (при этом текст «ядра» почти в 20 раз объемнее текста «рамки»). Количественное соотношение форм *passé simple* и *passé composé* в нарративном тексте романа представлено в таблице 1.

Таблица 1

	PS	PC	Процент PC
Рамка (1 часть)	1	35	97%
Ядро	864	25	3%
Рамка (2 часть)	0	6	100%

Таблица наглядно демонстрирует преобладание форм *passé simple* в «ядре» и *passé composé* в «рамке» романа. В обоих случаях базовые формы составляют почти 100% от общего числа форм со значением однократного действия в прошлом. Такое соотношение временных форм связано с их аспектуальными значениями.

Часть форм *passé composé* в рамочном тексте имеет видовое значение завершенности (пример взят из первой части «рамки»):

(1) Nous n'avons pas hésité un instant. En une heure, la maison est devenue la Maison.

Внимание читателя привлекается к тому, что изначальная ситуация сменилась новой: понравившийся героям дом после покупки стал для них «Домом» с большой буквы. Без сомнения, с учетом значения результативности *passé composé* выглядит здесь значительно органичнее, чем выглядело бы *passé simple*, поскольку, «употребляя *passé simple*, говорящий рассматривает процесс в прошлом вне зависимости от его последствий, тогда как в случае употребления *passé composé* говорящий рассматривает одновременно и процесс в прошлом, и ситуацию, которая стала его следствием в настоящем» [Gosselin 1996: 206–207]. Действительно, повествователю, как и адресату-читателю, важен не столько сам факт перехода от ситуации «Герои не воспринимают дом как Дом с большой буквы» к ситуации «Герои воспринимают дом как Дом с большой буквы», сколько вторая ситуация – следствие этого перехода, обозначенного с помощью глагола в форме *passé composé*.

Похожий пример встречаем на последних страницах романа, во второй части «рамки»:

(2) La maison des Bernardin est devenue claire, propre et aérée.

Как и в предыдущем контексте, акцент делается на изменении первоначальной ситуации: грязный и запущенный дом соседей усилиями героев стал чистым и светлым, и именно таково его состояние на тот момент, когда повествователь рассказывает свою историю, – следовательно, для него это актуальная информация. Прежде чем закончить роман, повествователь стремится обрисовать статичную картину того, как выглядит их с женой мир после всех пережитых волнений, каковы результаты предпринятых ими действий, и для этой цели как нельзя лучше подходит *passé composé*, помогающее описать новую ситуацию, возникшую в результате изменения некоторого изначального состояния дел.

Приведем еще один пример из первой части «рамки»:

(3) Nous étions dans la même classe préparatoire. Le jour de la rentrée, nous nous sommes vus et nous nous sommes aimés.

Здесь повествователь рассказывает историю своего знакомства с будущей женой. Вполне естественно, что в обоих случаях его интересует в первую очередь состояние, ставшее результатом тех событий, которые описаны с помощью глаголов в *passé composé*.

Представляется, что аспектуальное значение завершенности подразумевает достаточно прочную связь прошедшего, о котором говорится, с настоящим, с моментом речи. Действие не завершается, не остается в прошлом в полной мере, «процесс рассматривается с точки зрения настоящего времени говорящего, поскольку называемое событие затрагивает это настоящее: событие из прошлого продолжается в настоящем времени говорящего за счет своих последствий» [Denis, Sancier-Chateau 1994: 279]. Таким образом, приведенные примеры из текста романа свидетельствуют о том, что значение завершенности позволяет форме *passé composé* служить для описания своего рода переходного состояния – прошедшего, смежного с настоящим в сознании говорящего.

Кроме того, в тексте «рамки» романа встречаются и другие случаи употребления *passé composé*, которые, хотя и не воплощают аспектуальное значение завершенности, по крайней мере в его традиционном понимании, также устанавливают связь между планом прошедшего и планом настоящего. Этот случай иллюстрируют примеры № 3 и № 4, взятые из начальной части рамки, и пример № 5, принадлежащий ее заключительной части.

(4) Juliette a toujours été ma femme; elle a aussi toujours été ma sœur et ma fille – bien que nous ayons le même âge à un mois près.

(5) Ce n'est pas que je me trouve mauvais ou médiocre, mais Juliette n'a jamais eu rien ni personne d'autre que moi.

(6) Ma blancheur a fondu et personne ne s'en est aperçu.

Во всех трех случаях описанное при помощи формы *passé composé* действие берет свое начало в прошлом, но воспринимается как имеющее продолжение, т. е. до сих пор актуальное. Однако мы не наблюдаем тут значения результативности, как в примерах № 1–3: смены ситуаций не происходит, напротив, создается ощущение, что называемый формой *passé composé* процесс продолжается, выходит за грань плана прошедшего и перетекает в план настоящего, а возможно, и будущего. Так, Жюльетта не только была женой повествователя, но и остается ею до сих пор; у нее не только раньше не было, но и до сих пор не появилось других близких людей; исчезновение «близны» рассказчика по-прежнему остается незамеченным.

Значение глагола, которое реализуется в этих примерах, можно соотнести с аспектуальным значением делимости, несмотря на то что в плане прошедшего оно, как правило, реализуется при помощи формы *imparfait*, а не *passé composé*. Действительно, процессы, названные в приведенных выше контекстах, вполне можно мысленно разделить на две фазы: первая из них реальна и относится к плану прошедшего (так, повествователь воспринимал Жюльетту как жену с момента их знакомства и вплоть до момента речи); вторая, напротив, существует только потенциально и выходит за границы сферы «прошлого» (он продолжает

воспринимать Жюльетту как жену в момент речи, и ничто не наводит на мысль о том, что это должно прекратиться). То же относится и к примерам № 5 и № 6.

Композиционная функция форм *passé composé* с таким значением очевидна: повествователь использует их именно в «рамочном» тексте, т. е. в рассказе о своей жизни с женой до знакомства с соседом и после его смерти. Особенно ярко это проявляется в начальной части «рамки», где повествователь рассказывает о своих взаимоотношениях с Жюльеттой: всё, что он может сказать о ней самой и об их счастливой совместной жизни, намеренно представляется как неизменное, актуальное практически в любой момент времени. Здесь было бы невозможно употребление *passé simple*, которое неизбежно воплощает значение неделимости, называет «полностью завершившийся факт, не связанный... с мыслью и опытом говорящего в данный момент» [Imbs 1968: 84], «замыкает» процесс в самом себе и, следовательно, в плане прошедшего.

Крайне характерен момент непосредственного перехода от «рамки» к «ядру» и его отражение в смене *le temps du récit*. Последняя из форм *passé composé*, используемых в нарративном тексте «рамки», служит для ввода прямой речи, и именно в этой реплике упоминается сосед, вокруг образа которого будет выстраиваться «ядро» романа. Как только сосед появляется в речи и, следовательно, в жизни героев, *le temps du récit* меняется, и следующая форма, которая используется для обозначения однократного действия в прошлом, – форма *passé simple*:

(7) En rentrant, j'ai observé :

– Tu vois, la cheminée du voisin ne fume pas.

<...>

Ma femme déclara que nous avons bien fait d'aller aux commissions le matin.

С этого момента и начинается текст «ядра», построенный почти исключительно на формах *passé simple* в полном соответствии с теорией Бенвениста: очевидно, «историей» для повествователя является именно рассказ о трагически завершившемся знакомстве с соседом. Исследователями неоднократно отмечалась органичность *passé simple* в повествовании о чередующихся друг друга происшествиях, где функция этой формы – «представлять события, составляющие интригу рассказываемой истории, то, что можно было бы назвать нитью сюжета» [Touati 1996: 220]. Возможность такого употребления *passé simple* напрямую связана со свойственным ему аспектуальным значением неделимости, благодаря которому эта временная форма «создает синтетическое и компактное видение процесса» [Riegel, Pellat, Rioul 2009: 537], т. е. «представляет одновременно его начальную границу, весь ход его развития и конечную границу» [Denis, Sancier-Chateau 1994: 277], «показывает события как цельные, единые, определенные» [Curat 1991: 176]. Пользуясь формами *passé simple*, говорящий полностью разрывает связь между законченным действием в прошлом, которое таким образом становится «историей», и моментом речи.

В «рамке» же, напротив, все время отчетливо слышен голос повествователя. Нам представляется, что это в полной мере объясняется ее содержанием – изображением жизни главных героев, их взаимоотношений, в которые не вмешиваются никакие посторонние лица, гармонию которых ничто не нарушает. Идея «семьи», «дома», связанная с такого рода картинками, безусловно, представляется повествователю чем-то очень важным и личным, крайне близким ему, т. е. отнюдь не некоей «историей», по отношению к которой он мог бы быть более или менее беспристрастным рассказчиком.

В связи с этими соображениями нам кажется уместным процитировать рассуждения М. Барбазан о различных функциях *passé simple* и *passé composé* в нарративном тексте: по мнению исследователя, «употребление *passé simple* указывает на то, что говорящий решает отделить содержание текста от своей личной деятельности как повествователя» [Barbazan 2006: 165]. *Passé composé*, напротив, «становится на письме лингвистическим маркером речи и в некоторой степени сравнимо со звательным падежом: благодаря ему фигура повествователя материализуется, что тут же побуждает адресата включить ее в мысленное представление, которое составляется у него на основе текста» [Barbazan 2006: 164]. Это подтверждает наши предположения о тесной связи *le temps du récit* с образом повествователя и, как следствие, с композиционной структурой текста.

2. PASSÉ COMPOSÉ В «ЯДРЕ» РОМАНА

Кроме того, особенный интерес представляют те немногие формы *passé composé*, которые появляются в нарративном тексте «ядра» произведения. Помимо случаев, где выбор именно этих форм обусловлен грамматически и использование *passé simple* было бы невозможно (например, в придаточном предложении при глаголе в *présent* в главном), можно выделить особую группу контекстов, заслуживающих внимания. В таких контекстах формы *passé simple* и *passé composé* функционально равноценны, а с точки зрения стилистики формы *passé simple* были бы даже предпочтительнее, поскольку в рассказе о событиях прошлого автор пользуется именно ими.

Такие формы, находясь в непосредственном соседстве с *passé simple*, неизбежно привлекают внимание читателя. Следует отметить, что почти треть глаголов в таких контекстах (8 из 25 форм *passé composé* в «ядре», т. е. 32%) имеет форму 1 л. мн. ч. и служит для описания совместных действий главного героя и его жены, создавая контраст с действиями окружающих:

- (8) Il n'était ni 3 h 59 ni 4 h 01 quand on frappa à la porte.
Juliette et moi avons échangé le regard des premiers chrétiens livrés aux lions dans une arène.
Monsieur Bernardin me donna son manteau et alla prendre possession de son fauteuil.

- (9) À la tombée du soir, nous avons reconduit madame Bernardin chez elle. Nous sommes entrés sans frapper. Le mari nous gratifia d'un: «Et si elle est malade, ce sera votre faute!»

Здесь играет роль, очевидно, не только состав участников действия, но и оценка, которую дает ему повествователь. Так, действия героя с женой по спасению соседки от деспотизма мужа описываются в основном в *passé composé* (8 таких форм в разных эпизодах). Однако все их действия при первой встрече с соседкой, которая изначально вызвала у героев брезгливое чувство и насмешку, описаны в *passé simple*, поскольку спустя год повествователь уже не соглашается с такой оценкой и воспринимает эту реакцию отстраненно (5 таких форм в этом эпизоде, 21 во всем тексте романа):

- (10) Nous assistâmes à une querelle conjugale du troisième type.
(11) Peu à peu, nous identifiâmes un son <...>.

Все изложенные выше соображения позволяют нам связать выбор той или иной формы в нарративном тексте композиционного «ядра» романа с фигурой повествователя и его отношением к рассказываемой истории. Исследователи не-

однократно отмечали эту «субъективность» *passé composé*: к примеру, П. Шародо утверждает, что *passé composé* называет события, близкие к «настоящему» говорящего, а *passé simple* – события, далекие от него. Важно, что речь идет не о хронологической, а о психологической дистанции между фактами прошлого и моментом речи: по мысли ученого, «эта иерархия... скорее отражает психологическое (следовательно, субъективное) воздействие, которое эти события оказывают на говорящего во время его рассказа» [Charaudeau 1992: 468].

Представляется, что именно это явление мы наблюдаем в тексте романа «Les Catilinaires», причем во всех его композиционных частях. С одной стороны, события первой части «рамки» находятся дальше на оси времени от момента речи, чем взаимодействие четы Азель с соседями, однако они ближе к сфере «актуального» для повествователя, теснее связаны с его «настоящим», тогда как история с соседом воспринимается как чужеродный и поэтому далекий от счастливого «настоящего» элемент в жизни пары. С другой стороны, их совместная жизнь, разумеется, не прерывалась и во время знакомства с соседом, и те моменты, когда между героем и его женой царило согласие и они действовали сплоченно, мысленно выделяются повествователем на фоне «плана истории» как более близкие к их нынешнему (и обычному, если не считать того периода, в который укладывается «ядро» романа) состоянию, что и накладывает отпечаток на выбор *le temps du récit*.

В уже упоминавшемся эпизоде знакомства с соседкой нам встретился наиболее трудно объяснимый и поэтому особенно любопытный случай употребления *passé composé* в композиционном «ядре» текста:

(12) Ce *fut* alors que je *remarquai* le ruban bleu ciel avec lequel on – Palamède, sans doute – avait noué quelques mèches de ses cheveux. Cette coquetterie *vint* à bout de ma résistance: je *me suis mis* à hoqueter d’une manière pitoyable, maladive.

Форма *je me suis mis à hoqueter* стоит особняком в окружении глаголов в *passé simple* и никак не связана с совместными действиями героя и его супруги. Трудно предположить, что обозначаемое ею действие особенно актуально для повествователя в тот момент, когда он рассказывает свою историю, или что он дает этому действию положительную моральную оценку. Возможно, неожиданный выбор формы связан с тем фактом, что физиологические процессы иногда запоминаются крепче и ярче любых внешних событий именно в силу своего телесного характера: когда повествователь описывает эту сцену, неудержимая икота вспоминается ему так живо и отчетливо, что он актуализирует, «приближает» ее к моменту речи с помощью формы *passé composé*. Эта гипотеза, как и наши рассуждения по поводу других приведенных выше контекстов, перекликается с мыслью Э. Бенвениста о том, что «перфект устанавливает живую связь между событием, произошедшим в прошлом, и настоящим моментом, когда об этом событии рассказывается» [Benveniste 1966: 244].

Проведенное исследование позволяет предположить, что употребление форм *passé composé* и *passé simple* в тексте романа «Les Catilinaires» свидетельствует, во-первых, об их четком противопоставлении по аспектуальным признакам завершенности / незавершенности, а во-вторых – о возможной оппозиции этих форм по признаку делимости / неделимости. Различные оттенки аспектуальной семантики простого и сложного прошедшего формируют комплексное противопоставление, которое представляется нам связанным с «выражением актуальности / неактуальности действия для момента речи» [Гак 2000: 358]. Эта семантическая оппозиция наиболее явно прослеживается в нарративном тексте современного ху-

дожественного произведения, где не только возможно, но и частотно употреблен- ние обоих прошедших времен, вследствие чего такие тексты могут стать крайне перспективным объектом для аспектологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А., Буланин Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей. Л.: Про- свещение, 1967. 190 с.

Гак В. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.

Barbazan M. Le temps verbal. Dimensions linguistiques et psycholinguistiques. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2006. 470 p.

Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Vol. 1. Paris, 1966. 356 p.

Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette, 1992. 927 p.

Curat H. Morphologie verbale et référence temporelle en français moderne: Essai de séman- tique grammaticale. Genève: Droz, 1991. 337 p.

Denis D., Sancier-Chateau A. Grammaire du français. Paris: Livre de poche, 1994. 545 p.

Genette G. Figures. 3. Paris, 1972. 285 p.

Gosselin L. Sémantique de la temporalité en français: Un modèle calculatoire et cognitif du temps et de l'aspect. Louvain-la-Neuve: Duculot, 1996. 291 p.

Guillaume G. Temps et verbe: Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris, 1965. 134 p.

Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne: Essai de grammaire descriptive. Paris: Klincksieck, 1968. 269 p.

Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris, 2009. 1107 p.

Touratier C. Le système verbal français. Paris: Armand Colin, 1996. 253 p.

REFERENCES

Barbazan M. (2006) Le temps verbal. Dimensions linguistiques et psycholinguistiques. Tou- louse. Presses Universitaires du Mirail. 470 p.

Benveniste E. (1966) Problèmes de linguistique générale. Vol. 1. Paris. 356 p.

Bondarko A., Bulanin L. (1967) Russian Verb. Leningrad. Prosveshcheniye Publ. 190 p.

Charaudeau P. (1992) Grammaire du sens et de l'expression. Paris. Hachette. 927 p.

Curat H. (1991) Morphologie verbale et référence temporelle en français moderne: Essai de sémantique grammaticale. Genève. Droz. 337 p.

Denis D., Sancier-Chateau A. (1994) Grammaire du français. Paris. Livre de poche. 545 p.

Gak V. (2000) A Theoretical Grammar of the French Language. Moscow. Dobrosvet Publ. 832 p.

Genette G. (1972) Figures. 3. Paris. 285 p.

Gosselin L. (1996) Sémantique de la temporalité en français: Un modèle calculatoire et co- gnitif du temps et de l'aspect. Louvain-la-Neuve. Duculot. 291 p.

Guillaume G. (1965) Temps et verbe: Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris. 134 p.

Imbs P. (1968) L'emploi des temps verbaux en français moderne: Essai de grammaire des- criptive. Paris. Klincksieck. 269 p.

Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. (2009) Grammaire méthodique du français. Paris. 1107 p.
Touratier C. (1996) Le système verbal français. Paris. Armand Colin. 253 p.

Сведения об авторе:

Мария Владимировна Орлова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Orlova
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mriaorlova@gmail.com

В.Н. Пахтусова (Москва, Россия)

Жанровые традиции А.П. Чехова в творчестве Ю.М. Нагибина

Аннотация: В статье рассматривается связь творчества А.П. Чехова с творчеством Ю.М. Нагибина. Основная цель – установление степени преемственности, разработка литературной параллели «Чехов – Нагибин» глубже, чем это было сделано в более ранних критических работах. Обосновывается тезис о том, что интерес Нагибина к творческому наследию Чехова, проявившийся в разных публицистических работах, непосредственным образом отразился на его собственных произведениях. В фокусе внимания жанр микроромана, разработанный Чеховым в позднем творчестве и оказавшийся востребованным в ряде произведений Нагибина. Показывается, что в рамках одного произведения Нагибина прослеживаются жанровые традиции, отсылающие сразу к нескольким произведениям Чехова. Благодаря жанровому анализу произведений выявляется сходство между произведениями писателей, а также актуализируются различия.

Ключевые слова: Чехов, Нагибин, жанровые традиции, типологические связи, микророман

V.N. Pakhtusova (Moscow, Russia)

Anton Chekhov's Genre Tradition in Yuri Nagibin's Work

Abstract: The article explores the relationship between Chekhov's and Nagibin's work. The main goal is to establish the degree of Nagibin's adoption of Chekhov's art, to investigate the parallels between Chekhov and Nagibin in greater detail than it has been done before in critical research. It is proved that in Nagibin's non-fiction works the interest to Chekhov's artistic heritage was straightforwardly reflected. The genre of micronovel, that has been developed in later works of Chekhov and was used in some works of Nagibin lies in the focus of the investigation. The works of two authors are analyzed in terms of genre, which helps to reveal both differences and similarities in the works of Chekhov and Nagibin.

Key words: Chekhov, Nagibin, genre traditions, typological connections, micronovel

Важное место в творчестве Ю.М. Нагибина занимает фигура А.П. Чехова. Ему посвящено несколько публицистических работ, в которых Нагибин пытается осмыслить личность Чехова, его творческую доминанту, особенности его поэтики.

Такой интерес писателя к творчеству предшественника был продиктован не только желанием глубже открыть для себя произведения классика, но и стремлением освоить чеховские приемы, сочетать их с собственными эстетическими принципами. Среди многих достоинств чеховской прозы Нагибин выделяет его умение выстраивать произведения таким образом, чтобы в малую жанровую форму вмещался значительный объем событий: «В россыпи его рассказов дана не менее исчерпывающая картина жизни общества, чем в монументальной литературной форме»¹. В этом свете жанровые эксперименты Нагибина представляются неслучайными. Среди всего многообразия нагибинских произведений особый интерес вызывают те, что по своей форме и содержанию напоминают «микророман» – жанровую модель, получившую свое развитие в русской прозе во многом благодаря Чехову.

За жанром микроромана, у которого, подобно жанру романа, «жанровый костяк еще не затвердел и сохраняет исключительную, несравнимую с другими жанрами, пластичность»², в отечественном литературоведении еще не закрепилось четкого терминологического определения. Исследование этого феномена встречается в работах А.В. Побежимовой³, Ю.И. Дружникова⁴, П.Л. Вайля и А.А. Гениса⁵. Исследователи сходятся на том, что микророману свойственен широкий охват проблематики, подчеркнутая неопределенность героя, изображение значительной части его жизни, но в «сжатой», по сравнению с романом, форме. Такими свойствами обладает ряд поздних произведений Чехова (таких как «Ионыч», «Архиерей», «Дама с собачкой» и др.).

Следование традиции чеховского микроромана проявляется в произведении Нагибина «Где-то возле консерватории». Оно во многом соотносится с «Архиереем» Чехова. Нагибин, как и Чехов, обращается к крупной эпической форме в малом объеме текста.

Сюжетно и композиционно эти произведения имеют много общего: в центре повествования герой, активно ищущий на пороге смерти ответы на главные для него жизненные вопросы. Основа каждого из рассказов – это воспоминания главного героя, в которых восстанавливается картина всей его жизни.

Как у Чехова, у Нагибина произведение начинается с описания конкретной обстановки. Чеховский преосвященный Петр проводит службу в Старо-Петровском монастыре, а нагибинский Петров едет на автомобиле по центру Москвы. Оба героя еще не знают, что их ждет скорая смерть. Словно предчувствуя это, они заняты решением вопросов, имеющих в их внутреннем мире принципиальное значение. В «Архиерее» герой пытается осознать себя и свое место в жизни, понять, почему «за все время, пока он здесь, ни один человек не поговорил с ним искренно, попросту, по-человечески»⁶, ему «казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечталось когда-то» (10, 195). Петров же в рассказе «Где-то возле консерватории» понимает, что при всей насыщенности его жизни ему не хватает подлинного человеческого тепла, которое он однажды испытал, встретив

¹ Нагибин Ю. *Время жить*. М., 1987. С. 310.

² Бахтин М.М. *Собр. соч.*: В 7 т. Т. 3. М., 2013. С. 644.

³ Побежимова А.В. Микророман как эпический жанр // *Филология и человек*. Барнаул. 2009. № 3. С. 189–195.

⁴ Дружников Ю. Жанр для XXI века. lib.ru/PROZA/DRUZHNIKOV/ZhanrXXI.txt (дата обращения: 01.02.2017).

⁵ Вайль П., Генис А. *Родная речь: Уроки изящной словесности*. М., 2008.

⁶ Чехов А.П. *Полн. собр. соч. и писем*: В 30 т. Т. 10. М., 1986. С. 194. Далее цитируется в тексте с указанием тома и страницы в скобках после цитаты.

Таню. Герой Нагибина постепенно осознает потребность не столько в том, чтобы вновь увидеть Таню, сколько в стремлении «искать в каждом человеке и в себе самом, прежде всего в себе самом искать этот свет, делающий жизнь драгоценной»¹. Героев Чехова и Нагибина роднит то, что через воспоминания они пытаются познать себя настоящих. И оба приходят накануне смерти к ощущению внутренней свободы, самодостаточности. Архиерею «представлялось, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (10, 200). И нагибинский Петров рассуждает про себя в том же духе: «Я больше не боюсь старости, пусть приходит, если еще не пришла, я готов соответствовать ее целям и достоинству. Я знаю теперь, старость – не остановка, не начало конца, а новая ступень ракеты, летящей в неведомое нам, вон к той пушистой звезде...» (5, 326).

Оба героя «признаны в массах»: преосвященный Петр окружен толпой верующих, чутко отзывающихся на его эмоциональное состояние («Слезы заблестели у него на лице, на бороде. Вот вблизи еще кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом еще и еще, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем»; 10, 186), так же и Петров успешен на своем поприще – популяризации науки археологии: «С тех пор у него вышел десяток книг, имевших успех у читателей, их много раз переиздавали, переводили на иностранные языки» (5, 285). Но при этом герои ясно осознают свое одиночество в этом мире.

Мотив одиночества в «Архиерее» Чехова и в «Где-то возле консерватории» Нагибина выступает в роли жанрообразующего элемента и проявляется на разных уровнях произведений. Как преосвященный Петр ждет хотя бы со стороны своей матери искренности и простоты в общении, так и Петров надеется найти понимание со стороны своей жены. Однако до самой смерти герои остаются одиноки. Лишь когда чеховский Петр «не мог выговорить ни слова, ничего не понимал», в его матери прорывается материнское чувство: «Сыночек, Павлуша, отвечай же мне! – говорила старуха. – Что с тобой? Родной мой!» (10, 200). Так и жена нагибинского Петрова словно глубже начинает понимать своего мужа только после его кончины:

Вскрытие показало, что сосуды были вконец изношены, а сердце так произвестковалось, что стало как стеклянное. <...>

– Стеклянное сердце?.. Что же, оно звенело?

– Да, – с далекой улыбкой отозвалась мать. – Только мы не слышали. (5, 326)

Герои Чехова и Нагибина чувствуют себя подчиненными определенному жизненному распорядку. Даже чеховский келейник Сисой, кажущийся преосвященному Петру единственным настоящим и искренним с ним человеком, оказывается со своей повторяющейся репликой «Не ндравится мне!» статичным элементом окружающего миропорядка. И жизнь нагибинского Петрова лишь кажется наполненной: «Лет пять назад они с женой предоставили друг другу полную свободу... При всем том для знакомых они оставались семьей чуть ли не образцовой» (5, 286).

Как в тексте Чехова, так и в тексте Нагибина присутствуют подробности, значимые только в контексте развития сюжетного действия и формирующие подтекст, а также авторские отступления, достойные именно крупного эпического полотна и открывающие метафизические глубины. Так, в финале чеховского «Архиерея» о

¹ Нагибин Ю. Собр. соч.: В 11 т. Т. 5. М., 1989. С. 326. Далее цитируется в тексте с указанием тома и страницы в скобках после цитаты.

преосвященном Петре ни слова: «На главной улице после полудня началось катание на лыжах, – одним словом, было весело, все благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем» (10, 201). И текст Нагибина наполнен подобными элементами: «Наверное, несчастные, потерпевшие крушение, даже просто неуверенные в себе люди испускают некое скорбное излучение, позволяющее власть и силу имущим с ходу отказывать им» (5, 319).

Однако есть и принципиальное различие между произведениями Чехова и Нагибина: Чехов изображает столкновение героя с запредельным, недоступным для понимания, а Нагибин объясняет, что именно тяготит героя, его Петров в конце произведения приходит к осознанию цели своих внутренних поисков.

Для чеховского «Архиерея» и нагибинского «Где-то возле консерватории» характерно размывание границ между реальным и кажущимся. Но если Чехов использует этот прием несколько раз на протяжении произведения (в сознании преосвященного Петра, пребывающего в болезненном состоянии, то и дело всплывают реалистичные, детально проработанные картины прошлого), то у Нагибина этот прием используется только в конце произведения, перед эпизодом смерти Петрова: «Чудо явилось куда раньше, нежели он ожидал. Ночью, после того как он долго не мог уснуть... в измотавшей его дурманом яви, он почувствовал рядом с собой долгое прохладное тело... он понял, что Таня наконец пришла» (5, 326).

В произведении «Где-то возле консерватории» Нагибина на уровне жанровой формы и жанрового содержания также прослеживаются черты «Дамы с собачкой» Чехова – еще одного произведения писателя, в котором он использует возможности жанра микроромана.

Эти произведения Чехова и Нагибина соотносятся на сюжетном уровне: главные герои во время летнего отдыха в Крыму случайно встречаются с женщиной, которая впоследствии окажется центром их мироздания; как чеховский Гуров, так и нагибинский Петров будет разыскивать свою возлюбленную; писатели подробно останавливаются на описании нескольких встреч, растянувшихся во времени, и таким образом охватывают значительную часть жизни своих героев.

Произведения «Дама с собачкой» и «Где-то возле консерватории» также роднит заданная неопределенность главных героев. Нагибин, подобно Чехову, изображая человека неоднозначного, раздираемого внутренними противоречиями, избегает прямого выражения авторского отношения к герою.

Жизненные ситуации героев – Гурова и Петрова – имеют немало общего: опыт общения с разными женщинами, наличие жены и детей, стабильная работа. Однако в какой-то момент оба героя вырываются за пределы бытовой сферы и начинают прозревать за бытом – бытие. Их прозрение влечет за собой не моментальную перемену в жизни, но начало поиска нового пути, нового себя, бунт против «обывательщины»¹. Состояние влюбленности служит для Гурова и Петрова лишь толчком к началу этого пути, неслучайно ведь женские образы у Чехова и Нагибина лишены яркости. Как образ чеховской Анны Сергеевны отличается неприметностью («Невысокого роста блондинка, в берете»; 10, 128; «Тонкая, слабая шея, красивые, серые глаза»; 10, 130), так и образ нагибинской Тани, едва прорисованный, лишен явной привлекательности. Нагибин, как и Чехов, делает акцент только на глазах («...золотистые глаза в длиннющих, пушистых, “махровых” ресницах остались теми же – юными, ясными, добрыми»; 5, 308).

¹ Нагибин Ю. Время жить. <https://profilib.com/chtenie/79951/yuriy-nagibin-vremya-zhit.php> (дата обращения: 06.08.2017).

Нагибина восхищало умение Чехова соблюдать баланс между социальной и нравственной проблематикой: «Чехов был очень социален... каждый его герой прочно заложен в ячейку своей эпохи... но есть в них и что-то надвременное, коренящееся не только в общественном, социальном, имущественном положении, но и в извечной тайне человека, делающей его неисчерпаемым»¹. Нагибинский Петров, подобно чеховскому Гурову, изображается человеком своего времени. Социальные обстоятельства – главным образом, война – оставили свой отпечаток в жизни главного героя, однако в конечном счете не они, а обстоятельства жизни внутренней, столкновения с нравственными вопросами оказываются в центре изображения.

Таким образом, та жанровая форма, которую интуитивно создает Чехов, оказывается востребованной у Нагибина. Но он, осваивая ее возможности, показывает всю жизнь людей совсем другого времени. Оставаясь в рамках малой эпической формы, писатель запечатлевает сущностные черты их быта и бытия, а также изображает их в контексте важнейших событий эпохи.

Использование Чеховым и Нагибиным жанровой формы микроромана для художественного воссоздания самых разных жизненных ситуаций свидетельствует о ее универсальности и пластичности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М., 2012. 880 с.
- Вайль П., Генис А.* Родная речь: Уроки изящной словесности. М., 2008. 256 с.
- Дружников Ю.* Жанр для XXI века. lib.ru/PROZA/DRUZHNIKOV/ZhanrXXI.txt
- Нагибин Ю.* Время жить. profilib.com/chtenie/79951/yuriy-nagibin-vremya-zhit.php (дата обращения: 06.08.2017).
- Нагибин Ю.* Не чужое ремесло. М., 1983. 350 с.
- Нагибин Ю.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 5. М., 1989. 326 с.
- Побежимова А.В.* Микророман как эпический жанр // Филология и человек. Барнаул, 2009. № 3. С. 189–195.
- Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М., 1986. 495 с.

REFERENCES

- Bakhtin M.M. The Collected Works: In 7 vols. Vol. 3. Moscow. 2012. 880 p.
- Chekhov A.P. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Vol. 10. Moscow. 1986. 495 p.
- Druzhnikov Ju. Genre for the 21st century. lib.ru/PROZA/DRUZHNIKOV/ZhanrXXI.txt
- Nagibin Ju. (1983) Own Craft. Moscow. 350 p.
- Nagibin Ju. The Collected Works: In 11 vols. Vol. 5. Moscow. 1989. 326 p.
- Nagibin Ju. Time to Live. profilib.com/chtenie/79951/yuriy-nagibin-vremya-zhit.php (date accessed: 06.08.2017).
- Pobezhimova A.V. Micronovel as Epic Genre. *Philology and Human Being*. Barnaul. 2009. No 3, pp. 189–195.
- Vajl P., Genis A. (2008) Native Speech: The Lessons of Polite Literature. Moscow. 256 p.

¹ *Нагибин Ю.* Время жить. profilib.com/chtenie/79951/yuriy-nagibin-vremya-zhit.php (дата обращения: 06.08.2017).

Варвара Николаевна Пахтусова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Сведения об авторе:
Varvara N. Pakhtusova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
liceistka@gmail.com

Е.С. Стрельникова (Воронеж, Россия)

Двойничество как основной элемент поэтики романа Станислава Лема «Эдем»

Аннотация: В данной статье исследуется феномен двойничества как основополагающий элемент поэтики романа Станислава Лема «Эдем». Двойничество последовательно рассматривается на разных уровнях художественного текста. В рамках системы персонажей акцентируется внимание на диалектическом характере взаимоотношений главных героев, определен диффузный характер изучаемого явления, заключающийся в смешении типов антагонистического и близнецного двойничества, выявлено множественное двойничество между разными действующими лицами. Также отмечена мотивная контрастность текста как следствие проявления двойничества на мотивном уровне, выявлено влияние двойничества на идейно-философскую составляющую произведения. Особое внимание уделено рассмотрению авторских отсылок к современной действительности, выявлено социально-политическое звучание романа. Сделаны выводы о важной роли феномена двойничества в определении многомерности и многоаспектности содержания романа, раскрытии психологии героев, освещении моральных, нравственных и этических проблем.

Ключевые слова: Станислав Лем, Эдем, двойничество, двойник, антагонист, близнец

E.S. Strelnikova (Voronezh, Russia)

The Duplicity as the Basic Poetics' Component of Stanislaw Lems' novel "Eden"

Abstract: This article looks at the duplicity as the most important poetics' component of Stanislaw Lems' novel "Eden". In the characters' system special attention is paid to the dialectical features of the main characters' relationship. The diffusive peculiarities of the novels' duplicity which are the merging of antagonistic and twinned duplicities' types is also under analyses. The scientific research defines the duplicity between different characters, describes the motif texts' contract as consequence of the motif levels' duplicity and emphasizes the duplicities' influence of the philosophical novels' component. In conclusion the importance of duplicity for determining the differences and similarities of characters' psychology and for describing moral and ethical problems is emphasized.

Key words: Stanislaw Lem, "Eden", duplicity, double, antagonist, twin

Роман «Эдем» (1959), как и другие романы Станислава Лема, интересен множеством несюжетно поданных философских и нравственных вопросов. Глубина рассмотрения Лемом психологии своих героев, изображение развития человеческой личности, социальное звучание романа – все это отчасти скрывается за ярким и увлекательным сюжетом и потому нуждается в особенно тщательном рассмотрении.

В «Эдеме» шесть действующих лиц, максимально обезличенных автором. В соответствии с точкой зрения Н.Д. Тамарченко¹ мы разделяем основных действующих лиц на героев (Координатор, Инженер, Доктор) и персонажей (Физик, Химик, Кибернетик). Главенство первых обусловлено их функциональной позицией, совокупностью разнообразных мотивов, ролью в разворачивании сюжета, определенными отличительными признаками (портретные штрихи у Координатора и Доктора, имя у Инженера).

Все члены экипажа, кроме Координатора, имеют порядковые номера, создающие определенную иерархию, на первое место в которой выводится Инженер, на последнее – Доктор. В то время как центральная роль Координатора в романе обусловлена его функционально руководящей позицией, Инженер и Доктор сразу же привлекают внимание читателя и исследователя за счет явного противопоставления представителя технической (можно сказать – логической) функции единственному на весь экипаж ученому-естественнику. Позже сюжетные взаимоотношения Доктора и Инженера еще обратят на себя внимание эмоциональным противоборством и множественными ситуациями разногласий, сопряженными, однако, с глубокой эмоциональной привязанностью друг к другу.

Применительно к данным героям впервые и возникает мысль об определенном двойничестве их характеров. А при более близком рассмотрении оказывается, что двойничество играет большую роль и при обращении к социальным, моральным и нравственным проблемам, скрытым в подводном течении сюжета.

Что же представляет собой двойничество, какова природа этого явления? Ответы на этот вопрос искали М.М. Бахтин, Н.Т. Рымарь, О.М. Фрейденберг, Д.С. Лихачев и др. Наиболее обстоятельной нам представляется работа С.З. Аграновича и И.В. Саморуковой «Двойничество», обобщившая опыт предшествующих исследователей и рассматривающая феномен двойничества максимально многосторонне и глубоко.

Согласно исследователям двойничество – это способ разворачивания на разных уровнях художественного образа и моделирование места человека в изображаемом мире². Двойничество, представляя собой минимальную социальную модель (один – другой), позволяет вскрыть суть изображаемых автором характеров и базируется на диалектической сущности их отношений.

В «Эдеме» наше внимание акцентируется, прежде всего, на Докторе как на фигуре, наиболее противопоставленной автором остальным действующим лицам. Интересно, что во множестве других произведений Лема мы тоже встречаем героев-естественников и врачей, которые к тому же зачастую являются героями главными («Человек с Марса», 1946; «Магелланово облако», 1955; «Возвращение со звезд», 1961 и др.).

Доктор как никто другой близок природе, человеку и любому другому живому существу; он носитель доброго начала, разума, гуманности, свободы, потому отчасти может рассматриваться как хоть и далекий, но «потомок» известного ли-

¹ См.: Тамарченко Н.Д. Герой // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 43–45.

² См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара, 2001. С. 10.

тературе «естественного человека». Добродушие Доктора, идеализм, восторженность, внимание к окружающему миру и любовь к нему явно противопоставлены технократичности остальных членов экипажа. Предприимчивость, любопытство, смелость, наблюдательность, рассудительность в принятии решений делают Доктора прирожденным исследователем, «двигателем» сюжета и единственным героем, способным установить контакт с иной цивилизацией.

Особенность Доктора – в наличии внутреннего конфликта и эволюции характера, что связано с невозможностью следования своим убеждениям в сложившихся условиях. Перед нами врач, который не может спасти пациентов; исследователь, склонившийся в итоге к агностической позиции; гуманист, вынужденный принимать участие в убийствах; идеалист, разочаровавшийся в человечестве. Не случайно определенные черты характера Доктора, многократно подчеркнутые в начале романа (оптимизм, чувство юмора, говорливость), к концу произведения сменяются противоположными.

Гуманистическая позиция Доктора, данная в романе в противовес точке зрения остальных членов экипажа, представляет для нас большой интерес как фактическое выражение позиции самого автора. И Лем в других романах и теоретических работах (в частности, «Фантастика и футурология»¹), и Доктор в «Эдеме» говорят о нецелесообразности сравнения разных цивилизаций, надежде на установление контакта с иным разумом и убеждении в его невозможности, о варварстве человечества, о губительности военных действий: «Война – худший способ сбора информации о чужой культуре»².

Инженер явно противопоставлен Доктору, но это отнюдь не традиционная оппозиция «холодность – чувствительность», «логика – эмоции». Отдельные позитивные эмоции Доктора (улыбка, смех, восторженность) противопоставляются активно отрицательным эмоциям Инженера (злость, ярость, вспыльчивость). Оппозиционны и их отношения к неисследованному миру (позитивное – Доктора и негативное – Инженера); принятие иной цивилизации одним и ее отторжение другим; любопытство одного и отстраненность другого; гуманистическое и технократическое начало; созидание и разрушение и проч.

Подобная совокупность оппозиций наводит исследователя на мысль о том, что Доктор и Инженер принадлежат к типу двойников-антагонистов (в качестве известнейших примеров подобных двойников вспомним Онегина и Ленского, Обломова и Штольца, Чацкого и Молчалина). Агранович и Саморукова характеризуют этот тип как бинарное противопоставление характеров, отличающееся тем не менее определенной диффузией³.

Конфликт двойников-антагонистов тесно связан с двоemiрием, поскольку каждый из двойников выступает как символ определенного пространства⁴. Пространство Доктора – пространство жизни и сострадания, мир мечтаний и исследовательского любопытства. Мир Доктора открыт всему новому, отсюда его хорошая адаптация новым внеземным реалиям, отсюда готовность и (что самое главное) способность контактировать с новыми формами жизни.

¹ См.: Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1 / Пер. с пол. С.Н. Макареца, под ред. В.И. Борисова. М., 2004. С. 89–90.

² Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый / Пер. с пол. Д. Брусина и А. Громовой. М., 2016. С. 363.

³ См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара, 2001. С. 13–14.

⁴ См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. С. 16–17.

Иной мир представляет Инженер. Его пространство метафизически замкнуто, он оказывается неготовым принять нечто выходящее за пределы его понимания, он стремится вписывать все происходящее вокруг в известную ему устоявшуюся систему координат. Толкование Инженером действительности однобоко и механистично.

Однако между героями есть и очевидное сходство, которое подчеркивает сам Доктор в диалогах с Инженером. Обоим свойственен идеализм (пусть и направленный на разные области: гуманизм у Доктора и технократизм у Инженера). Как и Доктора, Инженера отличает психологическая дисгармония, нарастающая к концу произведения. Инженер – потенциальный гуманист, он сочувствует положению инопланетян настолько, что готов сражаться за них. Интересно, что Лем в «Фантастике и футурологии» рисует совершенно аналогичный образ сочувствующего гуманиста, готового для защиты угнетенных взять в руки оружие¹.

Инженер, таким образом, является антигероем, но не антагонистом. Он не создает препятствий протагонисту Доктору, в нем нет зла. Другими героями и персонажами (и, как следствие, автором) не осуждаются его действия, вызванные лишь импульсивной реакцией на непредвиденные события.

Отсюда становится очевидным, что выстроенная автором система оппозиций героев художественно работает на диалектику их отношений, заключающуюся в единстве и борьбе противоположностей. Это, в свою очередь, наталкивает нас на мысль об ином, близнечном характере их двойничества, которое в идеальном своем проявлении характеризуется мнимым внешним конфликтом, скрывающим идентичность действующих лиц². В нашем случае отрицать конфликтную сторону взаимоотношений героев мы не можем. Таким образом, перед нами сложный, диффузный вариант двойничества, сочетающий черты двойничества антагонистического и близнечного.

Считается, что близнечная пара практически всегда связана с идеей распада (морального, нравственного или мировоззренческого)³, а в ходе развития сюжета двойников, как правило, ждет гибель, которая выступает как результат бессилия героев перед внешними обстоятельствами⁴ (вспомним двойничество Раскольников и Свидригайлова, Рогожина и князя Мышкина). Вспомним же метафизическую гибель Доктора как врача, гуманиста и идеалиста, а также нарастающую к концу романа отчужденность Инженера от морально-этических сторон создавшейся ситуации, т. е. окончательный крах попыток его гуманистического возрождения.

Таким образом, мы присутствуем при условной гибели обоих двойников, которую, рассматривая в более широком смысле, мы определим как гибель лемовского героя-идеалиста и авторское сожаление по исчезнувшему, насильственно убитому гуманизму, что, помимо прочего, обращает нас ко времени написания данного романа (1959 г.), периоду «холодной войны» и множеству локализованных конфликтов. Уже в 1961 г. перед читателями появится один из самых известных романов Станислава Лема «Солярис», в котором не будет места идеалистическим мечтаниям, в котором исследовательское любопытство уступит место беспомощности и страху перед неподконтрольными человеческому разуму силами.

Как известно, у одного героя может быть несколько двойников (Раскольников – Лужин – Свидригайлов). В нашем случае в качестве двойника Доктора можно рассматривать и Координатора – прежде всего с функциональной точки

¹ См.: Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1. С. 195–196.

² См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. С. 45.

³ См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. С. 49.

⁴ См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. С. 50.

зрения: деятельность обоих героев (в отличие от остальных действующих лиц) направлена на работу с людьми. Сходство между Доктором и Координатором прослеживается и в ряде характеристик (спокойствие и рассудительность, смелость, решительность, преимущественно тихий голос). Примечательно, что к концу произведения автор все чаще вкладывает свою точку зрения в уста Координатора, чье мнение сформировалось под влиянием Доктора.

Кибернетика мы не считаем двойником кого-либо в силу не до конца раскрытого характера персонажа. Напротив, Химик и Физик – характеры яркие, пусть и ограниченные одной-двумя наиболее преобладающими чертами. Страх и нервность Химика, мы полагаем, затмевают его истинную сущность – потенциальное любопытство и интерес к исследованиям, на что автор намекает нам сюжетно, дважды поставив Химика бок о бок с Доктором в крайне опасные ситуации, граничащие с возможностью гибели. Химик становится не просто двойником, а пассивной тенью, падающей от волевого характера Доктора.

Напротив, Физик, являющийся двойником Инженера, – проявление худших черт характера антигероя. Физика характеризует сдержанная, затаенная жестокость, проявившая себя в самый критический момент и поставившая под удар жизнь живого существа (вспомним Сарториуса из «Соляриса», в фигуре которого типаж Физика найдет еще более крайнее выражение). В то время как отрицательные действия Инженера есть лишь неподконтрольная ему самому реакция на неожиданное развитие событий, жестокость его двойника имеет в основе глубинные психологические и нравственные причины.

Двойничество всегда связано с традиционной оппозицией «жизнь – смерть», причем последняя может быть как мнимой, что уже рассмотрено нами выше, так и настоящей, находящей свое проявление в разнообразных мотивах, тесно связанных с фигурами Инженера и Доктора. И хотя чаще всего о двойничестве говорят исключительно применительно к системе персонажей, это выводит нас на новый, мотивный уровень, разнообразно и богато представленный в романе.

Мотив – семантически насыщенный компонент произведения, активно причастный теме и концепции произведения, но им не тождественный¹. С Доктором в романе связаны все культурно-цивилизационные мотивы, акцентуализирующие воспоминания о Земле: мотив книг, мотив музыки, мотив прошлого и старины, мотив дома. Отдельного упоминания заслуживают мотивы сохранения жизни и кислорода (в силу функциональной позиции), мотив улыбки и проч., условно названные нами «жизненными» мотивами.

Меньшую, но не менее яркую совокупность мотивов мы наблюдаем и в связи с фигурой Инженера. Не случайно именно с Инженером автор связывает мотив выстрела – самый сильный мотив в романе, влекущий за собой мотивы разрушения, убийства, оружия и – особенно – атомного взрыва. Текст романа, таким образом, мотивно контрастен, источник чего мы усматриваем именно в двойничестве главных героев.

«Разрушительные» мотивы тоже вызывают в памяти читателя определенные воспоминания о Земле. В них же кроется разгадка имени Инженера (Генрих). Данные мотивы в сочетании с агрессией Инженера, древнегерманским происхождением его имени и некоторыми фактами биографии самого Лема обращают нас к истории Второй мировой войны, хотя не означают отождествления Инженера с

---

¹ См.: Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. С. 50.

фашистской Германией. В этом лишь реализация авторского замысла, «возвращающего» читателя из области научной фантастики к земным реалиям и проблемам.

Обратимся же к идейно-философскому содержанию произведения. Антиутопия, хотя и являясь жанром фантастическим, отражает современную автору действительность, доводя ее негативные явления до абсолюта. Исходя из этого логично сопоставить не Эдем и Землю будущего, с которой прилетел корабль с экипажем (сопоставление все равно не представляется возможным потому, что нам ничего неизвестно о новой Земле), а Эдем и Землю, современную автору.

Разительные отличия Эдема от земного мира поражают воображение читателей, заставляя полностью забыть о возможности каких-либо сравнений или сопоставлений в буквальном смысле, о чем нам устами Доктора говорит и сам Лем. Однако странности экзотического мира бледнеют перед освещенной автором социально-политической действительностью жителей Эдема, ужасы которой представляют собой нивелирование понятий морали и нравственности и полное отсутствие сострадания и гуманизма.

Переписывание истории, тотальный контроль властей предрешающих, геноцид мирного населения – и вот читатель уже забыл о далекой-далекой планете с таким райским (земным!) названием, и вот он уже, подобно Инженеру, готов взять в руки оружие и встать на защиту не инопланетных существ, но людей, скрытых внутри них. Противопоставление снова, как и в случае с нашими героями, переходит в глубинное сходство, – но теперь на ином уровне, позволяющем вскрыть ужасы событий, свидетелем которых был сам автор. Уже не герои, а миры-антиподы на поверку оказываются мирами-близнецами, пусть такими далекими во времени и пространстве.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что двойничество играет огромную роль в многоаспектном раскрытии содержания романа. Двойничество позволяет нам лучше постичь психологию главных героев, мотивацию их действий, преодолеть часто встречающуюся в тексте недосказанность. Поступки, настроение, поведение Инженера и Доктора важны не только с точки зрения развертывания сюжета, но с позиции рассмотрения моральных, нравственных, этических проблем, встающих перед героями романа.

Двойничество усложняет прочтение произведения, демонстрирует почти толстовский «лабиринт сцеплений», невидимый при сюжетном рассмотрении романа, тонкие нити на разных уровнях художественного текста, обращающие читателя к проблемам современной автору действительности. И именно двойничество придает роману социально-политическое звучание, делает его многослойным и многоаспектным, заставляет воспринять этот текст как подлинно философское произведение, столь же глубокое в своей проблематике, как и другие работы Станислава Лема.

ЛИТЕРАТУРА

Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. 132 с.

Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый / Пер. с пол. Д. Брускина и А. Громовой. М.: АСТ, 2016. 605 с.

Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1 / Пер. с пол. С.Н. Макарецва; под ред. В.И. Борисова. М.: АСТ; Ермак, 2004. 592 с.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

REFERENCES

- Agranovich S.Z., Samorukova I.V. (2001) Duplicity. Samara University Press. 132 p.
Lem S. (2016) Solaris. Eden. Invincible. Moscow. AST Publ. 605 p.
Lem S. Fantasy and Futurology. Book 1. Moscow. AST Publ. 2004. 592 p.
Poetics: The Dictionary of Actual Terms and Concepts. Moscow. Izdatelstvo Kulaginoy, Intrada Publ. 2008. 358 p.
Khalizew V.E. (2002) The Theory of Literature. Moscow. Wysshaya Shkola Publ. 436 p.

Сведения об авторе:

Екатерина Сергеевна Стрельникова,
магистрант
филологический факультет
Воронежский государственный университет

Ekaterina S. Strelnikova,
Magister
Faculty of Philology
Voronezh State University

svstrelnikov@inbox.ru

Библиографии

Bibliography

М.Ю. Котова (Санкт-Петербург, Россия)

**Изучение славяно-германской компаративистики в Германии:
Тематическая библиография диссертаций
и других фундаментальных научных исследований Германии
по славяно-германской компаративистике (1998–2017)**

М.У. Kotova (Saint Petersburg, Russia)

**Slavonic-Germanic Comparative Studies in Germany:
Thematic Bibliography of Dissertations and Other Types
of Fundamental Research in Germany
on Slavonic-Germanic Comparative Studies (1998–2017)**

ДИССЕРТАЦИИ

ЛИНГВИСТИКА (ДИСКУРС)

Janik Ch. Epistemologische Haltungen in geschichtswissenschaftlichen Texten. Zum Gebrauch evidentieller Markierungen in russischen und deutschen wissenschaftlichen Texten. Hamburg 2006 [D Hamburg]

Radunzel C. Russische und deutsche Reden vor den Vereinten Nationen. Frankfurt am Main etc. 2002. [D HU Berlin]

Wiemer B. Diskursreferenz im Polnischen und Deutschen, aufgezeigt an der narrativen Rede ein- und zweisprachiger Schuler. München 1997. [D Hamburg]

ЛИНГВИСТИКА

(ДВУЯЗЫЧИЕ, МНОГОЯЗЫЧНОСТЬ, ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ)

Bayer M. Sprachkontakt deutsch-slavisch. Eine kontrastive Interferenzstudie am Beispiel des Ober- und Niedersorbischen, Karntnerslovenischen und Burgenlandkroatischen. Frankfurt am Main etc. 2006. [D]

Blankenhorn R. Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien. Frankfurt am Main etc. 2003. [D HU Berlin]

Dieser E. Genuserwerb im Russischen und Deutschen Korpusgestützte Studie zu ein und zweisprachigen Kindern und Erwachsenen. München – Berlin 2009. [D Tübingen]

Feldmeier B. Anrede im Sprachkontakt. Reflexion und Gebrauch von Anredestrategien durch tschechische Migranten im deutschsprachigen Umfeld. München etc. 2014. [D Regensburg]

Goldbach A. Deutsch-russischer Sprachkontakt. Deutsch Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin. Frankfurt am Main etc. 2005. [D HU Berlin]

Gregor E. Russian-English Code-switching in New York City. Frankfurt a. Main etc. 2003. [D HU Berlin]

Handke E. Untersuchungen zum Redeverhalten russischsprachiger Migranten (am Beispiel einer Probandengruppe aus Magdeburg / Sachsen Anhalt). Magdeburg 2009. [D Magdeburg]

Karl K.B. Bilinguale Lexik. Nicht materieller lexikalischer Transfer als Folge der aktuellen russisch deutschen Zweisprachigkeit. München – Berlin 2012. [D Hamburg]

Rethage W. Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktlinguistische und soziolinguistische Aspekte. München–Berlin 2012. [D Gießen]

Stöhr I. (geb. Fleischmann). Zweisprachigkeit in Böhmen: deutsche Volksschulen und Gymnasien im Prag der Kafka Zeit. Weimar, Köln 2010. [D Regensburg]

Zinkhahn-Rhobodes D. Sprechen entlang der Oder: Der Charakter der sprachlichen Grenzen am Beisp der deutsch-polnischen Sprachroutine, Frankfurt a. M. u.a. 2016. [D Frankfurt / Oder]

ЛИНГВИСТИКА (ДИДАКТИКА)

Bordag D. Psycholinguistische Aspekte der Interferenzerscheinungen in der Flexionsmorphologie des Tschechischen als Fremdsprache. Hildesheim 2006. [D]

Bottger K. Negativer Transfer bei russischsprachigen Deutschlernern: Die häufigsten muttersprachlich bedingten Fehler vor dem Hintergrund eines strukturellen Vergleichs des Russischen mit dem Deutschen. Hamburg 2006. [D Hamburg]

ЛИНГВИСТИКА (ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ)

Bruns T. Russische Internet-Terminologie. Unter vergleichender Berücksichtigung des Französischen und des Deutschen. Mit ein lexikographischen Teil D-R/R-D und D-F/F-D. Frankfurt am Main 2001. [D Trier]

Golubović B. Germanismen im Serbischen und Kroatischen. München 2007. [D Tübingen]

Meger A. Makro und Mediostruktur in Neologismenwörterbüchern. Ein Beitrag zur Theorie und Praxis der Neologismenlexikografie des Polnischen, Russischen, Tschechischen und Deutschen. Saarbrücken 2011. [D Mainz Gernersheim]

Notarp U. Lebenskonzepte und Lebensstile in West- und Ostdeutschland, der Tschechischen Republik und Polen. Eine Morphologie des soziokulturellen Systems auf der Basis von Kontaktanzeigen. Dresden 2016. [H Dresden]

Radünzel C. Bezeichnungen für Führungspersonen im Russischen im Vergleich mit anderen slawischen Sprachen und dem Deutschen. Heidelberg 2010. [H Marburg]

Seemann K. Zur Frage einer spezifischen Konnotation deutscher Lehnwörter im Polnischen. Diachrone Studien an synonymischen Konstellationen. Oldenburg 2009. [D Oldenburg]

Schulze-Neufeld H. Grüßen im Deutschen und Russischen. Eine kontrastive inferenzstatistisch-empirische Analyse. Frankfurt a. M. 2012. [D HU Berlin]

ЛИНГВИСТИКА (ФРАЗЕОЛОГИЯ)

Ilyashava K. Phraseme mit temporaler Bedeutung im Weißrussischen und Deutschen. Eine kontrastive Studie. Frankfurt a. M. etc. 2012. [D HU Berlin]

Šichová K. “Mit Händen und Füßen reden”. Verbale Phraseme im deutsch tschechischen Vergleich. Heidelberg – Tübingen 2012. [D Regensburg]

ЛИНГВИСТИКА (ОНОМАСТИКА)

Zschieschang Ch. Slaven und Deutsche zwischen Elbe und Dubener Heide aus namenkundlicher Sicht. Leipzig 2004. [D Leipzig]

ЛИНГВИСТИКА (СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФОНОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА)

Afonin S. Die Distanzanrede im modernen Deutschen und Russischen. Eine kontrastiv-pragmatische Analyse empirischer Daten. Frankfurt am Main 2011. [D HU Berlin]

Andreeva B. Contrastive Prosody: German / Bulgarian. Saarbrücken 2017. [H]

Bartels H. Dativ oder Präposition zur Markierungsvariation im Kontext adjektivischer Prädikate im Deutschen, Russischen and Polnischen. Oldenburg 2005. [D Oldenburg]

Lisek G. Sprachgesetze – ihre Begründungen und ihre Effektivität. Ein polnisch-deutscher Vergleich der Sprachpolitik. Jena 2014. [D Greifswald]

Půda A. Zur Theorie der Lehnprägung im deutsch-tschechischen Sprachkontakt. Eine historisch vergleichende Untersuchung im inner-slavischen und europäischen Kontext. Frankfurt a. M. etc. 2010. [D Heidelberg]

Scheller Boltz D. Präponeme und Präponemkonstrukte im Russischen, Polnischen und Deutschen. Zur Terminologie, Morphologie und Semantik einer Wortbildungseinheit und eines produktiven Kompositionstypus. Mainz 2009. [D Mainz]

Schlund K. Genese und Gebrauch von Höflichkeitsformeln im Serbischen und Deutschen. Ein funktionales Modell der Höflichkeit und seine Anwendung. München – Berlin 2009. [D Heidelberg]

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Bitner-Szurawitzki A. Wagner als Philologe. Textarchäologische Erschließung des “Rings des Nibelungen” und dreier polnischer Übersetzungen. Würzburg 2013. [D Mainz]

Keller S. Diminutiva im balkansprachlichen Übersetzungsvergleich. Eine Untersuchung am Beispiel des Romans “Buddensbrooks” von Thomas Mann. München – Berlin 2010. [D Berlin FU]

Krauß E. Roman Ingardens “schematisierte Ansichten” und das Problem der Übersetzung. Berlin 2011. [D Jena]

Kroucheva K. “Goethereif”. Die bulgarischen Faust Übersetzungen. Wiesbaden 2009. [D Göttingen]

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Artwińska A. Poetry in the Service of Politics. The Case of Adam Mickiewicz in Communist Poland and Johann Wolfgang von Goethe in East Germany, transl. by Kalina Iwanek. Frankfurt a. M. 2015. [D Hamburg. Übersetzung der Dissertation aus dem Polnischen]

Dubeck K. Schlesien – Zur literarischen Gestaltung von Heimat in ausgewählten deutschen, polnischen und tschechischen narrativen Texten der 60er Jahre des 20. Jahrhunderts. Mit einem Ausblick auf die weitere Entwicklung. [Ersch. u.d. T.: Heimat Schlesien nach 1945. Eine Analyse deutscher, polnischer und tschechischer Prosatexte. Hamburg 2003] [D Leipzig]

Efimova S. Das Schriftsteller-Notizbuch als Denkmedium in der russischen und deutschen Literatur. Berlin FU 2016. [P]

Kirschbaum H. “Valgally beloe vino...” Nemeckaja tema v poezii O. Mandel’shtama. Moskva 2010. [D Regensburg]

Natterer C. Faust als Künstler. Thomas Manns “Doktor Faustus” und Michail Bulgakovs “Master i Margarita”. Frankfurt a. M. 2000. [D Bonn]

Sivuda O. “Aber plötzlich war mir als drohe das Haus über mir zusammenzubrechen”. Komparative Analyse des Heimkehrermotivs in der deutschen und russischen Prosa nach dem Zweiten Weltkrieg. Stuttgart 2015. [D Gießen]

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (ИМАГОЛОГИЯ, РЕЦЕПЦИЯ)

Baumgartner I. Zeit und Sprache im lyrischen Werk Iosifs Brodskijs. 2004. [D Köln]

Bielfeldt S. Selbst oder Natur. Schellings Anfang in Rußland. München 2008. [H Tübingen]

Boden D. Irritation als narratives Prinzip: Untersuchungen zur Rezeptionssteuerung in den Romanen Milan Kunderas. Hildesheim 2006. [D]

Chernova A. Mémoires et Mon Histoire. Zarin Katherina die Große und Fürstin Katharina. R. Daschkowa in ihren Autobiographien. Berlin 2007. [D Leipzig]

Garstka Ch. Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906–1909. Frankfurt a. M. 1998. [D Heidelberg]

Hanshew K. Švejkiaden. Švejks Geschehe in der tschechischen, polnischen und deutschen Literatur. Frankfurt a. M. 2009. [D Regensburg]

Karakaschew D. Fremd und Eigenbilder in Reisebeschreibungen zu Bulgarien von Konstantinov, Vazov und Kanitz. Jena 2008. [D Jena]

Lembke H. A.S. Griboedov in Deutschland. Studie zur Rezeption A.S. Griboedovs und der Übersetzung seiner Komodie “Verstand schafft Leiden” – “Gore ot uma” in Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. [D Greifswald] 2003, als Typoskript publiziert Greifswald 2004.

Meyer-Fraatz A. Die slavische Moderne und Heinrich von Kleist. Zur zeitbedingten Rezeption eines Unzeitgemäßen in Russland, Polen und Kroatien. Wiesbaden 1998. [H Gottingen]

Ohme A. Karel Capeks Roman “Der Krieg mit den Molchen”. Verfahren – Intention – Rezeption. Frankfurt a. M. (u.a.) 2002. [D Jena]

Salamurović A. Wie viele Gesichter hat Deutschland? Das Deutschland bild in der serbischen Presse 1990–2006. Wiesbaden 2013. [D Jena]

Schumann D. Oblomov-Fiktionen. Zur produktiven Rezeption von I.A. Goncarovs Roman Oblomov im deutschsprachigen Raum. Würzburg 2005. [D Bamberg]

Swiderska M. Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. Tübingen 2001. [D Tübingen]

Warnke M. Die Rezeption russischer Gegenwartsprosa in der Bundesrepublik 1976–1995. Versuche einer Chronologie. Hamburg 2000. [D Gießen]

Zink A. Andrej Belys Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. München 1998. [D Basel]

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Hepp U. Untersuchungen zur Psycholinguistik am Beispiel des Briefwechsels Rilke | Cvetajeva | Pasternak. Wiesbaden 2000. [D Oldenburg]

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (ЭМИГРАЦИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ)

Burchard A. Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941: Institutionen des literarischen Lebens im Exil. München 2001. [D Rostock]

Jörg N. Schreiben im Exil – Exil im Schreiben: zur narrative Vermittlung von Exilerfahrungen bei Vladimir Nabokov und Iosif Brodskij. München 2012. [D Tübingen]

Kohler G.-B. Boris de Schloezer (1881–1969). Wege aus der russischen Emigration, Köln / Weimar / Wien 2003. [D Würzburg]

Scholz N. “essence has been revealed to me...”. Umkreisungen des Nondualen im Prosawerk von Vladimir Nabokov. Berlin 2014. [D München]

Wagner W. Literarische Grenzüberschreitungen im “unheimlichen” deutsch-polnischen Raum: Geopoetische Untersuchungen zu Sabrina Janesch, Artur Becker und Andrzej Stasiuk. Dresden 2017. [P]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Balke F. Europäische Oper und russische Moderne Musiktheatralisches in den Texten Innozentij Annenskij, Michail Kuzmins und Isaak Babels. Frankfurt a. M. 2009. [D Hamburg]

Colombi M. Multiethnizität und Multikulturalität in Prag und Triest 1919–1939. Historischer und literarischer Raum im typologischen Vergleich. Leipzig 2008. [D Leipzig / L’Aquila (Italien)]

Kirschbaum S. Apologien Russlands. Ein russisch-deutsches Presse-Projekt (1820–1840) und dessen Gestalter Fedor I. Tjutčev und Friedrich L. Lindner. Frankfurt a. M. u.a. 2015. [D Bochum]

**НАУЧНЫЕ МОНОГРАФИИ,
СБОРНИКИ, СЛОВАРИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

(ДВУЯЗЫЧИЕ, МНОГОЯЗЫЧИЕ, ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ)

Afonin S. u.a. (Hgg.) Russische Sprache heute. – Zwischen Fremd und Muttersprache. Berlin 2014.

Karl K. B. Bilinguale Lexik. Nicht materieller lexikalischer Transfer als Folge der aktuellen russisch-deutschen Zweisprachigkeit. München etc. 2012.

Marterior K., Nübler N. (Hgg.) Mehrsprachige Sprachlandschaften? Das Problem der slawisch-deutschen Mischtoponymie. Akten der Kieler Tagung 16.–18. Oktober 2014. Leipzig 2016.

Nekula M., Bauer V., Greule A. (Hgg.) Deutsch in multilingualen Stadtzentren Mittel und Osteuropas. Um die Jahrhundertwende vom 19. zum 20. Jahrhundert. Wien 2008.

Zhdanova V. (Hg.). Russkij jazyk v uslovijach kul’turnoj i jazykovej polifonii. Berlin – München 2009.

ЛИНГВИСТИКА (ДИДАКТИКА)

Afanasjeva I., Klobukova L., Mengel S. Russisch in interkultureller Kommunikation: Zertifizierung der Sprachkenntnisse. Teil II. Basisstufe. Halle (Saale) 2010.

Afanasjeva I., Klobukova L., Mengel S., Vavulina A. Russisch in interkultureller Kommunikation. Zertifizierung der Sprachkenntnisse. Teil III. Halle (Saale) 2011.

Freise M., Grimmig E., Mroß O., Riggler S. Russkij jazyk bez kul’turnych granic dlja nemeckojazychnych studentov. Grünberg (Schlesien) 2009.

Hengst K. Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend. Ausgewählte Studien zur Sprach- und Namenforschung. Wien 2014. [erschienen Oktober 2015]

Kuße H. (Hg.). Bohemicum Dresdense. Beiträge zur Didaktik, Sprachentwicklung und Übersetzung des Tschechischen. München 2010.

Mehlhorn G., Heyer Ch. (Hgg.) Russisch und Mehrsprachigkeit. Lehren und Lernen von Russisch an deutschen Schulen in einem vereinten Europa. Tübingen 2011.

Nübler N., Trunk A. Einführung in die russisch-deutsche Rechtsterminologie. Zugleich eine vergleichende Einführung in das deutsche und russische Recht. Lehr- und Übungsbuch. Unter Mitarbeit von Anne Lehrke, Lilya Flinsch, Susanne Rieckhof und Nazar Panych. Hamburg 2016.

Schwarz W.F. u.a. (Hgg.) Polonistik im deutschsprachigen Bereich. Aufgaben und Perspektiven ihrer Entwicklung. Hildesheim 2005.

ЛИНГВИСТИКА (ДИАЛЕКТОЛОГИЯ)

Nekula M. und Greule A. (Hgg.) Deutsche und tschechische Dialekte im Kontakt. Wien 2003.

ЛИНГВИСТИКА (ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ)

Anstatt T., Norman B. (unter Mitarbeit von *H. Robilka*) (Hgg.) Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik / Славянские языки в когнитивном аспекте. Wiesbaden 2010.

Bartetzky A., Dmitrieva M., Kliems A. (Hgg.) Imaginationen des Urbanen. Konzeption, Reflexion und Fiktion von Stadt in Mittel und Osteuropa. Berlin 2009.

Hentschel G., Menzel Th. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Teschener Dialekt des Polnischen. Oldenburg 2003.

Steltner U., Bartsch A. (Hgg.) Anna Basova. Deutsch-Weißrussischer Sprachführer. Grammatik, Gesprächsbuch, Wörterbücher. Elektronische Ausgabe. Jena 2006.

<http://www.db-thueringen.de/servlets/DocumentServlet?id=6128>

СЛОВАРИ

Belentschikow R. (Hg.) Russisch-Deutsches Wörterbuch. Band 8: P – PODZONA. Wiesbaden 2011.

Belentschikow R. Russisch-Deutsches Wörterbuch. Bd. 9: PODZOR – PO-SIBIRSKI. Hg. im Auftrag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Wiesbaden 2013.

Rytel-Schwarz D. Taschenwörterbuch Polnisch / Deutsch, Deutsch / Polnisch. Hildesheim etc. 2012.

Walter H., Mokienko V. M., Komorowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Russisch-Deutsch-Polnisches Wörterbuch aktiver Sprichwörter (mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-kulturellen Kommentaren). Greifswald – Stettin 2014.

Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. u.a. Deutsch-polnisches Wörterbuch der geflügelten Worte. In 80 geflügelten Worten um die Welt. Niemiecko-polski słownik skrzydlatych słów, czyli W 80 skrzydlatych słów dookoła świata. Greifswald u.a. 2015.

Worbs E. (Gesamtredaktion). Polnisch-deutsches Wörterbuch der Neologismen. Neuer polnischer Wortschatz nach 1989. Wiesbaden 2007.

ЛИНГВИСТИКА (ФРАЗЕОЛОГИЯ)

Baláková D., Walter H., Venžinovič N.F., Gutovskaja M.S., Ivanov E.E., Mokienko V.M. Лепта біблейської мудрости. Біблейські крылаті вираження і афоризми на руському, англійському, білоруському, німецькому, словацькому і українському мовах. Mohyl'ev 2014.

Jachnow H., Kiklevic A. (u.a.) (Hgg.) Kognition, Sprache und phraseologische / paromiologische Graduierung. Wiesbaden 2005.

Obst U. (u.a.) (Hgg.) Slovakische, russische und deutsche Phraseologismen. Ein Handbuch für Studierende. Nümbrecht 2007.

ЛИНГВИСТИКА (ОНОМАСТИКА)

Hengst K., Brendler S. (Hgg.) Walter, Wenzel. Slawen – Deutsche – Namen. Beiträge zur westslawischen Personen und Ortsnamenforschung. Mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen. Hamburg 2009.

Wenzel W. Slawen in Deutschland. Ihre Namen als Zeugen der Geschichte. Hg. v. Andrea u. Silvio Brendler. Hamburg 2015.

ЛИНГВИСТИКА (СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФОНОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА)

Besters-Dilger J., Dermarkar C., Pfänder S., Rabus A. (Hgg.) Congruence in Contact Induced Language Change. Language Families, Typological Resemblance, and Perceived Similarity. Berlin – Boston 2014.

Börger G. Höflichkeitsformen in bulgarischen, deutschen und russischen Zaubermärchen. Berlin 2015.

Gutschmidt K. (†), *Kempgen S., Berger T., Kosta P.* (Hrsg.) Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation. Berlin 2014.

Heinz Ch., Kuße H. Slawischer Sprachvergleich für die Praxis. Lern- und Erschließungsstrategien – Floskeln für den Alltag – Grammatik – Wörterverzeichnis – Hörmaterialien. München u.a. 2015.

Hentschel G., Zaprudski S. (Hgg.) Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization. Oldenburg 2008.

Kosta P., Schürcks L. (Hgg.) Formalization of Grammar in Slavic Languages. Contributions of the Eighth International Conference on Formal Description of Slavic Languages – FDSL VIII held at the University of Potsdam, December 2–5, 2009. Frankfurt a. Main u.a. 2011.

Nekula M., Moller J. (Hgg.) Wirtschaft und Kommunikation. Beiträge zu den deutsch-tschechischen Wirtschaftsbeziehungen. München 2002.

Nekula M., Šichová K., Valdrová J. (Hgg.) Bilingualer Sprachvergleich und Typologie: Deutsch – Tschechisch. Tübingen 2013.

Rytel-Schwarz D., Jurasz A., Cirko L., Engel U. Deutsch-polnische kontrastive Grammatik, Band 4: Die unflektierbaren Wörter. Zweite, neu bearbeitete u. ergänzte Aufl. Hildesheim u.a. 2012.

Wölke S., Bartels H. (Hgg.) Einflüsse des Deutschen auf die grammatische Struktur slawischer Sprachen. Internationale Konferenz des Sorbischen Instituts 14.–15.10.2011 in Cottbus / Chóšebuz. Bautzen 2015.

Zybatow G., Szucsich L., Junghans U., Meyer R. (Hgg.) Formal Description of Slavic Languages. Frankfurt am Main u.a. 2008.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Badstübner-Kizik C., Fišer Z., Hauck R. (Hgg.) Übersetzung als Kulturvermittlung. Translatorisches Handeln. Neue Strategien. Didaktische Innovation. Frankfurt a. M. u.a. 2015.

Belentschikow V. Boris Lapins expressionistische “Hymnen gegen die Zeit”. Mit dem russischen Text und einer Interlinearversion von Ulrich Steltner. Frankfurt a. M. u.a. 2011.

Daiber T. Jan Kochanowski: Das Schachspiel. Übersetzung aus dem Polnischen, Textkritik, kulturhistorische Interpretation. Riegerup 2011.

Dathe C., Makarska R., Schahadat S. (Hgg.) Zwischentexte. Literarisches Übersetzen in Theorie und Praxis. Berlin 2013.

Drews P. Tschechische Übersetzungen deutscher Belletristik 1771–1900. Dresden 2007.

Drews P. Heine und die Slaven. 1: Die gesamtslavische Rezeption der Werke Heinrich Heines von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2: Übersetzungen von den Werken Heinrich Heines in slavischen Sprachen. München etc. 2013.

Engel N., Göhlich M., Höhne T., Klemm M., Kraetsch V., Marx Ch., Nekula M., Renn J. Grenzen der Grenzüberschreitung. Zur Übersetzungsleistung deutsch-tschechischer Grenzorganisationen. Bielefeld 2014.

Mengel S., Garbunov A. (Hgg.) Vladimir Kaminer auf Russisch. Ein Übersetzungsprojekt. Владимир Каминер: Я беспокоюсь, мама! Halle (Saale) 2010.

Rabus A., Balázs N. (Hgg.) Vermitteln – Übersetzen – Begegnen. Transferphänomene im europäischen Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: interdisziplinäre Annäherungen. Göttingen 2011.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Dakova B., Schmidt H., Tihanov G., Udolph L. (Hgg.) Die bulgarische Literatur der Moderne im europäischen Kontext. Zwischen Emanzipation und Selbststigmatisierung. München etc. 2013.

Göbler F. (Hg.) Polnische Literatur im europäischen Kontext. Festschrift für Brigitte Schultze zum 65. Geburtstag. München 2005.

Fischerová A., Nekula M. (Hgg.) “Ich träume von Prag...”. Deutsch-tschechische literarische Grenzgänge. Passau 2012.

Lachmann R. Pamjat' i literatura. Intertekstual'nost' v russkoj literature XIX– XX vekov. St. Peterburg 2011.

Pasternak Evg., Pasternak El., unter Mitarbeit von Poljakov F. (Hgg.). Boris Pasternak – Kurt Wolff. Im Meer der Hingabe. Briefwechsel 1958–1960. Mit einem Vorwort von Gerd Ruge. Frankfurt am Main u.a. 2010.

Petzer T., Richter A. (Hgg.) “Isochimenen”. Kultur und Raum im Werk von Isidora Sekulić. München etc. 2012.

Richter A. (Hg.). Dmitrij Tschizewskij und seine halesche Privatbibliothek. Bibliographische Materialien. Eingeführt von Andre Augustin, bearbeitet v. A. Augustin und A. Richter. Münster 2003.

Richter A., Klosterberg B. D. Tschizewskij. Impulse eines Philologen und Philosophen für eine komparative Geistesgeschichte. Münster 2009.

Richter A., Matović V. (Hgg.) Dragana Grbić. Vor Entscheidungen. Halle – Leipzig, Wendepunkt im Leben von Dositej Obradović. Übersetzung ins Deutsche u. Red. Der deutschen Übersetzung A. Richter. Halle etc. 2012.

Schaller H.W. (Hg.) Bulgarien Literatur vor und nach dem EU-Beitritt Bulgariens 2007. Ausstellung der Deutsch-Bulgarischen Gesellschaft zur Förderung der Beziehungen zwischen Deutschland und Bulgarien e.v. in Zusammenarbeit mit der Osteuropa-Abteilung in der Staatsbibliothek zu Berlin / Preußischer Kulturbesitz 3.–31. März 2010. München – Berlin 2010.

Zelinsky B. (Hg.) Slovakische Literatur im europäischen Kontext. Frankfurt am Main et al. 2005.

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
(ИМАГОЛОГИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, РЕЦЕПЦИЯ)**

Becher P., Höhne S., Nekula M. (Hgg.) Kafka und Prag: Literatur, kultur, sozial und sprach-historische Kontexte. Weimar u.a. 2012.

Cheure E., Nohejl R., Napp A. (Hgg.) Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Würzburg 2005.

Drews P. Schiller und die Slaven. München 2005.

Drews P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland 1750–1850. München 2008.

Drews P. Heine und die Slaven. 1: Die gesamt-slavisches Rezeption der Werke Heinrich Heines von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2: Übersetzungen von den Werken Heinrich Heines in slavischen Sprachen. München etc. 2013.

Eimermacher K., Volpert A. (Hgg.) Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. München 2005.

Eimermacher K., Volpert A. (Hgg.) Sturmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. München 2006.

Fischer Ch. Boris Pasternak. Definition der Poesie. Gedichte russisch deutsch. Aus dem Russischen übertragen von Christine Fischer. Mit einem Nachwort von Ulrich Schmid. Zürich 2007.

Fischer Ch. (Hg.) Russische Literatur als Brückenschlag zwischen Ost und West. Jena 2010.

Fischer Ch. Sinnbilder Russlands im geteilten Deutschland. Die Rezeption russischer Lyrik in deutschen Literaturzeitschriften (1945–1990). Mit Beiträgen von Sylvia Jurchen und Claudia Senf. Frankfurt a. M. 2012.

Fischer Ch., Steltner U. Polnische Dramen in Deutschland. Übersetzungen und Aufführungen als deutsch-deutsche Rezeptionsgeschichte 1945–1995. Köln u.a. 2011.

Freise M., Kroll W. (Hgg.) M.Ju. Lermontov. Interpretationen. Beiträge des Göttinger Lermontov Symposium vom 15. März 2005 zu Ehren von Reinhard Lauer mit einem Gesamtverzeichnis seiner Schriften 1958–2008. Wiesbaden 2009.

Gerigk H.-J., Neuhäuser R. Dostojewskij im Kreuzverhör. Ein Klassiker der Weltliteratur oder Ideologe des neuen Rußland? Zwei Abhandlungen. Heidelberg 2008.

Goes G. (Hg.) Dostojewskij und Europa. München 2010.

Heftrich U., Špirit M. (Hgg.) Vladimír Holan: Gesammelte Werke in deutscher und tschechischer Sprache in 14 Bänden. Bd. 1: Lyrik I (1932–1937): Das Wehen / Der Bogen / Stein, kommst du... Übersetzung und Kommentar Urs Heftrich u. Michael Špirit, Nachwort Urs Heftrich. Heidelberg 2005.

Heftrich U., Špirit M. (Hgg.) Vladimír Holan: Gesammelte Werke in deutscher und tschechischer Sprache in 14 Bänden. Bd. 2: Lyrik II (1937–1954): Lärmschatten / Ohne Titel / Mozartiana. Übersetzung und Kommentar Urs Heftrich u. Michael Špirit, Nachwort Urs Heftrich. Heidelberg 2012.

Heftrich U., Špirit M. (Hgg.) Vladimír Holan. Gesammelte Werke in deutscher und tschechischer Sprache in 14 Bänden. Bd. 6.: Lyrik V (1949–1955): Wein / Angst / Schmerz. Übersetzt von Viktoria Funk-Nešić in Zusammenarbeit mit Urs Heftrich. Kommentar von Viktoria Funk-Nešić, Urs Heftrich. Heidelberg 2009.

Heftrich U., Špirit M. (Hgg.) Vladimír Holan: Gesammelte Werke in deutscher und tschechischer Sprache in 14 Bänden. Bd. 8: Epische Dichtungen III: Nacht mit Hamlet und andere Poeme. Übertragen von Reiner Kunze & Franz Wurm. Kommentar von Michael Špirit, Vorwort v. Jiří Gruša, Nachwort v. Urs Heftrich. Heidelberg 2003.

Heftrich U., Špirit M. (Hgg.) Vladimír Holan: Gesammelte Werke in deutscher und tschechischer Sprache in 14 Bänden. Bd. 10: Lyrik VII (1966–1967): Dem Asklepios einen Hahn. Übertragen von Věra Koubová. Kommentar von Urs Heftrich u. Michael Špirit, Nachwort v. Urs Heftrich. Heidelberg 2015.

Heftrich U. Josef Čapek, Gedichte aus dem KZ. Zweisprachige Ausgabe. Übersetzung Urs Heftrich, Epilog Jiří Opelík. Wien u.a. 2015.

Herrmann D. (Hg.) Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19. / 20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum ersten Weltkrieg. München 2005.

Keßler N., Steltner U. (Hgg.) Die Geschichte der russischen Literatur. Ein kritischer Überblick über Literaturgeschichten in deutscher Sprache. Jena 2002.

Müller L. Fedor I. Tjutcev: "Im Meeresrauschen klingt ein Lied..." Ausgewählte Gedichte. Russisch und Deutsch. Herausgegeben und übersetzt von Ludolf Müller. Dresden 2003.

Schubert G. u.a. (Hgg.) Serben und Deutsche. Traditionen der Gemeinsamkeit – gegen Feindbilder. Jena 2003.

Schubert G. (Hg.) Serben und Deutsche. Zweiter Band: Literarische Begegnungen / Srbi i Nemci. Knjiga druga: Književni susreti. Jena, 2006.

Schubert G. (Hg.) Serbien in Europa. Leitbilder der Moderne in der Diskussion. Wiesbaden 2008.

Van Leeuwen-Turnovcová J., Stráníková J. Schreiben im Alltag des 19. Jahrhunderts. Bd. 2: Tschechisch-deutsche Synthesen – Partnerbeziehungen der Wiedergeburtzeit. München 2012.

Wedel E. "Ich bringe einen Sänger Dir vom Norden...". Die erste Lyriksammlung von Fëdor Ivanovič Tjutčev in deutscher Übersetzung von Heinrich Noé. Wiesbaden 2012.

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
(ЭМИГРАЦИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, МИГРАНТОЛОГИЯ)**

Binder E., Klettenhammer S., Mertz-Baumgartner B. (Hgg.) Lyrik transkulturell. Würzburg 2016.

Čapo Žmegač J., Voß Ch., Roth K. (Hgg.) Co-Ethnic Migrations Compared. Central and Eastern European Contexts. München u.a. 2010.

Gerigk H.-J. (Hg.) Turgenjew, der russische Europäer. Fünf Vorträge der Turgenjew-Konferenz 2016 in Baden-Baden. Heidelberg 2017.

Göbler F. (Hg.) unter Mitarbeit von Ulrike Lange. Russische Emigration im 20. Jahrhundert. Literatur – Sprache – Kultur. München 2005.

Henseler D., Makarska R. (Hgg.) Polnische Literatur in Bewegung. Die Exilwelle der 1980er Jahre. Bielefeld 2013.

Nekula M. u.a. (Hgg.) Franz Kafka im sprachnationalen Kontext seiner Zeit. Sprache und nationale Identität in öffentlichen Institutionen der böhmischen Länder. Weimar 2007.

Rostek J., Uffelman D. (Hgg.) Contemporary Polish Migrant Culture and Literature in Germany, Ireland, and the UK, Frankfurt a. M. u.a. 2011.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Czok M., Czemplik N., Nousch A., Veselka M. (Hgg.) Między regionalizmami a kosmopolityzmem. Polska, niemiecka i czeska literatura, język i kultura. Materiały IX Międzynarodowej Konferencji interFaces we Wrocławiu i Karpaczu. Leipzig u.a. 2015.

Danilevskij A., Docenko S., Poljakov F. (Hgg.) Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции. Сборник статей. Frankfurt a. M. u.a. 2016.

Düring M., Trybuś K. (Hgg.) Polen und Deutsche in Europa. Beiträge zur internationalen Konferenz, 25. und 26. Oktober 2012, Kiel / Polacy i Niemcy w Europie. Tom podsumowujący konferencję międzynarodową, 25 i 26 października 2012, Kilonia. Frankfurt a. M. 2014.

Gall A. (u.a.) (Hgg.) Romantik und Geschichte. Polnisches Paradigma, deutsch-polnische Perspektiven. Wiesbaden 2007.

Glanc T., Voß Ch. (Hgg.) Konzepte des Slawischen. Leipzig 2016.

Grübel R. (u.a.) Habsburg und die Slavia. Frankfurt a. M. 2007.

Gvozdanović J. Celtic and Slavic and the Great Migrations. Heidelberg 2009.

Freise M. Kulturdossier Russland. Interkultureller Dialog für deutsche Schüler. Göttingen 2009.

Helbig-Mischewski B., Matuszek G. (Hgg.) Fähmann Grenzlos. Deutsche und Polen im heutigen Europa. Zum Gedenken an Henryk Bereska. Hildesheim u.a. 2008.

Höhne S., Udolph L. (Hgg.) Deutsche – Tschechen – Böhmen. Integration und Desintegration im 20. Jahrhundert. Köln – Weimar – Wien 2010.

Hüchtker D., Kliems A. (Hgg.) Überbringen – Überformen – Überblenden. Theorietransfer im 20. Jahrhundert. Wien u.a. 2011.

- Klejsa K., Schahadat S.* (Hgg.) unter Mitarbeit von Christian Nastal. Deutschland und Polen: Filmische Grenzen und Nachbarschaften. Marburg 2011.
- Kliih M., Roland M.* (Hgg.) Ost-westlicher Dialog –Dialog Wschodu i Zachodu. Polnische Woche –Tydzień polski. Saarbrücken 2015. Saarbrücken 2017.
- Koschmal W.* (Hg.) Vstreči. Begegnungen. Regensburg – Odessa. Odessa – Regensburg [deutsch und russisch]. Regensburg 2008.
- Krauß E., Steltner U., Wallentin S.* (Hgg.) Begegnungen in Thüringen. Deutsch-polnische Kontakte regional. Jena 2006.
- Lehfeldt W.* Karl Friedrich Gauß und die russische Sprache. Berlin 2011.
- Lehmann-Carli G., Drohsin Y., Klitsche-Sowitzki U.* Russland zwischen Ost und West. Gratwanderungen nationaler Identität. Berlin 2011.
- Marszalek M., Nagorko A.* (Hrsg.) Berührungslinien. Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs. Hildesheim: Olms 2006.
- Norbert F., Kirjuchina L.* (Hrsg.) Sankt Petersburg der akkurate Deutsche: Deutsche und Deutsches in der anderen russischen Hauptstadt. Frankfurt a. Main 2006.
- Novikova O., Hilkes P., Schweier U.* (Hgg.) Dialog der Sprachen – Dialog der Kulturen. VI. Internationale virtuelle Konferenz der Ukrainistik. München 29. Oktober – 1. November 2015. Münster 2016. (Elektron. Version: Readbox unipress, Open Publishing LMU URL <http://nb.resolving.de/urn:nbn:de:bvb:19-epub-31787-9>)
- Ohme A., Höhne S.* (Hgg.) Prozesse kultureller Integration und Desintegration. Deutsche, Tschechen, Böhmen im 19. Jahrhundert. München 2005.
- Pospisil I., Moser M., Newerkla S.* (Hgg.) Austrian, Czech and Slovak Slavonic Studies in Their Central European Context. Brno 2005.
- Potthoff W. u.a.* (Hgg.) Deutschland und Russland. Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden 2004.
- Rothe H.* (Bearb.). Hermann von Boyen und die polnische Frage. Denkschriften von 1794 bis 1846. Köln – Weimar – Wien 2010.
- Schahadat S., Zbytovský Š.* (Hgg.) Übersetzungslandschaften. Themen und Akteure der Literaturübersetzung in Ost- und Mitteleuropa. Bielefeld 2016.
- Schaller H.W.* Die “Reichsuniversität Posen“ 1941–1945. Vorgeschichte, nationalsozialistische Gründung, Widerstand und polnischer Neubeginn. Frankfurt a. M. u.a. 2010.
- Schubert G. u.a.* (Hgg.) Zoran Djindjić – für ein demokratisches Serbien in Europa / Zoran Djindjić – za demokratsku Srbiju u Evropi. Jena 2005.
- Thiergen P.* Aufrechter Gang und liegendes Sein. Zu einem deutsch-russischen Kontrastbild. München 2010.
- Walter H., Šuležkova S.G., Žigulina D.V., Michnin A.N. u.a.* Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Коллективная монография. Greifswald u.a. 2015.
- Wutsdorff I., Zbytovský Š.* (Hgg.) Übersetzen. Praktiken kulturellen Transfers am Beispiel Prags. Bielefeld 2014.

Zlatanova R. u. a. (Hgg.) *Bulgarien Jahrbuch 2008*. München 2009.

Zlatanova R., Schaller H. (Hgg.) *Deutsch-Bulgarischer Kultur und Wissenschaftstransfer. Mit Bibliographien zur "Bulgaristik in Deutschland" und zur "Glagolica des Slavenlehrers Konstantin-Kyryll"*. Berlin 2013.

Автор-составитель:

Марина Юрьевна Котова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
Санкт-Петербургский государственный
университет (СПбГУ)

Marina Yu. Kotova,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology
St. Petersburg State University

m.kotova@spbu.ru

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

**Ирина Владимировна Гюббенет (1939–2018):
человек, ученый, педагог, переводчик**

**Irina Vladimirovna Giubbenet (1939–2018):
Scholar, Teacher, Translator**

22 августа 2018 г. скоропостижно скончалась Ирина Владимировна Гюббенет – старейший сотрудник кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент, воспитавшая несколько поколений ученых-филологов и преподавателей английского языка. Уход Ирины Владимировны тяжело переживают все те, кому посчастливилось общаться с этим удивительным человеком – носителем высшей филологической культуры, обладавшей феноменальной начитанностью, острым умом и редким профессиональным чутьем. Для тех, кто общался с Ириной Владимировной лично и был в состоянии оценить ее человеческие и профессиональные качества, эта утрата особенно тягостна. Нижеследующее ни в коей мере не претендует на статус исчерпывающего портрета Ирины Владимировны Гюббенет, но лишь содержит описание некоторых аспектов жизни, научного творчества, педагогической и переводческой деятельности этого разностороннего человека.

Ирина Владимировна Гюббенет родилась 5 января 1939 г. в Москве в семье служащих, Владимира Васильевича Гюббенета (1909–1944) и Ариадны Васильевны Саловой (1904–1994), и была их единственным ребенком. Ариадна Васильевна в течение нескольких десятилетий до и после замужества работала в должности техника-инвентаризатора в подмосковном Пушкинском БТИ (в то время – «Бюро инвентаризации земель и строений Пушкинского райсовета в гор. Пушкино»). Владимир Васильевич Гюббенет был инженером-строителем, в первые же месяцы Великой Отечественной войны он оказался в качестве воентехника 2-го ранга на фронте в составе 102-го отдельного Дорожно-эксплуатационного батальона и находился в действующей армии вплоть до своей гибели 20 июля 1944 г.; 17 августа 1944 г. старший техник-лейтенант В.В. Гюббенет был посмертно награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени. В год смерти отца маленькой Ирине было всего 5 лет, и детская память могла не сохранить его образа, но на самом деле дочь навсегда запомнила отцовские руки и любящий, глубокий, немного грустный взгляд. Этот образ Ирина бережно хранила в памяти всю свою долгую жизнь и в особенно тяжелые минуты неизменно мысленно обращалась к отцу за поддержкой. Дочернюю любовь она проявила помимо всего прочего тем, что сохранила его фамилию, хотя судьба Ирины Владимировны Саловой, пожелай она в свое время носить фамилию матери, была бы беспримерно легче – по крайней мере, в первые несколько десятилетий ее жизни.

С началом войны и даже после мобилизации Владимира Васильевича семья в эвакуацию не поехала. Все военные годы они прожили в двух комнатах коммунальной квартиры на нынешней Мясницкой улице (тогда – улица Кирова). Види-

мо, для Ариадны Васильевны пребывание в Москве, ежедневно подвергавшейся бомбежкам гитлеровской авиации, оказалось единственной возможностью хотя бы изредка видаться с горячо любимым мужем во время его краткосрочных отпусков: в более отдаленные районы страны, куда обычно эвакуировали москвичей, Владимир Васильевич мог просто не добраться. Благодаря этому маленькая Ирина запомнила отца не как трехлетний ребенок, но как пятилетний. Плата за отчетливость воспоминаний оказалась жестокой: одна из многочисленных бомбежек настолько напугала девочку, что она замолчала на несколько лет – не могла произнести ни слова.

Травматический опыт военных лет, гибель отца, изматывающая и минимально оплачиваемая трудовая деятельность матери сочетались с проживанием в одной квартире в соседних комнатах с бабушкой по материнской линии и ее вторым мужем. Женщина капризная и властная, бабушка с ранних лет стремилась привить внучке – для обеспечения собственного комфорта и постоянного внимания со стороны близких – чувство глобальной неизбывной вины, в чем значительно преуспела. По своему внутреннему ощущению Ирина Владимировна всегда и всем была что-то должна и ничего не была достойна, она действовала согласно этой установке и потому основательно от жизни и от людей уставала. При этом подобное восприятие себя входило в явное противоречие с реальными достижениями Ирины Владимировны и с готовностью окружающих ее любить и ценить. Как у каждого неуверенного в себе человека, у Ирины Владимировны было четкое ощущение, что любят и ценят ее по недоразумению и что ее немедленно оставят друзья и близкие, если разберутся в том, «кто она есть на самом деле». На преодоление этих психологических проблем у Ирины Владимировны ушел не один десяток лет, и лишь в последние годы она смогла окончательно освободиться от гнета тягостных воспоминаний и увидеть себя настоящую, поверив, наконец, что любящие и ценящие на самом деле не ошибаются и никогда от нее не отвернутся.

Спасением от удручающих мыслей для Ирины Владимировны с юных лет были книги. Главным образом, русская и зарубежная классика, а также историческая литература. Естественным выбором высшего учебного заведения, где она могла продолжить образование, для отличницы – выпускницы московской школы был филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. И тут пришла пора расплачиваться за выбор отцовской фамилии: на филологический факультет, каждый год недобирая один или несколько баллов, И.В. Гюббенет «проваливалась» трижды. В промежутках между попытками поступления девушка работала лаборанткой в химическом институте и еще в какой-то должности в Центре развития ребенка. После третьего провала в 1958 г. Ариадна Васильевна решила обратиться к факультетскому начальству и просить за дочь. Тогдашний декан факультета Роман Михайлович Самарин был настроен благожелательно: он в полной мере оценил тот факт, что к нему на прием пришла вдова орденоносного героя войны, и на основе лишь одному ему понятной калькуляции рассудил, что трагическая биография отца «перевешивает» явно непролетарскую фамилию. Р.М. Самарин походя осведомился у Ариадны Васильевны: «А вы из каких Гюббенетов? Из московских или из петербургских?» – и далее пояснил: «Московские Гюббенеты – они хорошие, а вот петербургские нет». Проявив быстроту реакции, Ариадна Васильевна немедленно примкнула к «хорошим московским Гюббенетам» и тем самым обеспечила дочери повышение балла по апелляции и поступление на ве-

чернее отделение – до дневного отделения калькуляции Р.М. Самарина в данном случае не простирались.

Растянувшиеся во времени мытарства с поступлением в высшее учебное заведение из-за фамилии (а сколько еще было аналогичных ситуаций в жизни Ирины Владимировны?) навсегда отбили у нее желание обсуждать семейную историю. Прадеда по материнской линии – Василия Васильевича Салова (1839–1909), видного инженера, профессора, действительного тайного советника, председателя Инженерного совета Министерства путей сообщения в годы правления Александра III и Николая II – Ирина Владимировна еще как-то упоминала, хотя и неизменно «перемещала» его из дворян в купцы. Но о Гюббенетах, и о «плохих», и о «хороших», молчала упорно. Может быть, и не было их – «хороших» в пролетарском понимании – «московских Гюббенетов», и Р.М. Самарин, сам будучи дворянских кровей, на ходу придумал «хорошую» ветвь и тем самым облегчил себе задачу принять дочь героя войны в Московский университет. Возможно, была просто одна большая семья носивших эту фамилию видных российских общественных деятелей, чьим предком был шведский дворянин и майор французской армии Густав фон Гюббенет, перебравшийся в XVIII в. в Прибалтику. Его потомок – подданный российской империи подпоручик Якоб фон Гюббенет, участник войны 1812 года – среди прочих своих детей имел четверых сыновей, так или иначе вошедших в историю царской России. Это были два «киевских» сына: вполне «хороший» Христиан Яковлевич, талантливый врач с международной известностью, профессор Киевского университета, и весьма «проблемный» Борис Яковлевич, киевский полицмейстер. Имелись также два «петербургских» сына: уже предельно «проблемный» Оскар Яковлевич, генерал от инфантерии, член Военного совета Российской империи, и выходящий в плане «проблемности» за все мыслимые рамки Адольф Яковлевич – министр путей сообщения в 1889–1892 гг., сенатор, член Государственного Совета, действительный тайный советник. В поколении внуков Якоба, помимо социально-безобидной актрисы Лидии Борисовны Яворской (дочери киевского полицмейстера), известность снискали как минимум еще две одиозные личности: депутат III Государственной Думы Николай Константинович фон Гюббенет и военный медик тайный советник Виктор Борисович Гюббенет, активный участник Белого движения; оба покинули Россию после 1917 г. и, как и сама Лидия Борисовна, закончили свои дни в эмиграции.

Даже если Владимир Васильевич Гюббенет не был прямым потомком кого-либо из членов этой славной четверки сыновей Якоба фон Гюббенета, в 1930–1950-е гг. память о них была жива и хранилась – в том числе теми, кому по должности было положено помнить высокопоставленных царских чиновников. И потому Ирина Владимировна накрепко усвоила: дальше Владимира Васильевича в обсуждении родословной по отцовской линии заходить не нужно.

Поступление на вечернее отделение филологического факультета – в романо-германскую английскую группу, которую, на счастье Ирины Владимировны, сформировали в этот год – освободило ее от многих потенциальных неприятностей, связанных с непролетарским происхождением, поскольку преподавание в этой группе лично курировала и осуществляла профессор Ольга Сергеевна Ахманова (1908–1991). По материнской линии сама О.С. Ахманова происходила из рода Рюриковичей, и ее ни в коей мере не смущали не рабоче-крестьянские корни юной талантливой студентки. При желании Ольга Сергеевна могла позволить

себе проявление классовой солидарности: на тот момент, благодаря безусловной поддержке ректора МГУ академика И.Г. Петровского и прочим разнообразным социальным связям, профессор Ахманова обладала и на факультете, и в университете непререкаемым авторитетом.

Студенческие годы подарили Ирине Владимировне признание со стороны Ольги Сергеевны, что решительно подняло ее самооценку, хотя и не освободило от всех морально-психологических проблем. Уже с первого курса О.С. Ахманова выделяла юную Ирину как исключительно начитанную, пытлиую и прекрасно знающую английский язык студентку. Еще не обремененная огромной аспирантурой и многочисленными докторантами последних двух десятилетий своей жизни, исключительно энергичная Ольга Сергеевна готова была уделить Ирине значительно больше внимания, чем это предусматривается учебными планами, регулирующими стандартные отношения преподавателя и студента. И Ирина Владимировна стала для нее любимой и благодарной ученицей. Ученицей, которая через полтора десятка лет ослушается настоятельной рекомендации О.С. Ахмановой не упоминать ее имя ни в каких документах в качестве научного руководителя при защите Ириной Владимировной кандидатской диссертации, поскольку в то время у самой Ольги Сергеевны возникли серьезные проблемы с «компетентными органами», и это могло негативно повлиять на исход защиты. Глубокая порядочность Ирины Владимировны не позволила ей пойти на подобный шаг, который для нее был равен предательству Учителя и в конечном итоге предательству самой себя.

Училась Ирина только на «отлично». Ей было действительно интересно учиться, она наконец профессионально занималась языками и литературой – предметами, увлекавшими ее с ранних лет жизни, – и имела возможность общаться помимо О.С. Ахмановой и с другими одаренными преподавателями английской кафедры, среди которых Ирина Владимировна впоследствии с особой благодарностью вспоминала Э.М. Медникову и Л.Н. Натан; под научным руководством последней И.В. Гюббенет писала свою дипломную работу. Из преподавателей других кафедр, чьи лекции Ирине Владимировне довелось посещать во время обучения на факультете, она всегда выделяла Сергея Ивановича Радцига и Юрия Борисовича Виппера: благодаря своему высочайшему интеллектуальному уровню и энциклопедизму эти два ученых стали для И.В. Гюббенет источником вдохновения и образцом, к которому следовало стремиться.

К 6-му курсу, последнему году обучения на вечернем отделении, Ирина Владимировна достигла такого уровня, что О.С. Ахманова взяла ее на кафедру и поручила преподавание английского языка на 1-м курсе. С этого момента, с сентября 1963 г., начался 55-летний педагогический путь Ирины Владимировны Гюббенет, органично сочетавшийся с научной и с переводческой деятельностью и прервавшийся только с ее кончиной.

Круг научных интересов И.В. Гюббенет определился очень рано и очень четко и был связан, с одной стороны, с ее любовью к слову, слову отдельному и уникальному, и, с другой стороны, с ее любовью к тексту как совокупности слов, передающих мысли автора в их серьезности или иронической парадоксальности. Эти мысли непременно нужно было постичь – при условии, что они такого постижения заслуживали. Диапазон литературных интересов Ирины Владимировны был чрезвычайно широк: прекрасно зная и принимая – не безусловно – многочисленные серьезные произведения классической литературы, она не чуждалась

и, так сказать, «легких» жанров, – например, современных любовных и детективных романов, – если эти романы были написаны на соответствующем ее высоким стандартам английском языке и содержали заслуживавшие ее внимания жизненные наблюдения авторов. Такие тексты не только будоражили ее воображение, но давали пищу для профессиональных филологических размышлений: ярким тому примером служат работы Ирины Владимировны и ее учеников, посвященные романам Рут Ренделл (1930–2015) в ее двух литературных ипостасях (собственно Ruth Rendell и Barbara Vine) и произведениям другой известной современной английской писательницы, Уэнди Холден (Wendy Holden, 1965 г. рождения; не путать с еще одним популярным автором, носящим то же имя, но 1961 г. рождения).

Занятия И.В. Гюббенет лексикологией и стилистикой стали естественным следствием пронесенной ею через всю жизнь любви к слову, а разработка теории «вертикального контекста» – неизбежным продолжением знакомства с огромным объемом развернутых произведений речи, в первую очередь художественных. Слово и текст в их неразрывном единстве представлены во всех работах Ирины Владимировны, от кандидатской диссертации «Проблема словесной реакции на ситуацию (на материале прилагательных)» (М., 1973), где производится исчерпывающий анализ коннотативного потенциала соответствующих языковых единиц, до монографий «К проблеме понимания литературно-художественного текста» (М.: Издательство Московского университета, 1981) и «Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста» (М.: Издательство Московского университета, 1991; 2-е изд.: М.: Либроком, 2010), развивающих теорию «вертикального контекста» – «объективно заложенной в единице текста историко-филологической информации», для адекватного понимания которой требуется значительный объем фоновых знаний.

Ирина Владимировна не мыслила своей жизни без постоянного обращения к словарям, не только к двуязычным или толковым, но и более специализированным, например к словарям цитат. Многолетняя работа в данном направлении позволила И.В. Гюббенет составить свой собственный уникальный «Учебный словарь цитат из англоязычных авторов» (М.: Издательство Московского университета, 2000; в соавторстве с Лилией Владиленовной Болдыревой) и предоставила материал для ряда статей последних лет жизни, написанных как единолично, так и в соавторстве с Татьяной Львовной Черезовой. Ярким примером такого рода работ является статья «Некоторые проблемы комплексного подхода к лексикографическому исследованию», опубликованная И.В. Гюббенет и Т.Л. Черезовой в 2009 г. в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» (№ 2. С. 130–135). Эти статьи основаны на глубоком знании лексикологии и посвящены сложнейшей лексикографической проблеме – рациональной организации авторского текста толковых словарей английского языка. Неразличение иерархии значений слова, избыточность или недостаточность описания значений, низкое качество иллюстративного материала и включение в него индивидуально-авторских или же фразеологически связанных сочетаний, требующих выделения в особые части словарных статей, – все эти недостатки даже самых авторитетных изданий вызывают справедливую негативную реакцию авторов обсуждаемых работ. Однако только критикой И.В. Гюббенет и Т.Л. Черезова не ограничиваются: исходя из четко сформулированных принципов лексикографического описания материала, они предлагают свои варианты состав-

ления словарных статей, – варианты, которые без преувеличения можно назвать безупречными.

Преподавание английского языка было лишь одной из сторон многообразной деятельности Ирины Владимировны как филолога. На практических занятиях она предпочитала уделять внимание словам – как при обсуждении газетно-публицистических текстов, так и при упражнениях по переводу текстов разных жанров. По разным причинам в ходе своей 55-летней преподавательской работы при рассмотрении такого рода материала сама Ирина Владимировна могла от процесса несколько отстраняться и оставлять студентов более или менее наедине с текстами словарей – в этих случаях занятия становились монотонными. Однако если Ирина Владимировна в дискуссию все же включалась – не только на лексикологическом, но и на общем содержательном уровне (а в последние годы ее жизни это стало постоянной практикой), – занятия проходили весьма живо, и студенты в полной мере могли оценить пользу от общения с этим уникальным знатоком английского языка, европейской истории и европейской литературы. Что же касается работы со студентами, магистрантами и аспирантами в роли научного руководителя, то здесь Ирина Владимировна на всех этапах своей профессиональной деятельности сосредотачивалась в первую очередь на тексте как совокупности составляющих его единиц, и такой подход в полной мере соответствовал идеалу филологического анализа, продуктивному описанию произведений речи в единстве их формы и содержания.

Жизнь преподавателя нередко бывает достаточно однообразной и не дает особой пищи для ума даже при регулярном обновлении обсуждаемого на занятиях материала. От профессиональной усталости спасает чтение специальной литературы и научная работа, если преподаватель имеет к этому склонность. Ирина Владимировна, несомненно, такой способностью обладала, но у нее имелся дополнительный и очень эффективный способ поддержания себя в отличной интеллектуальной форме. Эта была переводческая работа. Устный перевод И.В. Гюббенет осуществляла с поразительной легкостью, но, как и любой высокоинтеллектуальный человек, не могла не раздражаться в тех ситуациях, когда ей приходилось переводить не блестящих умом ораторов, от чего ни один переводчик не застрахован. При переводе письменном, которым Ирина Владимировна интенсивно занималась в течение всей жизни, раздражения можно избежать, если переводчик оставляет за собой право не работать с текстами, вызывающими у него неприятие. И.В. Гюббенет руководствовалась именно таким принципом и потому предпочитала письменный перевод: обладая свободой выбора, она весьма придирчиво относилась к качеству текстов и имела дело исключительно с авторами и с жанрами, которые были ей интересны и которые давали ей что-то и в содержательном, и в языковом плане. «Легкие» жанры привлекали ее в той же мере, что и серьезная историко-биографическая литература, и за свою жизнь Ирина Владимировна перевела более 30 романов современных авторов, а также создала прекрасные русские варианты объемных англоязычных мемуаров княгини Стефании Долгорукой и Сэра Джорджа Бьюкенена; кроме того, были переводы биографий реальных – великая княгиня Ольга Александровна, великий князь Кирилл Владимирович – и возможных представителей российской императорской фамилии – таинственная Анастасия.

Ирина Владимировна прекрасно владела английским языком не только благодаря знакомству с обширнейшей англоязычной литературой и не только благодаря регулярному прослушиванию радиопрограмм BBC и других радиостанций.

В течение нескольких десятилетий своей жизни И.В. Гюббенет имела возможность тесно общаться с иностранными дипломатическими работниками – сотрудниками посольств и их женами. Однажды попав в этот круг в 1960-е гг. через личные связи О.С. Ахмановой, Ирина Владимировна в дальнейшем продолжила самостоятельное общение со многими высококультурными и весьма достойными людьми, что предоставило ей прекрасную возможность совершенствовать свои знания. Эти люди стали ее верными друзьями и впоследствии пришли ей на помощь в самый мрачный период ее жизни. После смерти матери в 1994 г. Ирина Владимировна впала в тяжелую депрессию, и тогда британские друзья пригласили ее провести несколько месяцев в Англии, сделав все возможное для того, чтобы вернуть ее к жизни. Многолетняя жертва собственной низкой самооценки, во время того памятного пребывания в Англии Ирина Владимировна как-то раз спросила у одной из своих подруг: «Зачем Вы это делаете? Зачем стесняетесь себя, поселив в своем доме человека в таком психологическом состоянии?!» – и получила на этот вопрос короткий ответ: «Похоже, Вы не понимаете, ЧТО Вы можете значить для окружающих».

Ариадна Васильевна умерла, когда Ирине Владимировне было уже 55 лет. Поездка в Англию помогла пережить самые тяжелые дни, но перспективы все равно были мрачными: впереди маячила холодная одинокая старость в маленькой неприютной квартирке в районе метро «Сокол», где они с матерью в итоге оказались после расселения коммуналки на Мясницкой.

Перспективы казались мрачными. Но через несколько лет после смерти матери в жизни И.В. Гюббенет наступил новый, почти двадцатилетний период... расцвета, которого никто – и меньше всех сама Ирина Владимировна – не мог ожидать. Связано это было в первую очередь с обретением ею собственного уютного дома, когда в результате покупки большой квартиры в районе Преображенской площади Ирина Владимировна стала жить вместе с семьей Татьяны Львовны Черезовой – своей бывшей аспирантки, а на тот момент и уже до конца дней самого близкого и дорогого друга, фактически сестры. В последние годы Ирина Владимировна внезапно перестала себя стесняться, она открылась людям и обнаружила, что они готовы безусловно любить и принимать ее. Общение и с коллегами, безмерно уважавшими и ценившими И.В. Гюббенет, и со студентами вышло на новый уровень: Ирина Владимировна перестала заслоняться от людей словарными статьями и начала делиться с окружающими не только эрудицией, но и своим огромным и бесценным жизненным опытом, и дарить им тепло своей так никогда и не состарившейся души. Она наконец перестала жить воспоминаниями и находить утешение исключительно в книгах, она смело и безоглядно окунулась в настоящее и позволила себе строить планы на будущее.

Эти невероятные личностные изменения отмечали все, кто знал Ирину Владимировну в течение долгого времени. Не мог не заметить их даже на начальном этапе и автор настоящей статьи – тогда еще просто в качестве младшего коллеги Ирины Владимировны, посвятив ей в 2005 г. пять стихотворений небольшого цикла под названием «Серебристая фея» (см. Приложение к настоящей статье).

Первые четыре стихотворения – скорее серьезные, пятое – откровенно хулиганское, но Ирине Владимировне нравились все пять. По ее мнению, они достаточно точно отражали ее богатую натуру, которой были свойственны как серьезность и глубокая эмоциональность, так и изрядная доля хулиганства – не прими-

тивного, но высокоинтеллектуального, в духе любимых ею английских писателей Гектора Хью Манро и П.Дж. Вудхауса.

Автор настоящей статьи знал Ирину Владимировну в течение трех десятилетий, и ему выпало огромное счастье фактически семейного общения с этим удивительным человеком на протяжении последних 15 лет ее жизни. Вскоре после написания «Серебристой феи» общение двух объединенных общими филологическими интересами и разных по возрасту коллег перешло на уровень «Mummy and Sonny». «Mummy» была несокрушима в своей самоотдаче, в деятельной готовности разделить все радости и трудности жизни «Sonny». «Sonny» отвечал взаимностью, хотя сейчас, как это бывает после ухода близкого человека, он понимает, что мог дать и отдать больше.

Сказанное выше лишь малая дань памяти Ирины Владимировны Гюббенет, достойного, чистого и светлого человека, прожившего долгую и сложную жизнь, сумевшего создать и сохранить себя как личность и оставившего после себя богатое и разнообразное наследие, – человека, который продолжает жить в своих трудах, в своих учениках и в благодарной памяти близких.

Андрей Лунгарт

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРЕБРИСТАЯ ФЕЯ

1

Много лет ты себя считала снежною королевой
И на прочие обращения откликалась с трудом.
Вы идете направо? Ну, тогда мне налево –
Вон мой дом под скалою черною, ледяной мой дом.

Тишина в нем застыла хрустальная,
Жутковатая тишина.
И тропинка одинокая дальняя
Мне видна из окна.
И не слышно здесь птичьего щебета,
Не доносится лай собак.
Ни единой звезды на небе,
Тишина и мрак.

Год за годом королева снежная
Обживала свой дом,
В ожидании неизбежного
Позабыв о том,
Что к означенной сказочной героине
Отношения не имеет
И что пристало ей другое имя –
Серебристая добрая фея.

2

Серебристая добрая фея с удивлением смотрится в зеркало,
Изучая в стекле изменения, уловимые явственно.
Раньше зеркало было сеточкой трещин исчеркано,
А теперь оно, словно гладь озерная, светится ровным счастьем
И волшебным покоем. Изумленная фея
Взгляд от зеркала оторвать не в силах.
Неужели это случилось с нею –
То есть с зеркалом это случилось?
А, казалось бы, чему удивляется,
С волшебством регулярно дело имея.
Чудеса и с зеркалами, бывает, случаются,
И кому об этом знать, как не фее?

3

Именины для серебристой феи – праздник вовсе не радужный,
И толпу гостей заменяет ей старый альбом семейный.
Вот она, фея, с родителями, вот она с дедушкой и с бабушкой,
Ну а вот под березою, листья сбросившей, в одиночестве все та же фея.
Ничего, что семейный альбом не богат страницами.
В самом деле, не клеивать же в него первого встречного!

Если фея во что и верит, так это в традиции,
И одна из них – в день именин заглядывать в вечность.

Именины проходят не без легкой горечи.
Званных у феи немного, и столько же избранных.
И сидит себе серебристая фея до глубокой до ночи
И семейный альбом листает сызнова.

4

Но сегодняшний праздник фея отметит слегка по-другому,
То есть, конечно, без шума и плясок – как-нибудь обойдемся без этого.
Фея наденет красивое платье и с любимым семейным альбомом
У морозного сядет окна – слушать музыку ветра.

И впервые на лица родные взглянет без горечи,
И впервые заметит, что за окном ели в нарядах стоят подвенечных.
И впервые далеких от самых близких ей отделить не захочется,
И войдет в ее сердце иная – благая – вечность.

5

Серебристая добрая фея тщательно готовится к выходу в свет.
Навык утрачен не полностью, просто слегка одичала.
Так, перчатки взяла. Не забыть бы еще лорнет.
Носовой платок один или два? Одного, наверное, мало.

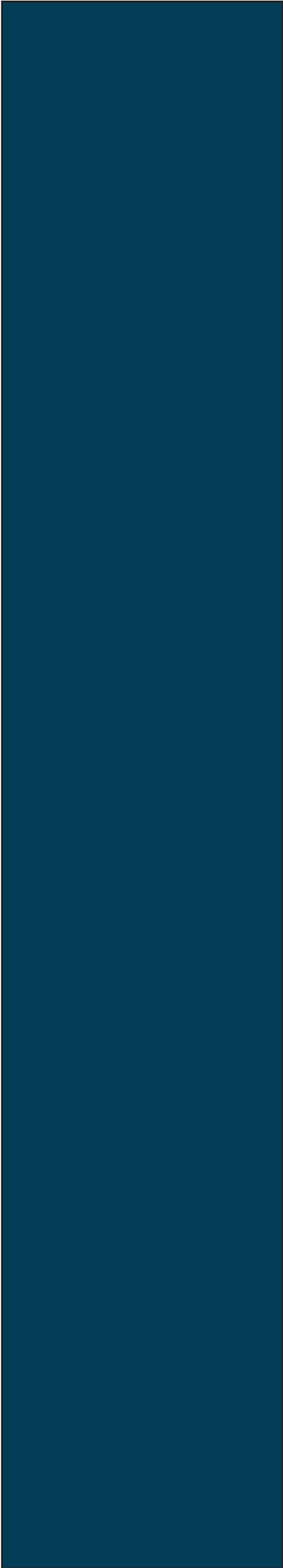
Серебристая добрая фея решила посетить городской зоопарк.
Тамошних проведать зверушек – это же так заманчиво.
Припасла и гостинцев –
соевый заменитель рыбы для крокодилицы по кличке Шарк,
Обезьянкам – связку бананов, и, конечно, желудей для кабанчика.

Пусть порадуются твари глупые, им не нужно знать, почему
Разыгралась у феи в кои-то веки зоологическая фантазия.
Именины были на днях у феи, и она, как в старину,
Подкормить захотела убогих и сирых – ради праздника.

Крокодилица обескуражена, но сою употребила в момент.
Обезьянки со стоном чавкают, а кабанчик ладонь благодарно лижет.
Пригодятся платочки. Кто тут зубами клацает? Ну-ка, где мой лорнет?
Крокодилица, брысь от кабанчика, а не то перчаткой по роже бесстыжей!

Проявления хамства раньше выбивали фею из колеи,
А сейчас она на зверинец взирает со спокойной улыбкой.
Крокодилица стыдливо потупила наглые глазки свои.
Значит, не плох был праздничный стол, в том числе и соевая рыбка.

Проявления жизни бывают уродливыми, но чаще смешными и жалкими.
Можно от них навсегда затвориться, можно наглухо в себя уйти.
Серебристая добрая фея вернулась домой и поливает фиалки,
С непривычной нежностью думая о пройденном и о предстоящем пути.

Научная жизнь

Academic Life

И.А. Беляева (Москва, Россия)

**Научная конференция к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева:
«Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия»**

I.A. Belyaeva (Moscow, Russia)

**Scientific Conference on the 200th Anniversary of the Birth of Ivan Turgenev:
“Late Turgenev: Texts, Events, Assessments, Problems of Heritage”**

200-летний юбилей Тургенева обязывает к подведению определенных итогов в деле изучения жизни и творчества писателя, а также побуждает к тому, чтобы сформулировать новые задачи, которые и спустя сотни лет, уже на современном этапе, возникают перед исследователями его наследия. Проблема «позднего Тургенева» – эта научная метафора давно признана учеными¹, – хотя и имеет свою историю, до сих пор остается одной из самых актуальных в тургенеvedении. Это обусловлено тем, что созданное писателем «после “Отцов и детей”» изучалось все же менее интенсивно, чем «Записки охотника» или романы и повести 1850-х – начала 1860-х гг., и до сих пор остается по сути непрочитанным. Между тем корпус текстов обширен: это романы, малая проза, лирические миниатюры, драматургия, эпистолярный, не говоря уже о замыслах и планах. К тому же Тургенев в «поздних» своих сочинениях выступает как большой мыслитель, новатор в плане художественной формы и экспериментатор, в немалой степени предчувствующий модернистские настроения рубежа XIX–XX вв. и открытия в области философии XX столетия.

Научная конференция «Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия» была организована кафедрой истории русской литературы и проходила в рамках Ломоносовских чтений-2018 на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Конференция ставила перед собой цель увидеть в круге ограниченных временем (1860–1880-е гг.) текстов писателя и событий его жизни продуктивные для русской и европейской культуры начала, а также внести свою лепту в дело понимания его «позднего» наследия, которое невозможно без привлечения широкого литературного материала. В итоге вроде бы «узкая» тема оказалась вовсе не узкой и смогла выявить в Тургеневе новые смыслы.

¹ *Головки В.М.* Художественно-философские искания позднего Тургенева: Изображение человека. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 167 с.; *Муратов А.Б.* И.С. Тургенев после «Отцов и детей». (60-е годы). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 144 с.; *Муратов А.Б.* Повести и рассказы И.С. Тургенева 1867–1871. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 184 с.; *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция // Собр. трудов по истории русской литературы. М.: Языки мировой литературы, 2000. С. 281–505; *Фишер В.М.* Таинственное у Тургенева // Венки Тургеневу. 1818–1918: Сб. ст. Одесса: Изд-во А.А. Иваненко, 1919. С. 91–104.

Конференция работала в течение двух дней, было заслушано 20 докладов, в качестве докладчиков и слушателей выступили исследователи из России, Болгарии, Венгрии, Франции, среди которых было немало молодых специалистов, что представляется особенно ценным.

На секции первого дня конференции были представлены доклады кафедры истории русской литературы филологического факультета. Программу открыл доклад доц. Р.Б. Ахметшина «Встреча И.С. Тургенева и П.Ф. Якубовича: к трактовке события», в котором на основе изучения архивных материалов – рукописной книги В.Н. Шаталова «Из воспоминаний неудавшегося литератора» (РГАЛИ) – уточнялись события, сопровождавшие отказ Тургенева принять участие в одном из «прогрессивных» студенческих изданий. Рукописный источник, как справедливо отметил докладчик, фиксирует ценное для нас мнение современников, в сознании которых складывался подчас консервативный образ писателя.

В докладе проф. И.А. Беляевой «Художественная антропология Тургенева: теория и практика» особое внимание было уделено позднему периоду творчества писателя, который, по мысли докладчика, отличался большими возможностями в плане антропологического письма. «Теоретическая» модель понимания человека, которая была обозначена самим Тургеневым в статье «Гамлет и Дон Кихот», вытеснялась иной тенденцией, поэтому тургеньевские персонажи ускользают от типизации, что в немалой степени обусловило его интерес в поздний период творчества к жанрам рассказа или «студии».

Проф. Д.П. Ивинский в докладе «Тургенев и Херасков» предложил возможные дополнения к комментарию повести «Пунин и Бабурин». Это единственное художественное сочинение Тургенева, где упоминается Херасков. Были рассмотрены мотивы, которые входят в повесть через посредство Пушкина и Крылова, но связаны с именем Хераскова, повесть содержит отсылки к его биографии. Особое внимание было уделено вопросу о ключевой роли Тургенева в формировании особого типа литературной мистики, что была унаследована Серебряным веком, но восходила к Хераскову.

Вопросу русско-французских связей в первый день конференции были посвящены два доклада. Доклад проф. В.Б. Катаева «Тургенев – Мопассан – Чехов: три решения одной темы» затронул вопрос о разном характере репрезентации темы страха в так называемых таинственных повестях Тургенева и в прозе его младшего современника Г. де Мопассана, который, по его признанию, испытывал влияние своего русского коллеги. У Тургенева и Мопассана тема страха звучит схоже и выражается в особых «страхах-ситуациях», между тем как в рассказе А.П. Чехова «Страх» она обретает экзистенциальные характеристики, что, в свою очередь, дает повод для проведения типологических параллелей с идеями датского философа Кьеркегора.

Проф. Е.Д. Гальцова (РГГУ, ИМЛИ РАН, МГУ, кафедра истории зарубежной литературы) в докладе «Э.М. де Вогиюэ о позднем творчестве И.С. Тургенева» обратилась к вопросу восприятия и оценки поздней романистики Тургенева в известной книге Вогиюэ, посвященной русскому роману. Было справедливо отмечено, что Вогиюэ оставляет интересные, хотя и не лишённые субъективности суждения об этих текстах, но что в целом французский критик, неплохо знавший уже известного в его стране русского писателя, оказывается более открытым для восприятия новых художественных решений Тургенева, чем его соотечественники.

Проблема восприятия пластического искусства в поздней публицистике и эпистолярной Тургенева была поднята в докладе проф. А.А. Пауткина «Искусство экфрасиса. Произведения русских скульпторов в оценке Тургенева». В центре внимания оказались отзывы Тургенева об М.М. Антокольском (очерк «Заметка о М.М. Антокольском»), в особенности о скульптуре Ивана Грозного, а также описания артефактов эллинистического периода из коллекции Берлинского музея («Пергамские раскопки»), предназначенные для публикации в журнале «Вестник Европы».

Избранные письма Тургенева поздних лет были рассмотрены в докладе доц. М.Л. Калугиной «Эпистолярное наследие И.С. Тургенева 1860–1880 гг.». Докладчика интересовал социальный и профессиональный круг тургеневских корреспондентов.

Секция второго дня конференции собрала исследователей из разных тургеневских научных центров России, к которым присоединились коллеги из Венгрии. Приветственным словом открыл заседание проф. В.М. Головки (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь), работы которого являются золотым фондом тургеневедения. Ученый немало сделал в области изучения феномена «позднего Тургенева». В докладе проф. В.М. Головки «Предвосхищение философских идей аксиологического онтологизма XX века в “Стихотворениях в прозе” И.С. Тургенева» речь шла о художественном философствовании Тургенева, которое в немалой степени предвосхитило философские идеи аксиологического онтологизма 1920-х гг. Ученый остановился на анализе всего одной миниатюры Тургенева из его цикла «Стихотворения в прозе» под названием «Necessitas, Vis, Libertas» и показал родство тургеневского понимания свободы и смежных идей у европейских философов XX века – Н. Гартмана и М. Шеллера.

Проблемы специфики «реализма» Тургенева были подняты в докладе проф. Е.Г. Петраш (Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва) «К вопросу о художественном методе “позднего” Тургенева». В докладе отмечалось, что художественный язык поздних текстов писателя был не вполне понятен его французским современникам и коллегам, о чем свидетельствуют мемуаристы. Между тем этот аспект рецепции дает дополнительную возможность современным исследователям провести грань между русским и французским методом реалистического письма.

Актуальная в последнее время проблема изучения универсалий в литературе была затронута в докладе проф. А.А. Бельской (ОГУ имени И.С. Тургенева, г. Орел) «Мифопоэтика романа И.С. Тургенева “Дым”». Внимание докладчика было обращено к осмыслению глубинных смысловых структур, которые нашли свое выражение как в символике романа, так и в именовании центральных персонажей. Имя главной героини Ирины Ратмировой, как было представлено в докладе, разворачивается в самостоятельный сюжет, который усиливает ее «инфернальные» характеристики.

«Статьи о позднем Тургеневе в контексте литературно-критической прозы И. Анненского» были рассмотрены в докладе проф. И.Б. Ничипорова (МГУ). Обращает внимание факт востребованности И. Анненским тургеневских размышлений о конечных вопросах. Поздний, «мистический» Тургенев оказывается своеобразным «ключом» к прочтению И. Анненского.

Проблема «Самоубийства как поступка в поздних повестях И.С. Тургенева (“Несчастливая”, “Клара Милич”))» стала предметом осмысления проф. Н.И. Николаева и доц. Т.В. Швецовоной (Северный (Арктический) федеральный университет

имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск). Было отмечено, что сильной позицией в текстах Тургенева разных лет, а особенно в вышеобозначенных повестях, обладают поступки женских персонажей. Это сказывается в том числе в большей решительности тургеньевских героинь в вопросе личного выбора между жизнью и смертью, особенно в сравнении с героями-мужчинами. Доклад вызвал неизбежные вопросы этического плана и философского, касающегося феноменологии поступка как такового.

Доклады проф. М.В. Антоновой (ОГУ имени И.С. Тургенева, г. Орел) «Агиографические мотивы в рассказах И.С. Тургенева “Странная история” и “Рассказ отца Алексея”» и доц. Т.С. Карпачевой (МГПУ, г. Москва) «Власть квазирелигиозного пророка в осмыслении И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: к постановке вопроса» представили два различных подхода к пониманию природы «странной» религиозности некоторых тургеньевских персонажей. В первом докладе акцент был сделан на агиографической традиции и ее реализации у Тургенева, во втором было предложено взглянуть на те же явления и характеры в свете псевдодуховной, сектантской практики. В этой связи были представлены интересные параллели с творчеством раннего у Ф.М. Достоевского, а тем самым выявлены новые точки пересечения между писателями.

Ряд докладов, представленных на конференции, был посвящен проблемам рецепции творчества Тургенева русскими писателями, его младшими современниками.

В докладе Г.А. Григорян (аспирантка кафедры истории русской литературы МГУ) «Поэтика финалов: Чехов и Тургенев» были выявлены любимые А.П. Чеховым тексты «позднего Тургенева». К их числу принадлежит рассказ «Собака», который практически единодушно современниками не признавался. Интересные наблюдения были сделаны в докладе над финалами «Клары Милич» Тургенева и «Черного монаха» А.П. Чехова. Выявленные параллели не были еще отмечены учеными, несмотря на солидную историю сопоставительного изучения творчества обоих писателей.

Смежные мотивы, которые выделяются в ряде текстов Тургенева и Л.Н. Толстого, были рассмотрены в докладе проф. А. Молнар (Дебреценский университет, Венгрия) – «Мотивы ревности в “Песни торжествующей любви” И. Тургенева и в “Крейцеровой сонате” Л. Толстого» и выпускницы кафедры истории русской литературы, канд. филол. наук С.А. Асеевой – «О двух одноименных лирических зарисовках И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого под названием “Сон”». В первом случае речь шла о ситуации ревности / измены, во втором – о развитии сновидческой темы.

В заключительной части конференции прозвучали доклады исследователей, посвященные вопросам поэтики разных в жанровом плане текстов из «позднего» тургеньевского наследия, часть которых малоизвестна или редко привлекает внимание ученых. «Роль случая в сюжете “студии” Тургенева “Стук... стук... стук!..”» рассмотрела О.Д. Тюняева (студентка МГУ, научный сотрудник Музея И.С. Тургенева, г. Москва) и обратила внимание на то, что случай в этой «студии типа» оказывается скорее экспериментом. Т.Г. Дубинина (МГПУ, г. Москва) обратилась к вопросу «Жанровых истоков сказок И.С. Тургенева» и выделила в них параболическое начало. «Французское прижизненное издание “Стихотворений в прозе” И.С. Тургенева в свете проблемы циклообразования» рассмотрела Ю.Д. Бурмистрова (аспирантка кафедры истории русской литературы МГУ), подчеркнув в своем докладе мысль о том, что в нем реализуется общая для тургеньевских «Сенилий» циклообразовательная стратегия.

В целом конференция обозначила современное понимание проблемных точек творчества Тургенева 1860–1880-х гг., которое сам писатель считал новым этапом в своей художественной практике.

Сведения об авторе:

Ирина Анатольевна Беляева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
Московский городской педагогический
университет (МГПУ),
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina A. Belyaeva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Moscow City University,
Lomonosov Moscow State University

belyaeva-i@mail.ru

*И.Л. Анастасьева (Москва),
И.Е. Карпенко (Москва)*

Международная конференция русистов в Барселонском университете

---

*I.L. Anastasjeva (Moscow),
I.Ye. Karpenko (Moscow)*

International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona

С 20 по 22 июня 2018 г. в Барселонском университете проходила Первая Международная конференция русистов, ставшая грандиозным научным событием не только для Каталонии, но и для России, а также для всех стран, в которых преподается русский язык и литература.

До начала мероприятия была проведена серьезная подготовительная работа, которую возглавили профессора университета Жоан Кастельви (Joan Castellví), выступивший на открытии конференции с приветственным словом, Рикардо Сан Висенте (Ricardo San Vicente), Энрике Куэро (Enrique Quero), Марк Руис-Соррилья (Marc Ruiz-Zorrilia)¹. Им активно помогали члены организационного и научного комитетов конгресса и многочисленные волонтеры.

Сорок два рецензента из 352 заявок, поданных желающими принять участие в форуме русистов, отобрали 277. Впечатляет количество стран, представители которых проявили интерес к конгрессу и приехали в Барселону. На конференции была представлена сорок одна страна: Австралия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Грузия, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Латвия, Мексика, Молдова, Норвегия, Польша, Пуэрто-Рико, Россия, Сербия, Словакия, США, Тайвань, Тунис, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония.

Для проведения конференции были выделены аудитории филологического факультета Барселонского университета. Открытие и закрытие конференции, пленарные заседания проходили в актовом зале Паранимф исторического здания университета.

Конференцию открывал координатор профессор Жоан Кастельви. На открытии присутствовали и выступили с приветствиями декан факультета доктор Хе-

---

¹ См. интервью с профессором М. Руис-Соррилья: <https://slovo-bogoslova.ru/culturology/rossiya-i-ispaniya>

сус Хавьер Веласа Фриас (Dr. Jesús Javier Velaza Frías), директор Департамента современных языков и литератур и английской филологии Уилльям Филлипс (W. Phillips; организовавшая конференцию кафедра славянской филологии входит в состав этого департамента), консул-советник генерального консульства России в Барселоне Д.О. Якушев.

Интересна и структурная организация мероприятия: выступления шести пленарных докладчиков проходили не в один день, как это бывает обычно, а были распределены по всем дням работы конгресса (по два на каждый), что позволило участникам с большим вниманием прослушать все эти доклады. А именно: выступление профессора СПбГУ В.М. Мокиенко «Народные истоки образного языка русской литературы»; корифей славистики и литературы русской эмиграции Жоржа Нива (Georges Nivat) «От “искренности в литературе” до постмодернистской игры – путь русистики за мою жизнь слависта»; профессора Университета Мериленда (США) Киры Гор (Kira Gor) «Свойства ментального лексикона у изучающих русский язык как иностранный»; совместный доклад русистов Д.О. Добровольского и Людмилы Пеппель (Ludmila Röppel) «Корпусное исследование квазисинонимичных конструкций в русском нарративе: возьми u... vs. u...»; профессора Барселонского университета Рикардо Сан Висенте (Ricardo San Vicente) «Чудо Шаламова» и журналиста из Вологды Валерия Есипова «Шаламов и Солженицын: арьергардные бои за читателя».

Профессор В.М. Мокиенко рассказал о сложной системе русского литературного языка, представляющей собой своеобразный «плавильный котел», в котором слились воедино различные языковые стихии: свое и чужое, новое и старое, кодифицированное и некодифицированное, книжное и речевое, общее и специальное и т. д. Именно эти языковые стихии помогают понять закономерности развития языка, раскрывают способность русского языка к активному освоению заимствований. Специфической особенностью современной литературной речи является ее органическая способность сочетать в себе народную и литературную стихии. Также докладчик рассуждал о различных способах зарождения в русском языке либо проникновения в него идиоматических выражений.

Легендарный славист, ученик Н. Гудзия, современник Ю. Лотмана, З. Минц и Б. Гаспарова, в своем выступлении Жорж Нива подробно вспоминал о многих своих литературных и околотитулярных открытиях. Например, об обнаруженной когда-то рукописи толстовского «Воскресения», которую, находясь в эмиграции, продал его секретарь Чертков.

Блестящим по исполнению и академической содержательности был доклад Д. Добровольского и Л. Пеппель. А выступление Рикардо Сан-Висенте «Чудо Шаламова» стало невероятно вдохновляющим по степени своего эмоционального воздействия. Последовавший за ним доклад В. Есипова также заинтересовал участников конференции. В этом несколько противоречивом выступлении была дана критическая оценка творчеству автора «Архипелага Гулаг». Выступающий с уверенностью провозгласил, что эта книга способствовала подрыву основ советской государственности, ибо была рассчитана на зарубежного читателя, узнавшего из нее «ложное», т. е. завышенное, количество жертв сталинского террора.

На сегодняшний день в Испании существуют три основных центра преподавания РКИ (русского как иностранного): в Гранаде, Мадриде и Барселоне. В главном университете Каталонии кафедра РКИ существует с 1978 г. Русская литература была включена в учебную программу позднее, в 1987 г. Работу кафедры

славистики возглавляет профессор Рикардо Сан-Висенте. Огромный научный и преподавательский опыт сотрудников университета и кафедры позволил им провести подобное масштабное мероприятие, включившее две литературные и пять лингвистических секций.

О своих впечатлениях от конференции рассказал один из ее участников, доцент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина Илья Евг. Карпенко:

– Впечатления замечательные! Всё четко, ясно, прозрачно. Произвел большое впечатление сам университет – один из старейших в Европе, 1450 года основания. И вот это сочетание, с одной стороны, огромного помпезного зала Паранимф, где проходили пленарные заседания, с портретами королей, королев и кардиналов, а с другой – удобных небольших аудиторий тут же рядом, в новом корпусе, где проходила работа секций (с кондиционерами, экранами, проекторами, минералкой).

Меня приятно удивил плюрализм мнений, а главное, как бы поточнее сказать, целенаправленно организованная возможность их выражения в рамках МКР «Барселона-2018». Истинный, а не мнимый «плюрализм», о котором мы слышим много лет, но которого «почему-то» не видим в российских реалиях...

Я имею в виду пленарные заседания. На открытии конгресса – выступление Жоржа Нивы, «спевшего осанну» Александру Солженицыну и в целом сделавшего интересный и яркий доклад о русистике в своей жизни. А на закрытии – обращение к условному «антиподу» Солженицына, Варламу Шаламову, на чем в своем выступлении настаивал Валерий Есипов, при этом «громя» Солженицына. И которому (Шаламову, а не Солженицыну) посвятил свое эмоциональное образное обращение к конгрессу профессор Университета Барселоны Рикардо Сан-Висенте, справедливо и в точку назвав свой доклад «Чудом Шаламова».

Понравился мне очень и открывший конгресс доклад Валерия Михайловича Мокиенко на близкую мне тему – о народных истоках образного языка русской литературы. Он говорил именно об истоках, то есть о том, о чем забывать нельзя никогда. Тем более в нашей гуманитарной науке, филологии.

– А чему был посвящен ваш доклад?

– В своем докладе я попытался «впрячь в одну телегу» психологию, лингвистику и методику преподавания РКИ. Точнее, использовать новейшие данные психологии, посвященные когнитивной эмпатии, с привлечением фундаментальных основ лингвистики (учения о «внутренней форме слова» Поттебни, а также азов словообразования) для решения одной из важных задач в практике преподавания РКИ лингвистам. А именно, развитию у них чувства языка. Я уверен, что выработка пресловутого «языкового чутья» при обучении наших будущих коллег-филологов русскому языку очень важна. Кроме того, в исследовании сделана попытка ответить на вопрос, какие условия способствуют развитию этого «шестого чувства».

– Что на МКР «Барселона-2018» вам понравилось больше всего?

– Честно говоря, мне всё понравилось. И форма, и содержание. Порадовала, во-первых, широта охвата обсуждаемых проблем – от узко методических, касающихся каких-то, казалось бы, частных вопросов организации учебного процесса, подачи материала, того или иного нераскрытого лингвистического или же литературоведческого аспекта, до проблем мировоззренческих, глобальных.

В-вторых, четкое распределение участников по секциям, «сведение воедино» разных научных интересов и заинтересованных участников научного процесса. И, конечно, культурная и кулинарная программа: на фуршете и в день закрытия конференции нас познакомили с прекрасными блюдами местной кухни!

В общем, весь спектр радостей – научных, культурных и простых жизненных (тем не менее, не только насыщающих, но и ментально обогащающих) – был представлен. Культурная программа включала в себя экскурсию по университету, поход к поющим фонтанам Монтжуик, в Музей современного искусства, а также посещение знаменитого творения Гауди – Саграда Фамилия и Готического квартала. И, конечно, никто не отменял главную радость от подобных форумов – радость общения!

Вообще же, за всем чувствовалась большая подготовительная работа кафедры славистики Университета Барселоны. И виден труд преподавателей и сотрудников кафедры по организации этого конгресса. Работа буквально всех: от первых лиц конференции – господина Жоана Кастельви, Марка Руиса-Сорильи и других профессоров кафедры до «вспомогательного персонала» – аспирантов и студентов-волонтеров. Действительно, у них можно (и нужно!) поучиться тому, как организовывать и проводить подобные конференции. Программа, структура и мероприятия конференции были глубоко продуманы и четко спланированы; ее проведение – прекрасно организовано, а хозяйева доброжелательны и радушны. Спасибо им за это!

Сведения об авторах:

Ирина Леонидовна Анастасьева,
канд. филол. наук
доцент
факультет иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina Anastaseva,
PhD
Associate Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
anastasyevairina@gmail.com

Илья Евгеньевич Карпенко,
канд. филол. наук
доцент
Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина

Iliia Karpenko,
PhD
Associate Professor
Pushkin State Russian Language Institute

А.В. Бабанов (Санкт-Петербург, Россия)

20-е Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова (международная научная конференция)

A.V. Babanov (St. Petersburg, Russia)

20th Slavonic Reading of the Memory of Professor P.A. Dmitriev and Professor G.I. Safronov (International Scientific Conference)

Конференция проходила на филологическом факультете СПбГУ 12–13 сентября 2018 г.

Деятельность Петра Андреевича Дмитриева и Германа Ивановича Сафронова, возглавлявших кафедру славянской филологии Ленинградского / Санкт-Петербургского государственного университета на протяжении более чем 30 лет, оставила заметный след в отечественной славистике и создала традицию исследований, во многом продолжающуюся до сих пор благодаря их ученикам и последователям.

Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова проводятся на филологическом факультете СПбГУ с 1999 г. ежегодно, но в различном формате (от специального заседания кафедры до крупной международной конференции).

Как минимум до десятых Славистических чтений конференции проводились как международные, и за 10 лет было представлено несколько сотен докладов, подготовленных славистами из десятков научных и учебных центров, находящихся в различных городах России и во многих зарубежных странах – как славянских, так и неславянских. Проблематика докладов, представленных на Славистических чтениях, охватывала широчайший круг вопросов, относящихся к истории славяноведения, истории славянских языков, славянской диалектологии, грамматике, лексике, фразеологии, паремиологии современных славянских языков, социолингвистики, истории славянских литератур, межславянских литературных контактов, теории и практике перевода, методике преподавания славянских языков, организации преподавания зарубежных славянских языков и литератур в СССР и на постсоветском пространстве. Такая широта проблематики была связана не только с желанием организаторов максимально расширить круг участников конференции – она объективно отражала широкий диапазон научных интересов П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова. Доклады на Славистических чтениях звучали не только на русском, но и на разных зарубежных славянских языках. Содержательная сторона конференций зафиксирована в сборниках материалов, издававшихся ежегодно.

Организация конференций осуществлялась при неизменной поддержке руководства факультета, но прежде всего силами сотрудников кафедры, которые таким образом выражали свою благодарную память об ушедших учителях и руководителях. В какой-то момент ежегодное проведение крупных конференций стало для кафедры сложной задачей, но традиция Чтений не угасла, они проводились каждый год, хотя и в скромном формате. Каждый год они проводились 12 сентября – в день рождения П.А. Дмитриева (1928) и день кончины Г.И. Сафронова (1997). Эта дата каким-то мистическим образом навсегда закрепила связь их судеб, которые и так были нераздельны на протяжении нескольких десятилетий, и стала знаковым днем для их коллег, учеников и продолжателей научной и общественной традиции.

Отмечаемое в этом году 90-летие со дня рождения П.А. Дмитриева и юбилейный (двадцатый) порядковый номер Чтений дали серьезный повод вернуться к тому формату, с которого они начинались.

12 сентября состоялось пленарное заседание, на котором были представлены три доклада. Один был посвящен подведению итогов образовательной и научной жизни кафедры славянской филологии за последние 20 лет – период, прошедший со времени ухода проф. П.А. Дмитриева, а также период регулярного проведения конференций, посвященных его памяти. Доклад был подготовлен проф. Мариной Юрьевной Котовой, возглавлявшей кафедру на протяжении почти всего представляемого периода, и доц. Ольгой Викторовной Раиной, и.о. зав. кафедрой славянской филологии в настоящее время; на заседании доклад представила О.В. Раина.

Из гостей конференции на пленарном заседании с докладом «Особенности репрезентации фразеосемантического поля “речевая деятельность” (на материале славянских языков)» выступила проф. Алина Юрьевна Маслова, проректор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, в 1990-е гг. – аспирантка проф. П.А. Дмитриева.

Третий пленарный доклад – «“Пословице” Вука Караджича в современном контексте» – был представлен проф. Валерием Михайловичем Мокиенко, одним из ведущих профессоров СПбГУ, работающим на кафедре славянской филологии. Доклад органично связал одну из сквозных тем научных интересов П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова (изучение жизни и научного наследия Вука Караджича) с проблематикой исследований, ведущихся на кафедре славянской филологии в последнее время (изучение паремиологических минимумов современных славянских языков).

Во второй половине дня 12 сентября участники конференции имели возможность почтить память Г.И. Сафронова и П.А. Дмитриева, посетив их могилы на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге и на Казанском кладбище в Пушкине.

Во второй день конференции, 13 сентября, состоялось восемь секционных заседаний. Секционные заседания проводились с 10.00 до 18.30, параллельно работало до трех секций.

Почти половина докладов, представленных на секционных заседаниях, была посвящена славянским литературам. В секции славянских литератур состоялось три заседания, на которых было представлено и обсуждено 17 докладов. В докладах литературоведов рассматривались вопросы различных этапов истории славянских литератур – от средневековья и Возрождения до современности. Историко-литературная проблематика анализировалась в аспекте особенностей поэтики (доклад доц. Марины Николаевны Дробышевой из Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина «Тип героя в Дубровницкой драме 16

века», два доклада сотрудниц Института филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск): канд. филол. наук Татьяны Ивановны Ковалевой «Особенности сюжетосложения в сибирском Сказании о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске» и канд. филол. наук Любви Александровны Курышевой «Сказочный сюжет о мертвой царевне в русской беллетристике XVIII века»). В ряде докладов историко-литературная проблематика переплеталась с проблематикой литературных контактов. Таковы были доклады гостей из МГУ имени М.В. Ломоносова проф. Аллы Геннадьевны Шешкен («П.П. Негош и А.С. Пушкин: творческий диалог») и канд. филол. наук Егора Владимировича Сартакова («Гоголь у сербов во второй половине XIX – начале XX века»), а также доц. Ольги Валерьевны Гусевой из СПбГУ («Польская детская литература в России: История и современность»).

Немало внимания было уделено вопросам современных славянских литератур: особенностям жанров – доклады доц. Алексея Юрьевича Колянова из Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» «Чешские поэты-путешественники: Витезслав Незвал и Петр Кукал», проф. Надежды Николаевны Стариковой из Института славяноведения РАН «Между сонетом и эпосом. Штрихи к портрету современной словенской поэзии», проф. Мирана Штухеца из Мариборского университета (Словения) «Урош Зупан – между поэзией и эссе» (представлен на словенском языке), доктора филологии из Гамбургского университета Сеада Поробича «Семейная сага как история эпохи – о романе “Род” Миленко Ерговича» (представлен на хорватском языке); поэтике – доклады сотрудниц Института славяноведения РАН Светланы Анатольевны Кожиной «Семантика визуальных образов и их трансформаций в романе В. Парала “Мука образности”» и Натальи Александровны Луньковой «Поэтика цвета в цикле рассказов С. Стратиева “Одинокое ветряные мельницы”», ее характерным образам – доклад проф. Натальи Сергеевны Олизько из Челябинского государственного университета «Культ волка в современном постмодернистском мифе». Обзорный доклад, посвященный некоторым новым тенденциям в славянских литературах, сделала доц. Татьяна Евгеньевна Аникина из СПбГУ.

На заседаниях литературоведов были представлены также два доклада, посвященные вопросам истории и современным тенденциям в литературоведческой науке – доклад доц. Александры Витальевны Тоичкиной (СПбГУ) «Значение трудов Д.И. Чижевского для преподавания курсов истории славянских литератур» и доклад канд. филол. наук Ольги Валерьевны Розинской (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Польская русистика XXI века: новый взгляд на изучение русской литературы». Доклад, освещающий некоторые проблемы популяризации славянских литератур в России, представил доктор филол. наук Андрей Борисович Базилевский, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН и соучредитель небольшого частного издательства «Вахазар».

Проблемы славянского языкознания рассматривались в трех секциях, которые провели в общей сложности четыре заседания, заслушали и обсудили 19 докладов. В лингвистической части конференции доминировала проблематика современных славянских языков. Ей были посвящены два секционных заседания, на которых состоялось 10 докладов. В представленных докладах рассматривались преимущественно вопросы лексической и грамматической семантики: проф. Наталья Евгеньевна Ананьева (МГУ имени М.В. Ломоносова) выступила с докладом «Языковые средства выражения понятия ‘пустота’ (empty) и ‘полнота’ (full)

в польском и русском языках», канд. филол. наук Незрин Гусейн-гызы Самедова (Азербайджанский университет языков) – «Семантическое описание глаголов передвижения в славянских языках: что показывает опыт русистики», доц. Ольга Николаевна Шапкина (МГУ имени М.В. Ломоносова) – «“Море цветов” или “поток упреков”. Семантика и сочетаемость квантификаторов в польском языке», канд. филол. наук Антония Пенчева (Университет национальной и мировой экономики; Болгария, София) – «Метафорическое представление феномена коррупции в болгарском медиадискурсе», доктор филол. наук Драгана Раткович (Институт сербского языка Сербской Академии Наук и Искусств; Белград) – «Лексема *погода* в сербском языке в сравнении с русским и польским» (доклад был представлен на сербском языке), канд. филол. наук Мария Львовна Кулешова (МГУ имени М.В. Ломоносова) – «*Malo, premalo, nekoliko* – наречия низкой степени в современном словенском языке на фоне русского», проф. Елена Юрьевна Иванова (СПбГУ) и доц. Виктория Александровна Лазарева (Университет Салерно; Италия) – «Тавтологии *X cor X* в болгарском языке (в свете корпусных данных)». Вопросам теории коммуникации был посвящен доклад доктора филологии из Вроцлавского университета (Польша) Дануты Пытель-Пандей – «Языковые и внеязыковые детерминанты успешных языковых контактов на примере современного польского языка», прозвучавший на польском языке. К актуальной социолингвистической проблематике обратились в совместном докладе «Феномен современного билингвизма как языковой портрет Киева» канд. филол. наук Александр Викторович Савченко (Государственный университет Чженчжи; Тайвань, Тайбэй) и доц. Михаил Сергеевич Хмелевский (СПбГУ). Один из актуальных грамматических вопросов перевода с болгарского языка на русский рассматривался в докладе канд. филол. наук Анастасии Геннадьевны Мосинец (СПбГУ) – «Русские переводческие соответствия болгарского дубитатива».

В секции истории и диалектологии славянских языков состоялось 5 докладов. Два были посвящены вопросам исторической и сопоставительной фразеологии: доц. Ольга Ивановна Трофимкина (СПбГУ) прочитала доклад «Библиизмы *юдоль плачевная* и *земля обетованная* в русском и сербском литературных языках», доц. Илья Витальевич Кузьмин (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) – «Характеристика человека в русской и польской фразеосистемах (на примере ФЕ с зоокомпонентом)». Остальные три доклада были посвящены вопросам диалектологии. Доклад о диалектологии болгарского языка представила канд. филол. наук Мария Николаевна Белова (МГУ имени М.В. Ломоносова) – «Родопские говоры в современном мире», хорватского языка – доц. Екатерина Ивановна Якушкина (МГУ имени М.В. Ломоносова), выступившая с материалом «Лексическая дифференциация хорватских говоров»; вопросы диалектологии польского языка освещены в докладе доц. Виктория Игоревна Ушинскене (Вильнюсский университет) «Лексические архаизмы в периферийных польских говорах на территории Литвы».

В секцию славянской лингводидактики были объединены доклады, представляющие лингвистическую проблематику с точки зрения ее учета в преподавании славянских языков, а также доклады, посвященные организации преподавания славянских языков и культур в различных учебных центрах. Лингвистическим аспектам лингводидактики были посвящены доклады доц. Ольги Олдржиховны Лешковой (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Подвижность языковой нормы и ее учет в лингводидактике (на материале польского языка)» и доц. Андрея Влади-

мировича Бабанова (СПбГУ) «Симметричные и асимметричные проблемы в славянской лингводидактике». Опыт организации преподавания словенского языка как иностранного в Люблянском университете обобщал доклад проф. Наташи Пирих-Светины (Люблянский университет, Словения) «Обучение словенскому языку носителей славянских языков», представленный на словенском языке. Доклад магистра Марии Мамаевой из Гамбургского университета «Преподавание русского и других славянских языков в Гамбургском университете – обзор» дал интересный пример преподавания славянских языков в вузе неславянской страны, в которой имеются достаточно многочисленные и неоднородные группы лиц славянского происхождения.

На заседании небольшой, но очень важной для данной конференции секции истории славистики были представлены четыре доклада: канд. филол. наук Драгана Дракулич-Прийма (сотрудница Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге) рассказала о личной книжной коллекции Вука Стефановича Караджича в Библиотеке Российской Академии наук и пригласила всех участников конференции ближе познакомиться с данным собранием на выставке, представленной как раз в это время в зале Славянского фонда библиотеки. Доц. Наталья Александровна Бондаренко из Института языков и культур им. Л.Н. Толстого (Москва) представила доклад, посвященный одному из первых периодических изданий русских славянофилов и славяноведов, выходившему на протяжении более чем полувека («Славянский вестник» А.А. Хованского в контексте идеи славянской взаимности). Один доклад был посвящен русской послереволюционной эмиграции в славянских странах: канд. филол. наук Ксения Борисовна Егорова (Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом); Санкт-Петербург) представила доклад «О роли русской эмиграции в культурной жизни Подкарпатской Руси», а канд. филол. наук Наталья Александровна Родионова (Стенина), сотрудница Научной библиотеки СПбГУ, обратилась к одному из сюжетов истории и традиции петербургской славистики и рассказала о деятельности Олега Михайловича Малевича – выпускника кафедры славянской филологии СПбГУ, литературоведа, переводчика, основателя петербургского «Общества братьев Чапеков», активно популяризовавшего чешскую культуру в России.

Все участники конференции отметили высокий научный уровень представленных на ней докладов. Конференция не только стала данью памяти учителям и наставникам, много сделавшим для развития отечественной славистики, но и способствовала расширению и укреплению научных контактов кафедры славянской филологии с другими славистическими центрами России и зарубежья, установлению контактов между славистами, прибывшими в Петербург на конференцию из различных, зачастую далеких друг от друга учебных и научных центров. Завязавшиеся на конференции контакты могут принести новые совместные исследования. По итогам конференции предполагается публикация сборника материалов.

Сведения об авторе:

Андрей Владимирович Бабанов
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
СПбГУ

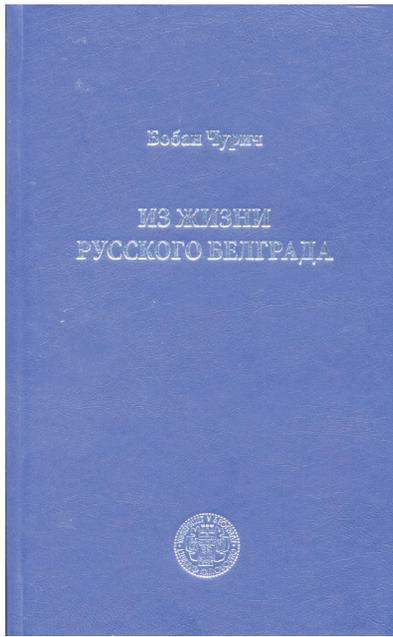
Andrey V. Babanov,
PhD
Assistant Professor
Faculty of Philology
St. Petersburg State University

ab3907@yandex.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

А.Г. Шешкен

**Чурич Бобан. Из жизни русского Белграда.
Белград: Филологический факультет
Белградского университета. Белпак, 2015. 231 с.**

A.G. Sheshken

**Churich Boban. From the Life of Russian Belgrade.
Belgrade: Philological Faculty of the Belgrade University. Belpak, 2015. 231p.**

Труд сербского ученого Б. Чурича опубликован как шестая книга уникального продолжающегося издания библиотеки на русском языке «Язык и литература» (в настоящее время опубликовано более двадцати томов). Библиотека издается филологическим факультетом Белградского университета под покровительством президента Республики Сербии, при поддержке Министерства культуры и информации Республики Сербии и Министерства иностранных дел Республики Сербии. Среди изданных трудов редкие и труднодоступные тексты, критика и научные статьи живших и работавших в Сербии в межвоенные годы русских эмигрантов: Е. Аничкова (в двух томах), дневниковые записи режиссера Ю. Ракитина, письма русских эмигрантов к президенту Сербской Академии наук А. Беличу, а также впервые изданные на русском языке работы сербских ученых о руско-сербском литературном взаимодействии, труды по сербскому фольклору, истории сербского языка и литературы и др.

Исследование профессора Белградского университета Б. Чурича вносит важный вклад в изучение специфического историко-культурного явления, каким был в 1920–1930-е гг. «Русский Белград». Этот феномен возник вследствие того, что Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (1918, с 1929 по 1941 г. – Королевство Югославия) приняло на своей территории русских беженцев (по разным оценкам от 40000 до 70000 человек). Русские внесли огромный вклад в развитие культуры страны, оказавшей им гостеприимство. В силу исторических обстоятельств систематическое изучение их роли в сербской культуре началось только на рубеже 1980–1990 гг. В это время были проведены научные конференции («Русская эмиграция в сербской культуре XX века». Белград, 1994 и др.), стали публиковаться архивные материалы (многолетний труд Алексея Арсеньева), появились первые монографические исследования о жизни и деятельности русской эмиграции («Русская литературная Сербия 1920–1941 годов (писатели, кружки, издания)»

О. Джурича и др.¹ В изучении данной проблематики участвовали ученые старшего поколения литературоведов-русистов (М. Стойнич, М. Сибинович, Б. Косанович, А. Петров и др.), к которым присоединились в начале XXI в. молодые ученые из Белградского университета – Б. Чурич, И. Антанасиевич и др.

Труд Б. Чурича базируется на тщательном изучении периодики 1920–1930-х гг.: газет и журналов на сербском (центральная газета «Политика», литературный журнал «Српски књижевни гласник», Белград и др.) и русском языках (газеты русской эмиграции «Новое время» и др.). Свои многолетние наблюдения и выводы о культурной активности русских в Сербии, их усилиях по популяризации русской литературы, отношении к их деятельности сербской среды автор основывает на конкретном, подчас уже труднодоступном материале. В этом главная исследовательская ценность его работы. Кроме того, именно анализ периодики дает возможность представить атмосферу эпохи, почувствовать общественное отношение в Сербии к русским эмигрантам, показать, что процесс взаимного интереса сербов и русских друг к другу базировался на многовековой традиции. В межвоенные десятилетия русское искусство и наука обладали уникальным потенциалом, а сербская культура была готова их воспринять и сделать неотъемлемой частью своей национальной культуры и науки. Налицо процесс, который А. Веселовский называл «встречными течениями», что блестяще продемонстрировано на конкретном материале в работе Б. Чурича.

Ценность труда сербского ученого в том, что он базируется на серьезной теоретической основе сравнительно-исторического литературоведения (традиционно сильного в белградской русистике), что придает весомость его выводам и цементирует огромный материал, придает целостность и стройность концепции, освещению самых разных фактов и событий. Многие из них сербский ученый впервые делает достоянием науки. Б. Чурич подчеркивает, что он рассматривает «русский Белград как русско-сербский культурный диалог, оживленный, динамичный и плодотворный, как культурный феномен определенной эпохи и географического пространства» (стр. 7)². Такой подход – осветить уникальное историко-культурное явление в его развитии – обусловил композицию работы. Внимание Б. Чурича сосредоточено на изучении важных событий, связанных с деятельностью русской эмиграции, которые получили широкое освещение в прессе. Эти события представлены в книге в хронологическом порядке.

Первым событием, привлечшим всеобщее внимание, о котором много писали сербские и русские газеты, издававшиеся в межвоенной Югославии, был приезд в Белград генерала Врангеля в марте 1922 г. Периодика того времени освещала прием, оказанный Врангелю королем Александром Карагеоргиевичем и правительством страны, реакцию разных общественных сил на это событие, полемику по поводу приема частей регулярной русской армии. В ней Врангель видел основу будущей русской армии после неизбежного и, как казалось тогда, скорого падения большевистской власти. Автор приводит интересные факты о том, что части русской армии были использованы при восстановлении разрушенной Балканскими (1912 и 1913) и Первой мировой войнами Сербии; в частности, они строили дороги и восстанавливали железнодорожные пути. Б. Чурич освещает оценку в прессе личности Врангеля (пробыл в Сербии с 1922 по 1926 г.; прах его по завещанию перенесен в Белград и захоронен в русской церкви Св. Троицы в

¹ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац. Београд, 1990.

² Здесь и далее цитируется по указанному изданию с указанием страниц в скобках. – *А.Ш.*

1929 г.) и его деятельность по сохранению армии на фоне важных европейских событий (конференция в Генуе 1922 г.), с учетом отношения к русским беженцам в Европе в целом.

Особый раздел книги посвящен деятельности Русской православной церкви за границей, так как именно Сербия (г. Сремски Карловци) стала духовным центром русской эмиграции во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). Приводится много интересных фактов о строительстве в Сербии русских храмов, из которых сохранились и являются памятниками зодчества церковь Святой Троицы и Иверская часовня на Новом кладбище в Белграде.

Самое пристальное внимание исследователь уделяет освещению обстановки, в которой проходил в Белграде Первый съезд русских писателей и журналистов (1928), ставивший своей целью объединить русские творческие силы за рубежом, и влиянию этого события на культурную жизнь Сербии. Б. Чурич тонко и с глубоким знанием русской литературы и ситуации в национальной культуре того времени оценивает отношение сербской и русской прессы к выступлениям русских писателей. Изучение периодики позволило Б. Чуричу уточнить, кто из самых значительных русских писателей принимал участие в съезде (на съезде по разным причинам отсутствовали И. Бунин, К. Бальмонт, И. Шмелев и М. Алданов). Приведен интересный материал о том, как освещалось в печати творчество и личности А. Куприна, Д. Мережковского, З. Гиппиус, В.И.Немировича-Данченко и др., проанализированы доклады русских писателей и отклик на них в сербской культурной среде.

Отдельно рассмотрена Б. Чуричем многогранная деятельность культурного, образовательного и научного центра в Белграде – «Русского дома» им. Николая II (открыт в 1933 г.). В труде содержится также уникальный материал, освещающий празднование столетия со дня рождения Льва Толстого (1928) и пребывание в Белграде русских писателей И. Бунина (1937), К. Бальмонта (1929), их контакты с сербскими писателями, учеными и общественными деятелями (А. Белич). Освещена история постановки драмы Д. Мережковского «Царевич Алексей» на сцене Народного театра.

В свете прошедшего в августе 2018 г. в Белграде XVI съезда славистов особую важность приобрело освещение материалов III съезда славистов, который должен был состояться в Белграде в 1939 г., но из-за начавшейся Второй мировой войны был отменен. Тем не менее доклады сербских участников съезда были опубликованы. Б. Чурич проанализировал доклады русских славистов-эмигрантов, изданные репринтным способом в 2008 г. Это доклады А. Бема, И. Голенищева-Кутузова, Р. Плетнева, А. Елачича, В. Мошина, Е. Ляцкого и А. Соловьева.

Плодотворной была также деятельность научного академического учреждения «Русского научного института в Белграде» (1928–1941), который издавал «Записки Русского научного института в Белграде» (1930–1941). В них за годы работы было опубликовано около 200 научных трудов по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам учеными, жившими в разных странах Европы. Ряд работ был посвящен проблемам истории, литературы и культуры Сербии и русско-сербским взаимосвязям.

Труд Б. Чурича удачно сочетает серьезность научного исследования и живость и даже увлекательность изложения материала и вписывает в изучение культурной деятельности русской эмиграции в Сербии яркую страницу, раскрывая перспективы дальнейшего изучения этой важной темы. Работа сербского ученого также

свидетельствует о плодотворном развитии белградской школы литературоведческой русистики, достижения которой хорошо известны в нашей стране.

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

In Memoriam

In Memoriam

Памяти Татьяны Яковлевны Орловой (1949–2018)

In Memory of Tatyana Yakovlevna Orlova (1949–2018)

16 августа ушла из жизни Татьяна Яковлевна Орлова – наша коллега, товарищ, близкий человек. Татьяна Яковлевна работала на филологическом факультете с 1976 г. Всю жизнь она отдала родному филологическому факультету. Татьяна Яковлевна была человеком редкой душевной доброты, доброжелательности, отзывчивости и справедливости. Кроме того, она талантливый исследователь, писавший интересные, глубокие работы, посвященные изучению эпической традиции литературы русского зарубежья, отличавшиеся высоким профессиональным уровнем. В научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире» она работала с 1991 г., занималась изучением исторического романа литературы русского зарубежья. Основное ее внимание было сосредоточено на творчестве М. Цетлина, Р. Гуля, Д. Мережковского, М. Алданова. В 2002 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Жанровые аспекты эпического цикла. Трилогия М. Алданова “Ключ. Бегство. Пещера”». В дальнейшем научные интересы Т.Я. Орловой были направлены на изучение жанровых особенностей исторического романа, в том числе романного цикла как особой жанровой разновидности. За время работы в лаборатории ею было опубликовано более 40 работ. Результаты исследований она представляла также в докладах на международных и российских научных конференциях. Кроме того, в течение ряда лет Татьяна Яковлевна вела семинарские занятия по теории литературы для иностранных студентов филологического факультета.

Научные работы Татьяны Яковлевны Орловой имели и продолжают сохранять практическое значение, они используются в общих лекционных курсах, специальных курсах, спецсеминарах и справочных изданиях.

Татьяна Яковлевна Орлова была чрезвычайно ответственным человеком, добросовестно выполняющим любое порученное ей дело, пользовалась заслуженным авторитетом в коллективе. Она была удостоена звания «Ветеран труда», награждена медалью «850 лет Москвы», нагрудным знаком «250 лет МГУ».

За многолетний самоотверженный труд на благо университета ей было присуждено звание «Заслуженный научный сотрудник Московского университета». В течение многих лет она являлась бессменным профгруппоргом лаборатории.

Кончина Татьяны Яковлевны была неожиданной для всех ее коллег и друзей. Мы потеряли очень хорошего человека, о котором всегда будем помнить. Скорбим об этой утрате.

О.В. Розинская

Аникин Владимир Прокопьевич
(06.08.1924–25.09.2018)

Anikin Vladimir Prokopievich
(06.08.1924–25.09.2018)

25 сентября 2018 г. скончался Владимир Прокопьевич Аникин, доктор наук, профессор филологического факультета.

Участник Великой Отечественной войны, он поступил в Московский государственный университет в 1945 г. В 1953 г. начал свой трудовой путь в должности преподавателя Московского университета, в 1973 г. стал профессором, а с 1978 г. возглавлял на филологическом факультете кафедру русского устного народного творчества.

Вся научная и педагогическая деятельность Владимира Прокопьевича связана была с филологическим факультетом, где его ученики, успешно развивая традиции изучения русского фольклора, идут по пути, указанному Владимиром Прокопьевичем – патриархом отечественной фольклористики, подготовившим к научной и педагогической деятельности не одно поколение филологов – исследователей народного творчества.

Редколлегия журнала *Stephanos* выражает искренниеболезнования родным, друзьям и коллегам Владимира Прокопьевича Аникина.

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2018-31-5-1-218

STEPHANOS
2018
№5 (31)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2018
Сентябрь — September